

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ЖИЗНИ

**АЛЕКСАНДР
КАДЕТОВ**

АКВАРИУМ-3

Annotation

Что знают широкие круги читателей о Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генштаба Вооруженных Сил — самой молчаливой шпионской службе Советского Союза, а ныне Российской Федерации? Да фактически ничего. Автор этой повести — полковник запаса, прослуживший в Главном управлении более 30 лет, — с потрясающей правдивостью рассказывает о нелегкой службе военных разведчиков, о том, как одни оперативные офицеры становятся героями, а кто-то выбирает позорный путь предательства и измены.

- [Александр Кадетов](#)

- ☐ [От автора](#)
- ☐ [Глава 1](#)
- ☐ [Глава 2](#)
- ☐ [Глава 3](#)
- ☐ [Глава 4](#)
- ☐ [Глава 5](#)
- ☐ [Глава 6](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)
- ☐ [7](#)
- ☐ [8](#)
- ☐ [9](#)
- ☐ [10](#)
- ☐ [11](#)
- ☐ [12](#)
- ☐ [13](#)
- ☐ [14](#)
- ☐ [15](#)
- ☐ [16](#)
- ☐ [17](#)

Александр Кадетов

Аквариум — 3

*Советским и российским
военным разведчикам,
честным и мужественным
патриотам Родины —
посвящается*

«Мне отмщение, и Аз воздам»

***Библия, гл. 32, «Послание
к римлянам»***

От автора

Говорят, предательство известно с библейских времен. Да что там с библейских — значительно раньше. Когда первобытный человек научился завидовать, ненавидеть, предаваться амбициям. Когда его стали обуревать жажда власти, жадность, стремление разбогатеть за счет своих соплеменников.

Все это так. И все же дело не только в презренных сребрениках, но и в характере, натуре, убеждении людей.

В повести делается попытка в художественной форме на примере двух случаев предательства в нашей военной разведке показать возможные причины, которые могли привести к измене Родине в период «холодной войны».

Я не могу согласиться с генерал-лейтенантом в отставке Кирпиченко В.А., который в своей широко известной книге «Разведка: лица и личности» утверждает, что «во всех известных случаях предательства никаких идеологических мотивов не просматривается. Причины его самые прозаические и неизменные: казнокрадство и, как следствие, вербовка иностранной спецслужбой на основе компрометирующих материалов».

По Кирпиченко выходит, что с идеологией у наших предателей все было в порядке.

Это упрощенная попытка объяснить предательство в разведке «прагматическими причинами» не выдерживает критики. Вот как изменников из советских спецслужб в свое время характеризовал начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон: «Они были людьми, не имевшими высоких принципов».

Система отбора в КГБ и ГРУ^[1] была несовершенна и давала возможность проникнуть в ряды разведчиков идеологически нестойким элементам, потенциальным предателям. В наших главных разведслужбах не было и не могло быть совершенной методы селекции, так как руководители, которые отбирали в разведку новые кадры, в большинстве своем были заражены меркантильной идеологией. Время показало, что многие из них быстро сменили веру, выбросили свои партийные билеты и переметнулись в другой лагерь.

Рыба гнила с головы, что неизбежно вело к предательству. Сегодня, когда российской разведке навязывается деполитизация и деидеологизация, власти в Соединенных Штатах при приеме в разведку все большее значение придают идейному фактору, политической благонадежности и преданности американским идеалам.

Природа не терпит пустоты. Чем заполнить опустевшую душу разведчика, когда ее покинули идейность и верность Отчизне?

В таких случаях пустоту заполнит предательство.

В повести автор попытался показать глубинные причины измены в нашей разведслужбе, рассматривая «прозаические» причины как производные от государственной идеологии в широком смысле этого слова. Вам, уважаемые читатели, судить, насколько это ему удалось.

Многие описанные в книге события в той или иной форме имели место в жизни. Фамилии, имена персонажей, места и время действия автором изменены.

Глава 1

ВЕРБОВКА ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯ

15 декабря 1960 года майор Дронов Виктор Никифорович, оперативный офицер резидентуры ГРУ в Стокгольме, задержался в советском посольстве на Виллагатан, 17 дольше обычного. Все уже давно разъехались на обед, а Виктор все сидел, склонившись над пишущей машинкой «Оптим» и, как шутили сослуживцы, «давил клопов» — печатал двумя пальцами годовой отчет о проделанной работе. Дело продвигалась очень медленно не только из-за скудости информации, которую приходилось собирать по крохам, а то и высасывать из пальца, но и из-за недостаточной практики работы на пишущей машинке. То у Виктора лента вылетала из бобины, скручиваясь в черный, пачкающий пальцы комок; то палец бил не по тому клавишу и вместо литеры «а» вылетала буква «п». Приходилось снимать бобину, расправлять и перематывать ленту, заправлять ее по-новому, подчищать бритвой букву или слово, вновь исправлять, а время неумолимо летело.

За соседним столом до обеда работал оперативный офицер Иван Бобров. Его машинка строчила как пулемет, каретка, словно бешеная, летала справа налево. Пальцы Ивана вслепую, как у пианиста, находили нужный клавиш. Он посидел полчаса за машинкой, собрал документы в папку и, бросив по-шведски «Хей по дей!» («До свидания!»), улетел из резидентуры, оставив у Виктора неприятное чувство собственной беспомощности. Тут, по всей видимости, примешивалось и нечто сугубо личное. Виктор недолюбливал Ивана, этого «партайгеноссе», как его называли сослуживцы, бывшего комсомольского работника, говоруна и скользкого человека, напоминавшего ему одного партийного работника, с которым пришлось столкнуться на фронте.

Разведгруппа его взвода попала под минометный огонь противника, Виктор прибежал на узел связи, чтобы срочно связаться с командным пунктом полка. На узле радист и замполит роты Федорчук слушали какое-то выступление Сталина. Виктор приказал радисту срочно соединить его с командным пунктом полка, но замполит стал возражать, ссылаясь на то, что надо дослушать до конца важную речь вождя. Виктор передал целеуказания и спас от верной гибели людей, но с замполитом пришлось подраться. И неизвестно, как бы повернулась судьба Дронова, если бы не вмешался в это дело умный командир роты старший лейтенант Фисун, который замял этот инцидент и

откомандировал замполита при первой возможности в другую часть.

Виктор уже битых два часа не мог осилить две страницы, торопился и делал еще больше ошибок. Отчаяние охватило его, но он, стиснув зубы, вновь и вновь бросался в атаку на машинку. На следующий день уходила почта в Центр, и надо было кровь из носа успеть представить отчет на подпись резиденту. Писанина отнимала много времени, а Центр придумывал все новые и новые бюрократические штучки.

Майор Дронов работал в Швеции под прикрытием должности инженера торгпредства и писал свой первый оперативный годовой отчет. Окончив Военно-дипломатическую академию Советской Армии с золотой медалью, он как перспективный разведчик — так во всяком случае ему записали в служебной характеристике — был направлен в американское направление ГРУ и готовился поехать работать в Соединенные Штаты под «крышу» Амторга^[2] против главного противника. Он просидел там около месяца, но вдруг его неожиданно вызвали к начальству и сообщили: обстановка резко изменилась и ему срочно надлежит выехать в Швецию. На подготовку отводилось очень мало времени.

Позже Дронов узнал, что выезд по тревоге был вызван тем, что из Стокгольма за бездеятельность был отозван оперативник ГРУ и надо было срочно, чтобы не потерять место в торгпредстве, заполнить вакуум. Такое случалось в управлении нередко, но чаще подобная необходимость вызывалась тем, что надо было устроить какого-нибудь важного сынка на высокооплачиваемую и, главное, не опасную должность. Обычно в кадры звонили из инстанции — так на тогдашнем партийно-командном жаргоне именовали ЦК КПСС — и сообщали: есть мнение направить имярек вместо Анголы во Францию. «Блатные» — это из того же жаргона, — как правило, направлялись в аппараты военных атташе или под дипломатическое прикрытие. Советские представительства во Франции, Швейцарии, Италии, США, Австрии, ФРГ, Англии, Швеции кишмя кишели «блатными».

Виктор не знал шведского языка, но на выездной комиссии ему объяснили, что в Швеции хорошо работать и с английским, а в стране он легко овладеет и местным языком, поскольку владеет немецким. Член комиссии, седой, грузный полковник в летной форме, авторитетно заявил, что разница между шведским и немецким незначительная, как между русским и украинским. Правда, Дронову было не совсем понятно, откуда взяли, что он владел немецким. На фронте, будучи командиром разведвзвода, он знал только «Хальт! Хенде хох!» («Стойте! Руки вверх!»). Затем

его словарный запас пополнился еще несколькими выражениями в основном от общения с немками и посещения курсов немецкого языка при Доме офицеров во время службы в ГДР, но не настолько, чтобы говорить о знании языка. Вот так Виктор без всякой подготовки сразу попал с корабля на бал, не зная толком ни регион, ни условия работы по прикрытию...

Наконец-то Дронов поставил последнюю точку в отчете, вынул лист из машинки, снял ленту, собрал документы, положил их в папку, набросил суровую нитку на пластилиновый кружок, вынул личную печать, которая на цепочке была прикреплена к шлевке брюк, поплевал на нее и с силой вдавил в мягкий пластилин. Позвонив по внутреннему телефону шифровальщику, Виктор с облегчением откинулся на спинку стула, вытянул ноги, вынул сигарету и закурил. Пришел шифровальщик. Виктор сдал ему папку, набросил пальто и двинулся к выходу.

В посольстве кроме дежурных никого не было. Выйдя на улицу, Дронов поднял воротник пальто, втянул голову в плечи, свернул налево и, перепрыгивая через лужи, направился к автомобилю, который он всегда парковал в начале улицы подальше от посольства, так чтобы он не просматривался из окон дома напротив, где на втором этаже располагался пост наблюдения местной контрразведки. Виктор считал, что его машина «Вольво-244» находилась вне сектора наблюдения поста.

Погода была мерзкая, шел дождь со снегом, с моря дул промозглый ветер, обещая бесснежное Рождество. Виктор подошел к машине, открыл дверь, запустил двигатель, а сам, взяв щетку, стал смахивать снег с лобового стекла. Улица была безлюдна. Он уже сел в машину и собирался тронуться с места, но бросив машинально взгляд в зеркало заднего вида, увидел вышедшего из-за угла со стороны бульвара мужчину, подававшего ему знак подождать. Виктор поставил рычаг включения скорости в нейтральное положение, потянул на себя рукоятку ручного тормоза и приоткрыл дверь, поджидая незнакомца.

Мужчина был выше среднего роста, в коротком сером пальто, без головного убора. Снежинки опускались на короткостриженую седеющую голову и таяли, стекая тонкими струйками по высокому лбу на лицо. Он выглядел лет на пятьдесят, был по-спортивному строен, в руке держал черный портфель с массивными металлическими замками.

— Простите, вы из русского посольства? — спросил мужчина по-английски.

— Да, — ответил Виктор, заметив по характерному аканью, что перед ним американец.

Бросив быстрый взгляд в сторону посольства, мужчина

наклонился к Дронову и проговорил:

— Я американец, ученый, у меня есть очень важное дело для вас, русских. Не могли бы вы мне помочь связаться с вашими официальными лицами?

— Сейчас в посольстве никого нет, перерыв на обед, — ответил Виктор. — Заходите через часок.

— О нет, нет, — торопливо заговорил американец. — У меня очень важное конфиденциальное дело, я не могу в посольство.

— Тогда что же вы стоите под дождем, садитесь в машину, и обсудим вашу проблему, — мгновенно принял решение Виктор.

Когда пассажир уселся рядом, Дронов включил скорость и тронулся в направлении бульвара.

— Я предлагаю обсудить вашу проблему за чашкой кофе, а не на улице, да еще в такую собачью погоду... — начал Виктор.

— Да, да, согласен, я буду вам очень благодарен, — не задумываясь ответил американец.

Дронов: выехал на бульвар и двинулся своим проверочным маршрутом, стараясь убедиться, что за ними нет хвоста. Обычно разведчики всех стран для обнаружения за собой слежки на машине используют один и тот же прием: нарушают правила уличного движения, чтобы вынудить машины контрразведки, если ведется слежка, тоже пойти на нарушение. Этот прием очень эффективен в странах с законопослушным населением. Дронов об этом хорошо знал. Выехав на бульвар, он развернулся на запрещающий дорожный знак, чем вызвал неподдельное удивление у сидящего рядом американца.

У разведчика перед контрразведчиком есть определенные преимущества: второй не знает намерений первого, не знает, какой следующий ход тот, находясь под наблюдением, предпримет. Контрразведчик может только предполагать ходы разведчика. В этом противостоянии и проявляется профессионализм разведчика.

Сделав еще несколько контрольных проверок и убедившись, что за ним нет «хвоста», Виктор припарковал машину около небольшого кафе. Посетителей в нем не было, у стойки скучала молодая хозяйка. В кафе было пять или шесть столиков, в углу стояла наряженная рождественская елка, у стенки мигали два игровых автомата. Повесив пальто на вешалку, Виктор подошел к стойке, заказал две чашки кофе и сел за столик у окна так, чтобы можно было просматривать вход в кафе. Американец расположился напротив, спиной к входной двери. Хозяйка принесла две чашки и поставила два стаканчика с холодной водой.

Усевшись поудобнее и стараясь быть как можно спокойнее,

Дронов равнодушно спросил:

— Так что у вас за проблема, мистер... Простите, мы даже не познакомились. Меня зовут Виктор Дронов, я работаю в советском торгпредстве инженером.

— Доктор Адамс, Джеймс Адамс, — представился американец, протягивая Виктору через стол руку. — Я приехал в Стокгольм на научную конференцию по трансурановым элементам, восемнадцатого декабря мой доклад в СИПРИ^[3]. Испытываю затруднения в деньгах и хотел бы предложить русским очень важный секретный материал.

Именно это или что-то подобное хотел услышать Виктор от американца. Еще в машине, а может быть и раньше, какое-то седьмое чувство подсказало ему, что перед ним настоящий доброжелатель, а не проходимец и не подстава контрразведки. Дронов был теоретически готов к такому повороту дела. В разведке на подобные случаи существует апробированная, многократно проверенная на практике схема поведения оперативника: сразу не спускать доброжелателя с поводка, постараться изучить и понять его истинные цели и намерения, мотивы его поступка и, если эти цели и намерения совпадают с нашими, предложить посредническую помощь. Подобные вводные Виктор неоднократно решал в академии на занятиях по специальной подготовке. Но одно дело решать такие задачки в аудитории, в своей стране, где «моя милиция меня бережет», и совсем другое дело на практике, в «поле», без дипломатического иммунитета, где каждый шаг контролируется службой контршпионажа.

Конечно, самое простое не ввязываться в такие скользкие дела. И по этому беспроблемному, но бесславному пути идут иногда разведчики. И попробуй их обвини в трусости. А где грань между трусостью и осторожностью, безрассудством и оправданным риском? И кто возьмется вынести справедливый приговор действиям разведчика в таких экстремальных ситуациях? Чем руководствуется в таких случаях разведчик, что он думает, что переживает, — может по-настоящему понять только тот, кто однажды сам испытал подобное.

Виктор начал именно так, как учили.

— Мистер Адамс, — благожелательно спросил он, — а почему бы вам не посетить наше посольство и не предложить материалы советнику по науке и технике? И вообще, я не понимаю, почему вы не сделали этого в Штатах, там же есть советское посольство?

Адамс криво улыбнулся и ответил:

— Надеюсь, господин Дронов знает, что такое ФБР и что

сейчас в Америке идет «охота за ведьмами». Вы, вероятно, слышали о деле супругов Розенберг. Я специально хочу продать документы в нейтральной стране и уже два дня изучаю, как войти в контакт с русскими дипломатами.

При этих словах у Виктора мелькнула мысль: «Нет, друг, ты не знаешь СЕПО^[4], которая действует не хуже ФБР».

— Но почему вы выбрали именно меня? — попытывался Виктор.

— Совершенно случайно, господин Дронов, я заметил, что у вас дипломатический номер на машине, и увидел, что вы вышли из русского посольства.

— Да, — протянул Дронов, — даже не знаю, как вам помочь, я ведь такими делами не занимаюсь. А кстати, что за документы вы собираетесь предложить, господин Адамс? Почему вы считаете, что они представляют для нас интерес?

Оглянувшись по сторонам, американец взял свой портфель, который стоял у него между ног под столом, вынул из него объемистый документ и положил его на стол.

— Вот, — сказал он. — Это секретное исследование трансурановых элементов для получения малогабаритных боеприпасов в лаборатории Бёркли в штате Невада. Вы, наверное, знаете, там находится секретный атомный полигон США?

— Да нет, я далек от этих вопросов. Правда, о Бёркли что-то вроде читал в газетах, — неуверенно сказал Виктор.

Американец заметил, что он абсолютно уверен: для русских этот материал представит чрезвычайный интерес, так как знает, что русские ученые ведут аналогичные исследования и отстают в этой области.

Огромная радость от редкой удачи охватила Виктора, ведь он так мечтал о подобной встрече. Ему пришлось напрячь всю волю, чтобы сдерживать свои чувства и не показать американцу заинтересованность в документе. Он знал, что нередко большие успехи в разведке достигались, когда доброжелатели сами предлагали свои услуги. Прежде всего надо было убедиться, по крайней мере убедить себя, что перед тобой не подстава. «Ну зачем шведам подсовывать мне провокатора, да еще американца? Чтобы выгнать с треском из страны? — думал Виктор. — Нет, нет, не похоже. Надо как-то по-умному с ним договориться». Продолжая разыгрывать роль незнайки и всем своим видом показывая, что пора заканчивать разговор, Виктор, обращаясь к американцу, спросил:

— Вы сколько времени будете в Стокгольме?

— Двадцатого декабря я улетаю в Штаты, — ответил Адамс.

— Тогда, мистер Адамс, я могу только сообщить в посольство

о вашей проблеме компетентным в этих вопросах людям, и, может быть, вы как-то с ними договоритесь.

— О-о-о, — протянул американец, — был бы очень вам признателен.

— Но тогда мне надо более подробно ознакомиться с вашими условиями, что вы предлагаете, сколько это стоит. И вы должны коротко сообщить о себе. Я коммерсант, господин Адамс, надо знать товар и продавца.

— Хорошо, я понимаю, господин Дронов, нет проблем. Вот моя визитная карточка, вот программа научной конференции, в которой я принимаю участие и где значится мой доклад. За документ я хочу получить двадцать пять тысяч долларов наличными.

— Но, позвольте, мистер Адамс, по-русски это называется покупать kota в мешке. Как смогут заинтересованные люди оценить ваш документ, зная только название? Можете передать документ на ознакомление? — прикидываясь наивным, спросил Виктор.

— Нет, хотя это ксерокопия документа. Но я могу дать вам оглавление и вот эти графики. Уверен, специалисты все по ним поймут и по достоинству оценят. Вы, надеюсь, понимаете, господин Дронов, что я не могу вам передать весь документ.

— Хорошо, мистер Адамс, — начал Виктор, — вы где остановились?

— В гостинице «Фламинго», номер 635.

У Виктора в голове созрел план действий, и он продолжил:

— Давайте договоримся так: девятнадцатого декабря в час дня я зайду в гостиницу. Вы должны быть в номере и ждать меня. Хорошо?

— О'кей, — ответил Адамс, — договорились.

Виктор высадил Адамса у отеля. Было уже не до обеда. Дронов поспешил обратно в посольство.

Виктор на лифте поднялся в резидентуру. Все еще были на обеде. Как ни старался, он не мог скрыть своего возбуждения и курил одну сигарету за другой, расхаживая по комнате. Оперативник пытался привести в порядок свои мысли, но они путались, логичный доклад резиденту не получался. То Дронова обурежала неумемная радость удачи: его фантазия рисовала великолепную вербовку ценного агента, получение от него важных документов, что, конечно же, отметят наградой. То вдруг радужные картины сменялись мрачными предчувствиями. Виктору казалось, что Центр, получив информацию из резидентуры, потребует прекратить всякие контакты с Адамсом, поскольку предлагаемые им документы не представляют

никакого интереса.

Погруженный в свои мысли, Дронов не заметил, как дверь бесшумно открылась и Алексей Николаевич Разумихин вошел в помещение резидентуры.

— Ты ко мне, Виктор Никифорович? — спросил генерал.

— Да, я жду вас, — ответил Виктор.

— Ну давай, заходи, поговорим, что там у тебя? — открывая дверь, пригласил Разумихин.

Кабинет у резидента был маленький, без окон, в нем с большим трудом размещался личный состав резидентуры, когда очень редко приходилось собираться у шефа всем вместе. Генерал, нажав кнопку за картиной, включил защитную систему, постучал пальцем по полотну и, когда замигала контрольная лампочка, снял трубку внутреннего телефона и попросил шифровальщика принести его секретную папку. Затем он включил чайник и, хитро улыбаясь, сказал:

— По глазам вижу, что-то ты в клюве притащил, надеюсь, хорошее, а? — И посерьезнев, вопросительно глядя прямо в глаза Дронову, спросил: — Ну что, Виктор Никифорович, я угадал?

— Да, товарищ генерал, угадали, кажется, мне повезло, — перешел почему-то на официальный тон Виктор, хотя всегда называл начальника по имени и отчеству. На этой почве в Центре часто возникали проблемы. Там выражали недовольство, когда разведчик, возвратившись из длительной заграникомандировки, вел себя как штатский, отвыкнув стоять перед начальством во фрунт, по уставу обращаться к старшим по званию.

Дронов начал докладывать шефу о встрече с американцем. Лицо Разумихина становилось все серьезнее и серьезнее. Иногда он вставал, закуривал и ходил по своему маленькому кабинету. В конце доклада Виктор, интуитивно почувствовав поддержку со стороны резидента, четко и кратко изложил свои соображения и план дальнейших действий. Алексей Николаевич в течение всего доклада изредка просил уточнить детали. В отдельные моменты Виктору казалось, что генерал его не слушал, а думал о чем-то своем, он даже замолкал, но резидент коротко бросал: «Продолжай, продолжай, я слушаю». Когда Дронов перешел к рассказу о предстоящем докладе Адамса в СИПРИ, генерал прервал Виктора, снял трубку и попросил оперативного офицера, полковника Суслова Евгения Егоровича, срочно к нему зайти. Через несколько минут тот появился в кабинете. Генерал, не вдаваясь в детали, приказал ему немедленно отправиться в СИПРИ и собрать по возможности полную информацию о проходящей там научной конференции по трансурановым элементам. Шеф подчеркнул, что его особенно интересует

программа конференции, ее участники, доклады, фамилии докладчиков. Суслов отправился выполнять задание.

Генерал и Дронов пили чай и продолжали обсуждать детали. Шеф интересовался поведением американца, просил Дронова описать его внешность, одежду, манеру говорить, внимательно просмотрел переданные Адамсом документы. Приехал Евгений Егорович и привез материалы конференции. Разумихин просмотрел их, отпустил Суслова, поблагодарив за выполненное задание, и задумчиво проговорил:

— Ну что, все вроде сходится, надо действовать.

Затем он позвонил шифровальщику и велел принести ему шифроблокнот.

Алексей Николаевич любил писать шифровки сам и делал это мастерски, точно и лаконично формулируя свои мысли. Он был широко образованным человеком, еще до войны окончил инженерный факультет Военно-воздушной академии имени Жуковского, воевал, работал в США во время военного лихолетья, обеспечивая поставки военной техники по ленд-лизу. У него был большой опыт работы в разведке — и за рубежом, и в Центре. В нем удачно сочетались осторожность с разумным оправданным риском. Он был тонкий дипломат и умел ладить и с послом, и с резидентом КГБ. Среднего роста, широкоплечий, седеющие редкие русые волосы, зачесанные назад, высокий лоб, живые, чуть насмешливые с хитринкой глаза.

У каждого человека есть все-таки своя основная доминанта, главная составляющая, определяющая его суть. У одного это скупость, у другого — честность и порядочность, у третьего — интеллигентность, у четвертого — безудержная разгульность, у пятого — еще что-то. Вероятно, уже в детстве можно в человеке разглядеть ростки некоторых будущих определяющих черт. У Разумихина во всем его облике проступала интеллигентность, масть.

Зная из опыта работы, что Центр «всегда прав», резидент умел так сформулировать свою мысль, чтобы оставить путь для отхода и в то же время вынудить Центр взять часть ответственности и на себя. В Москве его шифровки не любили: они заставляли принимать конкретные решения. А там никогда не хотели брать ответственность за что-нибудь серьезное. «Тебе на месте виднее, ты и решай!» — рассуждали в Центре некоторые начальники. Правда, в случае успеха Центр себя не забывал. Генерал писал и приговаривал:

— Ты знаешь, Виктор Никифорович, я очень осторожный человек, но Василий Федорович, начальник управления, сверхосторожный, ведь с ним в Штатах проработал не один год. И

тебе скажу, этот на себя никогда ничего не возьмет и никогда никому до конца не поверит. Поэтому написать надо так, чтобы шифровка обязательно сначала легла на стол начальника ГРУ. А вот когда на нашей телеграмме в левом углу наискосок зеленым карандашом Иван Петрович напишет: «Доложите», тогда Василий Федорович вынужден будет подготовить ответ и доложить наверх. Поэтому пишем на имя главного шефа. Если мы с тобой изобразим все как есть, — продолжал Разумихин, — Василий Федорович для подстраховки поставит перед нами тысячу вопросов, на которые мы с тобой заведомо не ответим. А у нас нет времени, поэтому надо представить дело так, чтобы Центру деваться было некуда, заставить его разделить ответственность за принятие решения. Конечно, основной риск мы должны взять на себя и представить его нашим кураторам как минимальный. Без риска в разведке делать нечего. Я тебе больше скажу: если хочешь сделать что-то хорошее, полезное, высокое, надо обязательно быть готовым пойти где-то против ветра, против течения, рискуя сломать себе шею.

Генерал любил иногда пооткровенничать с Дроновым. Он уважал его как фронтовика и считал как бы своим, потому что в Центре был короткое время заместителем начальника американского управления и знал, что Виктор готовился работать в США.

— Ты знаешь, — вновь отвлекся Разумихин от телеграммы, — вот я тебе говорил о разумном риске. В мою бытность в Штатах, однажды через забор посольства кто-то перебросил увесистый пакет. Дворник, обнаруживший «подарок», отнес его офицеру безопасности КГБ. И ты знаешь, что тот идиот сделал? Посчитав, что это очередная провокация, он позвонил в ФБР и передал его, не вскрывая, сотруднику американской контрразведки. Потом стало известно, что в пакете были совершенно секретные документы. Доброжелатель предлагал сотрудничество, а вместо этого по милости нашего сверхбдительного ближнего соседа угодил за решетку. Да, наверное, и о нашем проколе знаешь. Пришел в посольство немец, старший лейтенант бундесвера, предлагал боевые уставы, а его прогнали в шею со словами, что мы такими делами не занимаемся.

Об этом случае Дронов, конечно, знал. О нем часто вспоминали и судачили в резидентуре. Больше всего доставалось бывшему резиденту Грачеву, которого сменил Разумихин. Старожилы особенно любили рассказывать, как Грачев, прибыв в страну, на первом же совещании стал распекать офицеров: они-де не умеют устанавливать знакомства с иностранцами. При этом он ссылаясь на свой опыт работы в Африке и рекомендовал

использовать здесь, забыв, вероятно, что Швеция — не Нигерия.

— Едешь на машине где-нибудь в предместье Стокгольма, — совершенно серьезно рассуждал Грачев, — остановись у какой-нибудь виллы, возьми ведро, попроси набрать воды для радиатора, вот тебе и знакомство.

Пребывание в Скандинавии плачевно закончилось для Грачева. Шведские контрразведчики быстро его вычислили, подставили провокатора, он клюнул на элементарную приманку, и не за понюшку табака его выгнали из страны, объявив персоной нон грата.

— Ведь можно и твоим действиям с американцем предъявить массу претензий, — продолжал резидент. — Почему, например, ты посадил незнакомого иностранца с секретными документами к себе в машину? Почему взял с собой несколько страниц этого документа? И можно при желании задать тебе тысячи других вопросов. Проще было сказать американцу, что ты из торгпредства, извиниться и отправиться на обед. Конечно, Центр может предъявить нам претензии. Ну, скажем, надо было договориться с доброжелателем, чтобы он пришел в посольство и передал документы на изучение специалистов. Мы бы отправили их в Москву, попросив американца за ответом зайти через недельку. Никакого риска с нашей стороны, правда, и никакой разведки. Нет, все значительно сложнее, я хорошо знаю прагматичных американцев, у них единственный Бог — деньги. Отдать документ на оценку может только доверяющий нам агент. Собственно, почему американец должен нам верить? Центр, конечно, может нам написать: примите все меры и убедите доброжелателя в необходимости сотрудничества с нами, но не укажет, как это сделать, спрятавшись за дежурной фразой: «Обеспечьте меры по конспирации и безопасности». Великолепная фраза, Виктор Никифорович, подходит для всех случаев жизни в разведке. Будешь работать в Центре, помни об этом...

Так, отвлекаясь и рассуждая, Алексей Николаевич писал шифровку. Поставив последнюю точку и расписавшись, он подвинул шифроблокнот Виктору:

— Читай!

— По-моему, все четко и ясно, — сказал Дронов, прочитав шифровку.

— Ну, раз тебе все ясно, давай немного пофантазируем. Попробуем представить себе, как могут развиваться события. Наихудший для нас вариант: Центр сообщит нам, что документы, предлагаемые Адамсом, не представляют никакого интереса. Это будет означать, что мы с тобой неважные разведчики, приняли желаемое за действительное, недостаточно изучили

доброжелателя, клюнули на мякину, подвергая себя неоправданному риску. Короче, для Василия Федоровича представится прекрасная возможность ткнуть меня носом в дерьмо. Конечно, наилучший для нас вариант, если документы представят интерес для Центра. Ведь ты об этом мечтаешь, Виктор Никифорович, правда?

— Конечно, Алексей Николаевич, — не задумываясь выпалил Виктор.

— И правильно делаешь, об этом и должен мечтать разведчик. Но вот что я тебе скажу. Если Центр даст добро на приобретение документов, с этого момента, собственно, и начнется настоящая агентурная работа, головная боль для тебя и для меня, потому что она всегда сопряжена с пирогами и шишками. И, как правило, в этой работе больше шишек. Вот к чему ты должен себя готовить, Виктор Никифорович. Агентурные дела самые сложные, больше приносят огорчений, чем радости, но зато в короткие мгновения радости разведчик испытывает настоящее счастье от своей работы.

Тут Разумихин замолчал. Затем, собравшись с мыслями, заговорил:

— Знаешь, в последнее время я заметил странную тенденцию: некоторые разведчики не хотят активно участвовать в агентурной работе. Долго не мог найти объяснения таким фактам. Но однажды услышал, как один опытный оперативник поучал молодого перед загранкомандировкой: не лезь на рожон, не высовывайся. Вербует, мол, один из ста. Лучше первую командировку осмотреться, не рисковать. Поскользнешься — прощай заграница, и будешь всю жизнь невыездной. Поэтому, советовал служака, подальше от агентов, сиди стриги газеты, пописывай. После командировки пожурят немного, напишут, что старался, но агентурно-разведывательные задачи выполнил не полностью. Глядишь, через два-три года снова пошлют в загранку. А куда они денутся, нужны кадры. Вот так без риска и в дамки. А те, кто рискует, засветятся, станут невыездными, их засунут в Союз под паршивую крышу, где они от безделья сопьются. И что удивительно, — возмущался генерал, — эта философия находит все больше и больше сторонников.

Поздним вечером на имя начальника Главного разведывательного управления ушла срочная шифротелеграмма, в которой генерал коротко и ясно докладывал о встрече с доброжелателем, сообщал о принятых резидентурой мерах по проверке американца, излагал план дальнейших действий. В качестве первоочередной меры предлагалось на следующий день самолетом «Аэрофлота» командировать в Центр работника

резидентуры Федорова с полученными от Адамса документами для их оценки. В конце депеши резидент заверил, что в случае согласия Центра документы будут немедленно приобретены и доставлены в Москву.

На следующий день пришло согласие Центра направить Федорова в командировку. Вечером он вылетел в Москву. Семнадцатого декабря поздно вечером из Центра срочной депешей сообщили, что по предварительной оценке специалистов предлагаемые доброжелателем документы могут представить значительный интерес. Разрешалось выплатить Адамсу двадцать пять тысяч американских долларов с соблюдением строжайших мер конспирации и безопасности. О проведенной операции Центр требовал немедленно доложить шифром. Резидентуре предлагалось продумать план мероприятий по дальнейшему использованию Адамса в качестве возможного источника ценной военно-технической информации.

Получив ответ Центра, Алексей Николаевич восемнадцатого декабря условным сигналом срочно вызвал Дронова в посольство. Когда Виктор вошел в кабинет резидента и поздоровался, шеф, пододвинув к нему тонкий желтый листок, проговорил:

— Читай!

Дронов быстро пробежал глазами текст шифровки, сердце забилося радостно и тревожно.

— Доволен? — спросил резидент, улыбаясь.

— Да, — коротко ответил Виктор.

Затем шеф пригласил оперативных офицеров Суслова и Половцева, которые привлекались для проведения операции в городе. У Дронова, собственно, такой план давно был еще до встречи с Адамсом. Изучая город, Виктор подбирал места встреч, тайники, места проверок и контрнаблюдения, проверочные маршруты. Особое место в плане отводилось организации контрнаблюдений на заключительном этапе операции. Надо было так организовать дело, чтобы на сто процентов быть уверенным: передача документов и денег прошла вне поля зрения контрразведки.

Часа два резидент и оперативник обсуждали детали операции. Решили использовать время обеденного перерыва, когда большинство сотрудников одновременно выезжают на машинах из посольства. Вдруг Алексей Николаевич неожиданно спросил:

— Ты, Виктор Никифорович, обратил внимание на последние фразы шифровки Центра?

— Да, — ответил Виктор.

— Давай поговорим, пожалуй, о самом главном в предстоящей операции. В чем, собственно, наша слабость? Мы берем секретные документы в городе, здесь наша ахиллесова пята. Поэтому Центр и обращает внимание на конспирацию и безопасность. А как сделать по-другому, со стопроцентной гарантией безопасности? — развивал резидент свою мысль. — Никто не ведает. Не знает и Центр, поэтому он скромно промолчал. Мы берем, Виктор Никифорович, эту ответственность на себя и головой отвечаем за проведение операции. И второй очень важный вопрос, о котором Центр тоже коротко упоминает. Как сделать, чтобы встреча с Адамсом была не последней? Центр нас не поймет, если мы получим даже очень ценный документ и на этом все закончится. Это будет полдела, меньше чем полдела. Центр не будет глубоко вникать, какой кровью все это нам досталось, он не будет вникать в наши] волнения и переживания, страхи и сомнения. Он расценит это как удачу, везение.

Разумихин помолчал немного, а затем решительно закончил свой монолог:

— Ты сказал — повезло. Я уверен, что в разведке везет только тем, кто работает. И Центр в чем-то по-своему будет прав, потому что его задача сделать из доброжелателя ценного агента. В этом и есть настоящее искусство. Судя по твоей встрече с американцем, он в затруднительном материальном положении, может быть, временном, получит свои двадцать пять тысяч — и все устроится. Ты на встрече почувствовал, что он готов продолжать с нами работу?

— Нет, Алексей Николаевич, он не давал такого повода. Похоже, он стремится к одноразовой сделке, надеясь поправить свое положение. Я старался не касаться этой темы.

— Ты правильно делал, тебе важно было не спугнуть его, не показать ему, что ты разведчик. Я думаю, — продолжал Разумихин, — американец очень боится и правильно делает, он понимает, как рискует: на кону стоит его жизнь. Хорошо, что ты не стал лезть к нему в душу.

— Алексей Николаевич, — вступил в разговор Дронов, — думаю, после того как он получит деньги и успокоится, надо с ним еще раз встретиться, он почувствует, что с ним работают серьезные люди. Считаю, если он согласится на встречу, то это в какой-то степени будет свидетельствовать: он готов продолжить с нами контакты.

— Согласен с тобой, надо сделать так, чтобы он почувствовал, что мы гарантируем ему безопасность сотрудничества, что мы его друзья, а не партнеры по бизнесу. Не надо спешить получить от него как можно больше секретных

документов. Попробуем выяснить, когда он следующий раз будет в Европе.

Договорились действовать по обстановке.

Девятнадцатого декабря, когда начался перерыв на обед, Дронов выехал из посольства, направляясь в торгпредство на Лидингё. Перед самым мостом на остров он свернул налево и лесом выехал на дорогу № 76. Проверившись, взял курс на гостиницу «Фламинго». В это же время Суслов с деньгами для Адамса, прихватив с собой из — посольства трех женщин, отправился по обычному своему маршруту на обед. В центре города у магазина РИВ^[5] он высадил женщин, купил горючее на бензоколонке и через некоторое время свернул на свой проверочный маршрут. Не обнаружив слежки, в половине второго, как было обусловлено планом операции, запарковал машину на маленькой улочке в тупике на пересечении с Кунгсгатан. Оперативник Половцев в это время сидел за столиком в кафе у окна с газетой «Экспрессен» и наблюдал за Т-образным перекрестком на Катаринавеген.

В час дня Дронов, постучавшись, вошел в номер к Адамсу. Тот уже ожидал его. Обменявшись приветствиями, Виктор жестом показал, что все в порядке и надо идти. Адамс без слов все понял, одел пальто, взял портфель, и они двинулись к выходу. Очутившись на улице, направились к машине, которую Виктор оставил недалеко в переулке. По дороге Дронов коротко сообщил американцу, что все в порядке, и он скоро получит деньги.

Проверившись еще раз, Дронов остановил машину. По каменной лестнице они поднялись на другую улицу, которая перпендикулярно пересекала Кунгсгатан. Крутая каменная лестница давала возможность окончательно убедиться, что наружки за ними не было. Выйдя к Т-образному перекрестку, где вел контрнаблюдение Половцев, Дронов увидел сигнал «все в порядке» и пошел к машине Суслова. Сев к Евгению Егоровичу, они вместе проверили документы. Убедившись, что все в порядке, Суслов вынул деньги и передал их Адамсу. Американец не стал пересчитывать, положил их в портфель. Дронов вынул подготовленную отпечатанную на машинке расписку и протянул ее Адамсу. Это был короткий текст: «Двадцать пять тысяч американских долларов получены за...» Дальше следовало название документа. Прочитав, Адамс стал возражать, предлагая вычеркнуть название документа.

— Хорошо, — согласился Дронов.

Адамс вымарал название, расписался и поставил дату. Дронов и Адамс вышли из машины, Суслов развернулся и уехал.

Дойдя до перекрестка, Адамс, вдруг обращаясь к Дронову по имени, делая ударение на втором слоге, спросил:

— Виктор, сколько я тебе должен комиссионных?

Виктор от неожиданного вопроса несколько задержался с ответом, потом нашелся, похлопал Адамса по плечу и сказал:

— Джеймс, давай завтра утром встретимся и за чашкой кофе поговорим.

— Хорошо, — согласился Адамс.

На следующий день Дронов и Адамс встретились в небольшом кафе. Дронов поблагодарил Адамса за документы и сказал, что ему не надо никаких комиссионных. Настроение у Адамса было отличное, чувствовалось, что он решил огромную для себя проблему. Виктор уловил настрой американца и осторожно спросил о возможных встречах в будущем. Адамс, немного подумав, сказал, что на следующий год он в июне-июле будет читать лекции на физическом факультете Хельсинкского университета и готов встретиться там с Виктором. Дронов не стал говорить ему о том, чтобы Адамс привез какие-нибудь документы, памятуя совет Алексея Николаевича «не гнать лошадей».

Двадцатого декабря на имя начальника ГРУ с отметкой «срочно» ушла шифровка: «В соответствии с вашими указаниями №... операция проведена успешно. Документы от А. получены и направляются вместе с отчетом в Центр очередной почтой 24 декабря». Резидент подписал ее своей кодовой фамилией «Рощин».

В конце февраля 1961 года из Центра пришел отзыв на годовой отчет резидентуры. В разделе «Главные разведывательные задачи» довольно многословно и пространно излагались задачи стратегической военной разведки, давалась оценка международной обстановки в мире. Многократно подчеркивалось, что империализм во главе с Соединенными Штатами Америки готовит новую ракетно-ядерную войну, поэтому главной задачей являлось своевременное вскрытие планов противника и предупреждение военно-политического руководства страны о готовившемся ракетно-ядерном ударе по СССР и его союзникам.

В строгой, принятой у военных, императивной форме указывалось, что резидентура в отчетном году несколько улучшила свою работу, однако задачи по агентурному проникновению на основные объекты разведки остались невыполненными. Вербовочные задачи решались недостаточно активно, целеустремленно и настойчиво.

Очень кратко отмечалась работа каждого оперативного

офицера. Отдельно давались указания по работе с Адамсом. Сообщалось, что полученные от него документы представили значительный интерес и получили положительную оценку заинтересованных организаций. В развитие этой темы сообщался перечень вопросов, которые могли бы представить интерес для Центра. В целом действия резидентуры, что касается Адамса, оценивались положительно, но осторожно по принципу: лучше не дохвалить, чем перехвалить.

По мнению Центра, резидентуре не удалось надежно закрепить знакомство с потенциально перспективным источником и довести работу с ним до логического конца: добиться его согласия на дальнейшее сотрудничество, установить надежные условия связи на будущее.

Резиденту и Дронову предлагалось представить в Центр диппочтой подробный план организации и проведения встречи с Адамсом в июне 1961 года в Хельсинки.

— Ну о чем мы с тобой Под Новый год толковали, помнишь, Виктор Никифорович, — начал разговор Разумихин, зачитав отзыв Центра. — Как видишь, пока только шишки, пирогов-то нет. Василий Федорович, как мы с тобой и предполагали, ткнул нас все же носом в одно место, отметив, что мы с американцем не все сделали, что могли. Попробуй ему возрази: формально старик прав. Мы не можем с уверенностью утверждать, что доброжелатель завербован и станет надежным, ценным источником. Правильно я говорю?

— Совершенно верно, Алексей Николаевич, у нас нет стопроцентной уверенности, что Адамс пойдет на сотрудничество с нами, — ответил Дронов.

— Видишь ли, — вновь начал резидент, — Василий Федорович, конечно, стреляный воробей, его на мякине не проведешь, он старается обезопасить себя от всех случайностей, но опирается в основном на прошлый довоенный и военный опыт. Сейчас обстановка в мире совсем другая. Во время войны мы были союзниками с американцами, люди в Штатах к нам толпами шли, предлагали помощь. Сидеть в Москве на конспиративной квартире и беседовать с доброжелателем — это одно, в автомашине в центре Стокгольма без диппаспорта — совсем другое. У нас часто опыт отождествляют с количеством проработанных лет, а это неправильно. Кстати, что ты думаешь о плане, который надо представить в Центр по работе с Адамсом? У тебя есть какие-нибудь идеи?

— Кое-какие наметки есть, Алексей Николаевич, — ответил Виктор. — Думаю, не откладывая в долгий ящик, приступить к этой работе. Мне кажется, надо использовать максимально мое

прикрытие для поездки в Хельсинки. Придумать какую-то правдоподобную легенду, чтобы она хорошо согласовывалась с моей работой под «крышей» и не вызывала подозрений ни со стороны шведских и финских КРО, ни со стороны работников нашего торгпредства.

— Ну что же, пожалуй, ты на правильном пути, — задумчиво проговорил генерал. — Думаю, понимаешь, что Адамс для тебя задача номер один.

После беседы с резидентом Дронов приступил к разработке плана мероприятий для поездки на встречу с Адамсом в Хельсинки.

За время работы в Швеции Виктор довольно хорошо освоил свое прикрытие. В его поведении появилась раскованность, уверенность в себе. На приемах в посольстве он по старой армейской привычке при подходе начальства уже не сдвигал каблуки вместе и не принимал стойку «смирно», держался просто, свободно, активно вступал в разговор с иностранцами, пользуясь достаточно хорошим знанием иностранных языков.

Не все шло гладко вначале. По «крыше» Дронов был совершенно неподготовлен, имел очень смутное представление о Внешторге, посетив его перед отъездом в Швецию всего два-три раза, да и регион ему был совершенно незнаком. Дополнительные трудности были с вождением автомобиля. Практически без подготовки и тренировки пришлось сразу сесть за баранку, да еще на левостороннем движении и в незнакомом городе.

Шведы показались вначале очень скучными, сухими, некоммуникабельными людьми, живущими в каком-то замкнутом, эгоистичном, неинтересном для других мире. Дронов долго не мог согласиться с резидентом, который утверждал, что если разведчик хочет добиться успехов, то должен полюбить страну и народ, среди которого живет и работает. Шведы оказались не простым орешком. Поражало совершенное незнание ими нашей советской жизни, иногда доходившее до курьезов. Как-то в беседе с местными жителями Виктор рассказал о трудностях и лишениях, которые нам пришлось перенести в годы Великой Отечественной войны. Один из собеседников вполне серьезно заметил, что в Швеции тоже было тяжело: были перебои с поставками бананов. Со временем Дронов разглядел в шведах ряд великолепных черт: трудолюбие, верность слову, патриотизм, честность и порядочность.

Особенно Виктора поражала в шведах почти что всеобщая черта — верность слову, долгу, обещанию. Даже на шведской кроне выбиты слова: «Долг прежде всего».

Однажды Дронов познакомился с одним шведом и договорился встретиться с ним через месяц у загородного ресторана. Точно в назначенное время к месту встречи подъехало такси и из него с помощью водителя на двух костылях вылез новый знакомый. Выяснилось, что он сломал ногу, но не мог перенести randevu, так как не знал номера телефона своего русского знакомого.

Не так просто было вначале адаптироваться к коллективу торгпредства. Специфика заключалась в том, что внешнеторговые работники представляли из себя замкнутую касту, спаянную круговой порукой, ведомственными, зачастую клановыми и родственными связями. От дворника до торгпреда почти все направлялись на работу за границу по высоким рекомендациям. Торгпред был бывший секретарь парткома Министерства внешней торговли, его заместитель — сыном члена Политбюро ЦК КПСС, начальники отделов — бывшие руководящие сотрудники этого ведомства, инженеры торгпредства — детьми важных партийных и государственных чиновников. Исключение, пожалуй, составляли работники КГБ и ГРУ. Офицеры-разведчики ГРУ, работающие под прикрытием торгпредства, да и под «крышами» других организаций и ведомств, как правило, очень добросовестно относились к своим прикрытиям, успешно совмещая свою основную разведывательную работу с ведомственными делами.

Все жили вместе в одном семиэтажном здании. На первом и втором этажах было рабочее помещение, выше располагались скромные квартиры сотрудников торгпредства. Не так просто было разведчику три-четыре года прожить в таком замкнутом коллективе, где все было на виду. Заграница — прекрасная проверка человека на прочность. Здесь очень быстро просвечивался человек, его характер, положительные и отрицательные качества. Наиболее выпукло в условиях заграницы проявлялись жадность, стяжательство, нечестность, эгоизм, меркантильность, трусость. Микротрещины пороков превращались в огромные незаживающие язвы.

Торгпред Петр Сергеевич Дибров быстро заметил работоспособного, добросовестного Дронова и стал поручать ему ответственные задания. Руководство Внешторга всегда с пониманием относилось к работникам ГРУ и никогда не отказывало в помощи разведчикам. А сам торгпред, бывший военный, с особой симпатией относился к сотрудникам военной разведки.

Десятого марта 1961 года секретарь Диброва Зинаида Петровна Лебедева в начале рабочего дня объявила распоряжение

шефа всему оперативному составу собраться в комнате № 10. Была в торгпредстве такая комната без окон, где можно было обсуждать любые секретные вопросы, не опасаясь прослушивания.

Дибров, лысый, полнеющий мужчина с цыганскими черными глазами, сидел во главе стола, курил и периодически платком вытирал пот с лица. В комнате отсутствовала вентиляция и было душно. Когда весь оперативный состав торгпредства был в сборе, Петр Сергеевич открыл лежащую перед ним красную папку и, вынув из нее несколько листочков, попросил внимания. В комнате воцарилась тишина, все насторожились, приготовились слушать что-то важное. Торгпред сообщил, что принято правительственное решение по строительству в Союзе нескольких атомных электростанций. По линии Минвнешторга торгпредству поручалось проработать возможность закупки в Швеции насосного и вентиляционного оборудования для строительства Воронежской АЭС. Петр Сергеевич был большим патриотом Внешторга и не скрывал этого. Небольшой товарооборот со Швецией его угнетал. Он старался свою кипучую энергию использовать для улучшения коммерческой деятельности. Торгпред не давал покоя ни себе, ни другим, но несмотря на все усилия товарооборот рос очень медленно. Постановление правительства о строительстве атомных электростанций давало возможность активизировать работу, удовлетворить амбиции энергичного Диброва.

Дронов курировал внешнеторговые объединения, на которые возлагалась основная работа по реализации постановления. Не теряя времени, он приступил к подбору шведских фирм, с которыми предполагалось заключить контракты. Из Союза зачастили делегации из различных министерств и ведомств, для которых Дронов готовил переговоры с местными предпринимателями, что значительно расширило круг его официальных знакомых. Это давало ему широкую возможность выходить на интересных для разведки людей, изучать их, укреплять с ними контакты.

В марте в Стокгольм прибыла представительная делегация Всесоюзного объединения «Машиноимпорт» во главе с председателем объединения Игнатьевым Николаем Ивановичем, чтобы подписать первый контракт с фирмой «Флект фабрикен» на поставку оборудования для Воронежской АЭС. В течение семи дней делегация знакомилась с дочерними предприятиями этой фирмы, вела коммерческие и технические переговоры, посетив многие города Швеции. В конце визита в Стокгольме был подписан контракт на поставку оборудования в СССР, причем часть его предусматривалось получить из Финляндии с дочерней

фирмы «Флект фабрикен». Это значительно удешевляло сделку и, главное, открывало возможность Дронову естественно и логично легендировать посещение Суоми для встречи с Адамсом.

В это время Виктор познакомился с директором небольшой посреднической фирмы, которая занималась поставкой комплектующего оборудования для атомных реакторов, в том числе и тех, что установлены на атомных подводных лодках. Контакт развивался очень быстро и плодотворно еще и потому, что глава фирмы был старый русский эмигрант. Хотя Центр всегда очень осторожно и даже отрицательно относился к использованию русской эмиграции, Дронова всегда тянуло к русским людям, живущим на чужбине. В отличие от советских граждан, которые шарахались от наших соотечественников как от больных чумой, Виктор, наоборот, искал встречи со своими земляками. Среди эмигрантов в Швеции были, конечно, откровенные враги, ненавидевшие Советский Союз, особенно из Прибалтики, но большинство хорошо относилось к своей старой родине.

Новый знакомый Виктора, Константин Августинovich Крюгер, во многих отношениях оказался удивительным человеком. Ему было за семьдесят, высокий, сутулый, с добрыми слезящимися глазами. В центре Стокгольма у него — фирма, в Швейцарии он владел огромной недвижимостью, был очень богат и работал ради собственного удовольствия. В 1914 году, когда началась Первая мировая война, все немцы не граждане России были интернированы и высланы из страны. Так он оказался в Швейцарии, получил прекрасное образование, владел несколькими европейскими языками, но родным считал русский. Крюгер поражал Виктора знаниями русской литературы, читал наизусть главы из «Евгения Онегина».

— Как же вам удалось, практически не общаясь с русскими, столько лет сохранить родную речь? — спрашивал Виктор.

— Встаю утром в шесть, иду в сад и разговариваю с моими цветами, по-русски, читаю им Пушкина, Лермонтова, Некрасова, — хитро щурясь, отвечал Крюгер.

Он был всегда рад встрече с Виктором: глаза у него начинали светиться, излучая какое-то тепло, затем они туманились и на них наворачивались слезы.

Дронов очень быстро понял, что Крюгер не обладал широкими агентурными возможностями, да и преклонный возраст препятствовал активной работе с ним. Но у старика было бесценное качество — надежность, и он бескорыстно желал помочь России. Виктор был уверен, что такой человек никогда не

предаст.

Дронов ломал голову над тем, как использовать возможности Крюгера. Резидент советовал изучить его связи, дать ему какое-нибудь задание. Такой случай вскоре представился.

Однажды Виктор посетил международную специализированную выставку, на которой было представлено радиоэлектронное оборудование, используемое в военных целях. На одном из американских стендов демонстрировалось оборудование для производства фотосъемки из космоса и с самолетов. Дронов разговорился со стендистом и выяснил, что он швед финского происхождения, работает на дочерней фирме в Венесуэле. Когда стендист понял, что беседует с русским, он несколько смутился и сказал, что хотел бы поговорить, но не здесь, так как на выставке полно фэбээровцев. Виктор быстро оценил обстановку и распрощался, сказав, что постарается найти возможность продолжить приятную беседу, взяв у шведа визитную карточку.

Оперативник сразу решил поехать в посольство и доложить о своем новом контакте резиденту. Тот внимательно выслушал Дронова и сказал:

— Не хочу тебя обидеть, Виктор Никифорович, может быть, твой швед действительно интересен для нас, и ты каким-то шестым чувством подметил это, но я не вижу пока, каким образом войти с ним в контакт и выяснить его агентурные возможности. Сейчас все на уровне эмоций. А ведь нам надо иметь объективные данные.

— Да, Алексей Николаевич, мне трудно вам возразить. С Адамсом было проще, там речь шла о конкретных документах. Здесь же я только могу сказать, что экспонаты фирмы для нас представляют несомненный интерес. И мне показалось, что швед не прочь встретиться. Его замечание о фэбээровцах тоже кое о чем говорит. Теперь о самом главном. Как войти с ним в контакт? Предлагаю использовать старика Крюгера.

— Хм, интересно, каким же образом?

— Хочу с ним, — продолжал Виктор, — провести такой полуконфиденциальный разговор. Расскажу честно о встрече на выставке. Попрошу пригласить шведа на фирму. Скажу Крюгеру, что он хотел поговорить, но боялся американцев на стенде. Кстати, это будет и проверкой старика. Я уверен, что он не пойдет в полицию. Да здесь пока и нет криминала, нечего бояться.

— Смело и рискованно ты задумал, Виктор Никифорович, и я бы сказал, оригинально и неожиданно для меня, — молвил генерал, вставая, и начал прохаживаться по своему маленькому кабинету.

Так он всегда делал, когда напряженно думал перед принятием решения. Он словно боялся, что важная мысль убежит, и готовился, стремился догнать ее, не дать ей уйти.

— Ты, значит, никакой опасности здесь не видишь? Спланированную заранее спецслужбами операцию против тебя предположить трудно. Ведь никто не знал, что ты посетишь выставку и подойдешь к этому стенду. Предположим, швед сам работает на американцев и сыграл эту сцену экспромтом, узрев в тебе разведчика. Но это противоречит твоим личным наблюдениям, ощущениям. Предположив наихудшее, подставляем ли мы старика, если он вообще согласится нам помочь? Короче, вопросы здесь все-таки есть. Давай, поговори осторожно с Крюгером, как он отнесется ко всему этому. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Все дело в разумном оправданном риске.

На следующий день Виктор заехал к Крюгеру. Старик как всегда обрадовался, предложил выпить кофе. Дронов без особых предисловий рассказал о посещении выставки и попросил старика побывать там, поговорить со шведом и, если удастся, пригласить его к себе на фирму.

Крюгер охотно принял предложение, сказав, что швед со шведом договорится быстрее, чем это — сделал бы Виктор.

И действительно, на следующий день старик известил: он побывал на выставке, познакомился со шведом, и тот принял приглашение.

Дронов срочно доложил резиденту: дело пошло. Они проиграли возможные варианты беседы, наметили пути отхода, если разговор пойдет не по намеченному сценарию. Подытоживая, Разумихин сказал:

— Постарайся с самого начала установить, что подвигло шведа пойти с нами на контакт, каковы мотивы его поступка. Если мотивы ты найдешь приемлемыми, то следует выяснить его агентурные возможности, чем он может быть нам полезен. И последнее: связь, если на первые два вопроса получишь положительный ответ. В случае отрицательных результатов постарайся, не раскрывая себя, все свести к общим вопросам дружбы между народами, укрепления мира, недопущения развязывания войны, развития торговли между странами.

Резидент пожелал Виктору успехов, и они расстались.

В назначенное время Дронов поднялся на шестой этаж старинного здания в центре Стокгольма и нажал на кнопку звонка у двери, на которой висела медная табличка с надписью: «Крюгер К.». Швед уже сидел в кресле и курил. Хозяин предложил кофе и

ушел к себе в кабинет, оставив гостей одних. Сначала разговор шел вяло, собеседники как бы присматривались друг к другу, постепенно лед настороженности растаял, скованность исчезла. Швед рассказал, что лет десять назад он был в Ленинграде туристом. Его поразило гостеприимство советских людей, они оказались совершенно не такими, какими их изображали на Западе. Он с осуждением отзывался об американцах, их надменном отношении к иностранцам. Просматривалось, с одной стороны, негативное отношение к янки, а с другой — желание как-то помочь русским. При этом швед не скрывал желания заработать. Он сообщил, что у него есть возможность достать кое-какое оборудование своей фирмы, которое, по его мнению, наверняка заинтересовало бы советскую сторону, например, аэрофотокамеру. В подтверждение своих слов фирмач передал Виктору проспекты на оборудование фирмы и описание аэрофотокамеры с грифом «конфиденциально», которая демонстрировалась на выставке, и сообщил ее стоимость. Он уточнил также, что редко бывает в Швеции, но о нем можно получить информацию от его сестры Регины, проживающей в Стокгольме, или связаться с ним в Каракасе. Не забыл он передать телефоны и адреса и выразил готовность продолжить сотрудничество, если возникнет интерес с нашей стороны. Виктор поблагодарил шведа и сказал, что при необходимости его найдут. На этом собеседники расстались.

В конце апреля по указанию МВТ Дронов выехал в командировку в Хельсинки для участия в коммерческих переговорах В/О «Машиноимпорт» с дочерней фирмой «Флект фабрикен». Поездку Дронов использовал для изучения оперативной обстановки в финской столице, подбора маршрутов проверки. Виктор посетил университет в Отаниеме (предместье Хельсинки), где на физическом факультете Адамс должен был прочитать курс лекций по физике атомного ядра трансурановых элементов.

Командировка много дала Дронову, он почувствовал уверенность в предстоящей операции.

Возвратившись из Финляндии, Виктор получил сообщение срочно прибыть в посольство.

В резидентуре его уже ожидал Разумихин. Выслушав доклад о поездке, Алексей Николаевич протянул листок шифровки. Дронов начал читать:

«Сов. Секретно

Рощину
На Ваш № 205/2

Швед по учетам Центра и КГБ не проходит.

Переданная им инструкция на аэрофотокамеру представила значительный интерес.

Центр чрезвычайно заинтересован в получении образца камеры. Срочно сообщите ваши предложения о том, как добыть образец камеры через шведа.

Васильев».

— Ну, Виктор Никифорович, — начал Разумихин, улыбаясь, — как задачка? Что будем делать, с какого конца приступить? В армии ведь инициатива наказуема, как ты знаешь. Центр дает понять, что сами заварили кашу, сами и расхлебывайте.

— В принципе, Алексей Николаевич, — начал Виктор, — я не вижу здесь криминала. Мы в Центр честно все доложили, как на духу, ничего не скрывая. Думаю, шифровка в какой-то степени подтверждает, что мы действовали со шведом правильно. Что касается камеры, то здесь, пожалуй, остается единственный выход: выйти на шведа через нашу венесуэльскую резидентуру. Не вести же переговоры с ним в Стокгольме через его сестру?

— Итак, ты предлагаешь Василию Федоровичу передать потенциального источника из нашего управления в третье — Константину Петровичу. А ты знаешь, что Василий Федорович и Константин Петрович, встречаясь в столовой, не здороваются, между ними какая-то черная кошка пробежала, когда они еще работали в Штатах. Поэтому трудно рассчитывать на то, что Василий Федорович сделает такой подарок Константину Петровичу. Вот и попробуй реши этот ребус.

— Я, конечно, не знаю таких тонкостей, — заметил Дронов, — мне даже кажется странным, что в разведке приходится сталкиваться и считаться с личными амбициями. Какая разница, кому достанется слава? Прежде всего нужно думать о государственных интересах. В нашем случае проще всего к шведу подойти в Каракасе и все выяснить.

— Ты, Виктор Никифорович, абсолютно прав, но пока еще не волшебник в разведке, а только учишься. Именно так в идеале и должно быть, но, к сожалению, в жизни приходится считаться с личными амбициями, и они зачастую много значат. Конечно, если очень захотеть и пойти на конфронтацию с Василием Федоровичем, можно доложить обо всем Родиону Ивановичу, тогда он будет решать. Но в этом случае мы накличем на себя беду, и Василий Федорович найдет способ нам отомстить.

Поэтому надо искать какое-то соломонино решение. Например, не раскрывая замысла операции, попросить от нас резидентуру в Каракасе от твоего имени войти в контакт со шведом и выяснить поставленные Центром вопросы по камере или что-то подобное...

В конце концов из резидентуры в Центр ушла телеграмма:

«Сов. секретно

Васильеву

На Ваш № 7832/Д

Докладываю: считаем целесообразным от имени Дронова обратиться к шведу через резидентуру в Каракасе и выяснить у него возможность получения образца камеры с обязательной оплатой ее в течение десяти дней в Стокгольме после получения.

Если такой возможностью Центр не располагает, готовы проработать этот вопрос самостоятельно.

Жду ваших дальнейших указаний.

Рощин».

Закон диалектики о переходе количественных изменений в качественные безусловно проявляется и в разведывательной деятельности и имеет свои специфические особенности. Часто случается так, что добросовестный разведчик не покладая рук усердно трудится, ищет, старается один-два года, а результата нет. Уже командировка подходит к концу, пора выдавать на гора решенные задачи, а главная из них — вербовка — остается невыполненной. И вдруг, на третьем году происходит прорыв, диалектический качественный скачок: среди сотен знакомых контактов находится наконец один, который, как в благодарность за проделанный труд, засверкает бриллиантовыми гранями. Правда, зачастую срабатывает здесь своеобразный закон подлости: прорыв происходит в конце командировки, и плоды кропотливой работы достаются другому.

Так произошло и с Дроновым: в конце командировки на него обрушилась лавина работы и разведывательной, и по прикрытию. Только поворачивайся!

По шведу из Центра на следующий день пришел лаконичный ответ:

«Сов. секретно

Рощину

На Ваш № 202/2

Для решения поставленной задачи по добыванию образца аэрофотокамеры используйте возможности

— Ну вот, как я и предполагал, Василий Федорович дает нам отлуп, — обращаясь к Дронову, удовлетворенно сказал Разумихин, вынимая шифровку из папки. — Давай шевелить мозгами, как нам выполнить задание Центра. Я же тебя предупреждал, что в агентурной работе больше шишек, чем пирогов. Что скажешь?

Виктор, нахмутив лоб и вчитываясь в скупые строчки, соображал, что ответить. Наконец он произнес:

— Я вижу два варианта, раз третьего не дано, как считает Центр. А Центр всегда прав. Первый вариант — Регина. Встретиться с ней, попросить позвонить брату и на эзоповском языке передать информацию и получить ответ. Этот вариант мне не нравится. Мы не можем предвидеть, как поведет себя женщина, можно ее напугать, и дальнейшее ее поведение трудно прогнозировать. Короче, этот вариант небезопасен, хотя возможен...

— Второй вариант — старик Крюгер, — перебил генерал.

— Совершенно верно, Крюгер. Можно попросить его позвонить, но, думаю, лучше написать шведу короткое письмо. Такое, например: «Покупатель согласен с предложенной вами ценой СИФ^[6] Стокгольм при оплате в течение десяти дней после получения товара. Сообщите ваше согласие и сроки поставки». Лучше даже сказать, что гарантируем платеж в течение десяти дней после получения товара. Со стариком надо поговорить и все ему объяснить. Думаю, он согласится, а швед все поймет.

— Что касается Регины, — начал Разумихин, — полностью с тобой согласен, мы ее не знаем и не можем рисковать. Убедившись, что ты русский, она сразу подумает, что имеет дело со шпионом, шведы как огня боятся СЕПО, их газеты пугают людей КГБ. Кроме того, мне нравится, как ты сформулировал письмо к шведу. Очень хорошо, что не называешь ничего и никого своими именами. Но Крюгеру надо объяснить все, о чем идет речь, не темнить. Проще всего было бы встретиться со шведом в Каракасе, и ответ можно было получить в течение двух-трех дней. Ну ладно, что об этом, — закруглил генерал, — встречайся со стариком, подумай о каком-то ему презенте. Может быть, приобрести что-нибудь в «Международной книге», например, какое-нибудь шикарное собрание сочинений Пушкина, Лермонтова или что-то в этом роде? Подумай об этом.

Крюгер охотно выполнил просьбу Дронова. Через десяток дней пришел ответ. Швед прекрасно понял смысл письма,

благодарил за запрос и сообщал, что в октябре будет в Стокгольме, где готов передать товар на условиях, предложенных покупателем, и просил подтвердить сделку. Резидентура доложила Центру и получила от него согласие на проведение сделки. Через старика шведу было направлено подтверждение. Оставалось набраться терпения и ждать.

12 июня Дронова по линии МВТ вызвали в Москву и включили в состав делегации для поездки в Финляндию.

Через пять дней он был уже в Хельсинки. Выбрав подходящий момент, Виктор посетил несколько магазинов, а затем пошел по своему проверочному маршруту. Убедившись, что за ним нет хвоста, взял такси и отправился в Отаниеми. Он знал, что в этот день Адамс должен был читать лекцию на физическом факультете.

Побродив по территории университета, Дронов вошел в холл факультета физики и, устроившись в кресле, стал ждать окончания лекции. Вскоре раздался звонок, из зала повалили студенты. Последним вышел Адамс. Дронов встал и, улыбаясь, направился навстречу. Увидев Виктора, американец несколько изменился в лице, но быстро взял себя в руки, тоже заулыбался и протянул руку Дронову. Они вышли из здания, и Дронов предложил Адамсу разделить второй завтрак. Тот согласился.

Еще в первый свой приезд в Хельсинки Виктор приглядел небольшое уютное кафе в подвале, расположенном поблизости от университета. Спустились в подвал. Удобно устроившись за столиком в углу, сделали заказ. В кафе никого не было. Разговор сначала шел на общие темы. Дронов пояснил, что приехал в Хельсинки по делам в составе торговой делегации. Адамс сообщил, что начал читать курс лекций, устроился в гостинице при университете, дела идут неплохо, из Хельсинки отправится в Вену, на следующий год в июне будет с лекциями в стокгольмской Высшей технической школе. Почувствовав, что Адамс доброжелательно отнесся к встрече и даже обрадовался ей, Дронов в конце ленча, когда они уже пили кофе, сказал: стокгольмский материал нашел положительную оценку специалистов, они благодарят его и, если он не возражает, хотели бы по этой тематике продолжить сотрудничество. Виктор сообщил, что у него есть перечень интересующих их вопросов, и показал его американцу. Тот, пробежав глазами, сказал, что на некоторые из них он может ответить здесь. Он привез с собой проявленные пленки шести документов, затрагивающих суть некоторых вопросов. Пленки Адамс может передать хоть сейчас, но хотел бы получить по пять тысяч долларов за каждую. Ответы на другие вопросы он готов дать на другой встрече, например, в

Стокгольме на следующий год. Поразмыслив, Виктор четко сказал, что не может сразу решить вопрос оплаты, и предложил передать ему пленки документов. Он же постарается быстро отправить их в Москву и там получить разрешение на выдачу денег.

Поскольку Адамс планировал на два дня заехать в Стокгольм, Дронов предложил ему остановиться в гостинице «Фламинго». Там можно будет встретиться и в случае положительного решения произвести расчет за документы. Адамс согласился.

Вечером из хельсинкской резидентуры ГРУ в Центр ушла шифровка Дронова.

«Сов. Секретно

Васильеву

Докладываю, 18 июня с. г. состоялась встреча с А. Он передал в проявленной пленке шесть сов. секретных документов, которые, по его мнению, соответствуют пунктам 5, 9, 11, 13, 23, 25 перечня вашего задания. За все документы А. хотел бы получить тридцать тысяч американских долларов. Он уверен, что документы полностью отвечают вопросам перечня и представят для нас интерес. Остальные документы постарается достать и передать на следующей встрече в Стокгольме в июне 1962 года, где он будет читать лекции в Высшей технической школе.

Договорились, что деньги при положительной оценке будут ему переданы в Стокгольме 17–18 июля с. г., где он планирует остановиться в гостинице «Фламинго», направляясь из Хельсинки в США через Стокгольм.

А. на встрече вел себя спокойно. Каких-либостораживающих моментов не отмечено.

Документы (шесть проявленных пленок) направляются очередной почтой из Хельсинки 21 июня с. г.

Подробности о встрече — отчетом. Вылетаю в Стокгольм 22 июня с. г.

Прошу сообщить Ваше решение.

Александр».

Прибыв в Стокгольм, Дронов обо всем подробно доложил резиденту и написал отчет о встрече в Центр. Оставалось только ждать.

Ответ пришел через две недели.

«Сов. Секретно

Рощину

Документы, полученные от А., представили значительный интерес и соответствуют пунктам 5, 9, 11, 18, 23, 25 задания. На очередной встрече разрешаем выплатить А. тридцать тысяч долларов.

На встрече с А. желательно выяснить его доступ к секретным документам, где и как он их добывает и фотографирует, возможность и целесообразность использования оперативной техники (специального фотоаппарата) для фотографирования и передачи нам пленки в непроявленном виде. Насколько соблюдаются им меры конспирации и безопасности. Для отработки надежных условий связи считаем целесообразным обсудить с ним вопрос о КА^[7], а также бессрочной явки в Нью-Йорке на случай потери связи.

Васильев».

Отдельной шифровкой сообщалось, что решением командования Адамс зачислялся в агентурную сеть в качестве ценного источника военно-технической информации.

За успешную работу генерал-майору Разумихину и майору Дронову начальник Главного управления объявил благодарность.

— Ну вот читай, — улыбаясь, говорил Разумихин, протягивая вошедшему Дронову шифровку. — На этот раз и нам дают откусить от пирога, поздравляю, Виктор Никифорович, так держать!

— Спасибо, — не по-военному ответил Виктор, возвращая телеграмму.

Старик, как называли офицеры Разумихина, был в хорошем настроении и не скрывал этого, шутил, рассказывал разные истории. С годами у человека любой профессии появляется потребность передать свой жизненный опыт молодым, поделиться своими знаниями с другими.

— Я тебе как-то уже говорил, — продолжал генерал, — что в разведке везет только тем, кто работает, стремится получить результат. Этим я ни в коем случае не отрицаю элемент случайности, везения, если хочешь. Везение существует везде и во всем: в науке, в искусстве и, конечно, в разведке. Но надейся на Бога, а сам не плошай. В разведке, я тебе скажу, просматривается определенная закономерность, ты — инженер, поймешь мою мысль. Объектом изучения в разведке является человек, а его как какую-нибудь кривую по теореме Фурье не разложишь на элементы. Слаба для этой цели пока наука, хотя успех в

вербовочной работе в общем виде можно выразить простым, на первый взгляд, математическим уравнением: $Y = F(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$, где Y — это успех, например, вербовка, а X_1, X_2, X_3 и так далее — различные факторы, влияющие на успех, на проведение вербовочных операций.

Вроде бы, на первый взгляд, все очень просто, но это только на бумаге, — развивал свою мысль резидент. — Скажем, X_1 — это реальное время действия, в которое проходит вербовочная операция. Одно дело — вербовочные операции до Великой Отечественной, во время войны, после нашей великой победы над фашизмом, и совсем другое — сегодня, в период «холодной войны». Другими словами, X_1 величина переменная, а следовательно, и Y — успех тоже зависит от X . Или X_2 — это, например, место действия, страна, в которой проводится вербовочная операция, национальная среда, в которой действует разведчик. Вербовать в Италии — это одно, и совсем другое — в США или в Англии. И таких переменных факторов можно назвать много. Поэтому вербовку надо рассматривать как сложную алгебраическую сумму этих переменных со всеми плюсами и минусами.

17 июля, как и планировалось, Дронов встретился в Стокгольме с Адамсом, передал ему деньги и получил расписку. Виктор выяснил, что американец по характеру своей работы имеет свободный доступ к секретным материалам, может брать документы домой и фотографировать их обычной камерой и не нуждается в какой-либо спецаппаратуре для копирования. Источник согласился передавать материалы в непроявленной пленке, ему были переданы КА и бессрочная явка на случай потери связи.

А между тем наступал период отпусков. «Вся Швеция закрыта!» — шутили по сему поводу шведы. Мертвый сезон наступил и в советской колонии. Многие сограждане отправлялись в Союз, бегали по магазинам, покупали подарки родным и друзьям, паковали коробки и чемоданы.

Резидент предложил Дронову тоже уехать в отпуск. Виктор засел за отчет и стал собираться. В разделе «Агентурная работа» уже было что написать, ничего не требовалось высасывать из пальца: ведь Виктор проделал конкретную работу, настоящую, без дураков, которую увенчала вербовка. Да какая!

Оперативник мог быть доволен собой, но в глубине души считал, что с американцем ему повезло.

Дронов с грустью вспоминал выпускной вечер после окончания военной дипакадемии. Торжественное, приподнятое

настроение, впереди полная романтики интересная, опасная работа. Сумеет ли выполнить задачи, которые перед ним ставятся? В память запала беседа с генерал-лейтенантом Бугровым, старым довоенным разведчиком. Он пригласил к себе за стол золотых медалистов на посошок. Крепко врезалось в память желание генерала за командировку провести десяток вербовок. Сейчас, работая в Швеции, Виктору эти цифры казались невероятной фантастикой. Он даже не знал, как относиться к тосту генерала. Как к шутке? За два года Дронов испробовал не один способ, чтобы выйти на полезные связи, но все они не дали заметных результатов. Да и оперативная обстановка в Швеции не способствовала решению агентурных задач. Жесткий контрразведывательный режим, постоянные компании шпиономаний против СССР в средствах массовой информации, враждебность значительной части населения к работникам советских учреждений затрудняли ведение разведки.

Люди избегали неофициальных контактов с нашими гражданами, боясь попасть в число неблагонадежных, откровенно опасались СЕПО, которая бдительно следила за контактами шведов с иностранцами, особенно с русскими. Демократия, свобода слова в Швеции были, честно говоря, только на бумаге. На самом деле большинство шведов были на учете у спецслужб. Особенно следили за коммунистами. Все нелояльные элементы фиксировались политической полицией как потенциальные противники режима, как возможные русские шпионы.

Шведская контрразведка широко использовала превентивные мероприятия в работе с населением, назначались вознаграждения гражданам, если они по своей инициативе информировали СЕПО о подозрительном поведении иностранцев. Шведов, которые по своей работе сталкивались с русскими — служащими совзагранучреждений, студентами, находящимися в стране по линии обмена Министерства высшего образования, туристами и так далее, — предупреждали об осторожности контактов с людьми из Советского Союза: те, мол, могут завлечь их в шпионскую сеть Кремля.

Написав отчет, Дронов уехал в Москву.

Отпуск пролетел как одно чудное мгновение.

Перед отъездом в Стокгольм его принял начальник управления. Ждать аудиенции пришлось долго: такая уж была манера у начальника — заставить никуда не отлучаться и все время быть «на стреме».

Василий Федорович принял Дронова в конце рабочего дня. До этого Виктор не был с ним знаком и никогда его не видел.

Шеф напомнил ему чем-то толстовского генерала из «Войны и мира», отца князя Андрея Болконского. Навстречу из-за стола поднялся сухопарый старичок, среднего роста, подвижный, с колючими настороженными глазами. Основная тема беседы была Адамс. Дронов почувствовал, что Василий Федорович очень заинтересован в таком источнике, но был сдержан в оценке, больше напирал на конспирацию и безопасность в отношении с агентом. Генерал произвел на Дронова впечатление человека сухого, осторожного, не коммуникабельного. В конце беседы он вдруг неожиданно спросил, нравится ли Виктору балет Хачатуряна «Спартак»? Дронов ответил, что видел по телевизору только фрагменты балета.

— Кто танцевал Спартака? — спросил Василий Федорович.

— Васильев, — ответил Дронов.

На этом аудиенция закончилась.

Съездил Виктор и в Дубну, надо было выяснить, насколько интересны для наших ученых материалы, добываемые через Адамса, и получить из первых рук информацию по наиболее перспективным направлениям исследований. Оперативник вез с собой несколько полученных от Адамса на последней встрече документов.

Дронова встретил мужчина средних лет, небольшого роста, в очках, в помятом темном костюме, без галстука. Представившись Александром Ивановичем, он без лишних слов приступил к делу.

— Мне известна цель вашего приезда, — начал он, — покажите, пожалуйста, материалы.

Дронов передал ему несколько документов на английском языке и сказал, что готов помочь в переводе, если потребуется.

— Нет, нет, спасибо, — поспешно ответил ученый, быстро листая документы. — В английском я разберусь сам, хуже у меня с немецким и французским.

«Черт меня дернул высовываться с английским», — подумал с досадой Виктор.

Через некоторое время, отложив в сторону бумаги, ученый сказал:

— Собственно, мне все понятно. Могу предложить вам следующую шкалу оценки ваших материалов: 2 — документ не представляет для нас интерес и не содержит ничего нового; 3 — документ содержит некоторый информационный полезный материал, но не имеет неизвестных для нас идей и оригинальных решений; 4 — документ представляет для нас значительный практический и теоретический интерес, содержит полезную новую информацию и будет использован в нашей работе. Я не назвал шкалу оценки в 5 баллов. Это — научное открытие. Так

вот, если исходить из изложенных мною критериев, за два документа я бы поставил оценку 4 и за один 3. Направляйте материалы в наш адрес, и мы дадим официальный отзыв на них и поставим вопросы, на которые хотели бы получить ответы дополнительно по этой тематике.

Дронов поблагодарил Александра Ивановича и отправился в Москву. Затем он выехал в Стокгольм.

Первый визит в шведской столице он нанес Крюгеру, прихватив с собой московский сувенир — подарочное палехское иллюстрированное издание «Руслана и Людмилы». Старик был тронут до слез. Совершенно неожиданно для Дронова он рекомендовал ему одного своего знакомого, директора небольшой фирмы, представлявшей американское электронное оборудование в Скандинавии. Крюгер рассказал, что его знакомый дипломированный инженер Буров, принадлежит к старой русской эмиграции и, по его мнению, может помочь Виктору.

Собрав предварительную информацию о Бурове и посоветовавшись с резидентом, Дронов позвонил из города знакомому старика. Представившись и сославшись на рекомендации, Виктор сначала говорил по-английски, но Буров перешел на русский и пригласил посетить его фирму.

В назначенный день Дронов, проехав по своему проверочному маршруту, направился на фирму Букова, ознакомившись предварительно по карте с районом расположения фирмы. Его встретил мужчина средних лет, по-спортивному стройный, подвижный, в хорошем строгом костюме, с приятной наружностью и манерами интеллигентного человека. Виктору показалось, что Буров несколько настороженно к нему отнесся, внимательно присматриваясь и изучая визитера. Дронов и не ставил перед собой задачу сразу броситься с расспросами на нового знакомого, стараясь в беседе найти какие-нибудь общие точки соприкосновения. Сдержанность собеседника не давала повода к беседе по широкому спектру вопросов, поэтому Виктор, обсудив возможные коммерческие интересы, распрощался, пообещав изучить номенклатуру товаров фирмы и вернуться к этим вопросам в случае заинтересованности советских внешнеторговых организаций.

Полученные проспекты от нового знакомого Дронов очередной почтой направил в Центр и попросил сообщить о заинтересованности в приобретении образцов.

В начале октября Крюгер получил письмо из Каракаса от шведа, который сообщал, что прибудет в Швецию 13 октября и

посетит его фирму. Это сообщение для Дронова было несколько неожиданным, но оно значительно упрощало дело и избавляло от необходимости обращаться к сестре фирмача. Из письма было не ясно, привезет ли он с собой образец камеры или нет. На всякий случай резидентура коротко информировала Центр.

18 октября Дронов встретился со шведом у Крюгера. Швед сообщил, что камера находится в Стокгольме и он готов ее передать на ранее оговоренных условиях. Виктор не знал, то ли радоваться, то ли огорчаться: до этого ему не приходилось заниматься образцами, и вдруг сразу как с неба свалился такой сложный образец. Виктор прекрасно понимал, что секретные эмбарговые образцы, как эта камера, нельзя просто купить, как телевизор в магазине. «Ведь швед должен куда-то спрятать концы, найти официального конечного покупателя», — думал Дронов. Когда он поставил эти вопросы перед шведом, тот сначала не хотел отвечать, ссылаясь, что это его проблемы, но увидев настойчивость Виктора, сказал, что у него есть куда спрятать концы. Он объяснил, что шведы закупают такие камеры и делают это на одну камеру больше, чем им требуется. Это объяснение в какой-то степени успокоило Виктора, но тревога оставалась. Подробности швед категорически отказывался сообщать.

Сложными оставались вопросы получения образца и его оплаты. Необходимо было посоветоваться с шефом, и Дронов отправился в посольство. Выслушав доклад, резидент как всегда все разложил по полочкам, выделив главное.

— Виктор Никифорович, — начал шеф. — Давай выделим ключевые вопросы этой наиответственнейшей задачи, которую перед нами поставил швед. Первое: каким образом получить образец и доставить его в посольство. Этот вопрос самый серьезный с точки зрения безопасности. Давай думать.

— У меня нет опыта с образцами, — заговорил Виктор, — но можно попросить шведа доставить образец на фирму к старику, а потом от него я бы мог взять ее и привезти в посольство или торгпредство.

— Нет, дорогой, так не пойдет. Слишком велик риск, — прервал Виктор резидент. — Представь себе, что за шведом следит контрразведка и им очень хочется узнать, кому это наш друг намерен сбыть камеру. Увидев господина Дронова, им ничего не останется, как взять его с личным вместе со всей компанией, а потом развонить на весь мир о русских шпионах.

— Как же тогда получить камеру? Предложить шведу самому привезти ее в посольство или торгпредство? — спросил Виктор.

— Это уже ближе к истине, — отвечал Разумихин. — Так можно было бы поступить, если бы швед для нас был ничтоже

интересен. Нет никакой гарантии, что его визит в торгпредство останется незамеченным, хотя наша хата в этом варианте вроде бы остается с краю.

— Ну, а что можно еще придумать, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты? — продолжал допытываться Дронов. — Я не вижу других вариантов.

— Не видишь? А как ты отнесешься вот к такому варианту? — спросил Алексей Николаевич, вставая. — Слушай, швед образец привозит старику на фирму. Камера, по габаритам меньше телевизора. Крюгер за наши деньги приобретает телевизор, а вместо него туда помещает камеру, все это упаковывается в оригинальную коробку от телевизора. Затем она направляется с посыльным экспедиторской фирмы в адрес торгпредства.

— Хитро вы придумали, Алексей Николаевич, — оживленно вставил Виктор. — Мне кажется, старик все это сумеет устроить, если его попросить.

— Сумеет-то сумеет, — вновь начал резидент. — Но меня только смущает, не перегружаем ли мы старика, не злоупотребляем ли его доверием, не подвергаем ли его риску? Но я не вижу других вариантов. Если считать, что с первым вопросом мы справились, то на второе место я бы поставил вопрос оплаты шведу в течение десяти дней после получения образца. Как сдержать данное нами слово?

Тут генерал подумал пару минут и размеренно произнес:

— Надо как можно быстрее отправить в Центр образец для оценки. А быстрее и вернее, чем диппочта, способа нет. Правда, здесь есть свои «если».

Алексей Николаевич снял трубку внутреннего телефона и попросил шифровальщика зайти к нему.

— Когда у нас дипкурьеры приезжают из Дании в Стокгольм? — спросил резидент.

— Послезавтра, — ответил шифровальщик.

— А большие вализы^[8] есть в референтуре посольства, например, чтобы отправить средний по габаритам телевизор?

— Есть, товарищ генерал, четыре мешка.

— Хорошо, идите, — отпустил шеф шифрокудесника и продолжал:

— Итак, вализа есть. Послезавтра, то есть двадцатого, курьеры в Стокгольме, отсюда они отъезжают двадцать второго в Хельсинки, числа двадцать седьмого-двадцать восьмого в Москве. Сколько дней пройдет, если мы образец получим завтра, девятнадцатого, подсчитай, Виктор Никифорович, по календарю? Получается семь-восемь дней. Если мы обо всем информируем Центр заблаговременно, то успеваем. Что скажешь?

— Все вроде получается, — облегченно выдохнул Дронов.

— Ладно, — подвел итог резидент, — встречайся завтра с Крюгером и шведом и решай все организационные вопросы. Я только вот еще о чем хотел сказать. Старик — наша палочка-выручалочка. Такие люди — золотой фонд разведки, ими надо дорожить и беречь их. Ведь он помогает нам совершенно бескорыстно. Ты задумывался почему, что им движет? Мы вообще не ценим русскую эмиграцию, сторонимся ее, и совершенно напрасно. А движет этими людьми русский дух, любовь к России, а это великая сила. Ты говоришь, он был тронут до слез твоим подарком, Пушкиным. Это прекрасно! И последнее, что я хотел тебе сказать: приглянись повнимательнее, Виктор Никифорович, к его наводке на Бурова. Центр сообщил, что он по учетам КГБ и ГРУ не проходит. В чем ценность таких людей, как старик, для нашей разведки? В современных условиях, особенно в странах с жестким контрразведывательным режимом, классика уже не работает. Под классикой я понимаю классический способ вербовки: знакомство, изучение, вербовка. Все это требует много времени, практически невозможно проводить такую работу вне поля зрения местной контрразведки. Вот здесь-то и приходит нам на помощь наводка. Она не требует много времени, поэтому надо искать таких людей как Крюгер.

Операция с камерой прошла успешно, шведу вовремя заплатили. Дронов провел с ним несколько встреч, был у него дома, где познакомился с его сестрой Региной. Швед подробно рассказал о своих возможностях, передал проспекты, цены на оборудование, которое он мог бы достать. Договорились связать поддерживать через Крюгера и Регину, которая оказалась очень симпатичной женщиной средних лет. Она немного говорила по-русски, прекрасно разбиралась в русском балете. Выяснилось, что швед имел отношение к поставкам военной техники в ВВС Швеции, но о конкретных связях умалчивал. Виктор особенно его не расспрашивал, считал, что со временем он сам расскажет.

В ноябре пришел короткий ответ на материалы, полученные от Бурова. Центр сообщал, что в целом номенклатура оборудования фирмы может представить интерес. Предлагалось изучить возможность получения образца американского дозиметра, сообщить цены и возможные сроки поставки. Центр ссылался на проспект, полученный от Бурова, и называл его тип.

«Хорошо, — подумал Дронов, — теперь есть предлог для мотивированной встречи с Буровым». Виктор позвонил своему новому знакомому, и через некоторое время они встретились у него на фирме. Услышав от Дронова, какой нужен тип дозиметра,

Буров хитро улыбнулся и, посмотрев на Виктора, спросил:

— Для военных хотите купить?

— Почему для военных? — искренне удивился Виктор.

— Как почему? Вы же видите, здесь в проспекте обозначено: военная спецификация, — ответил Буров.

Виктор еще не разбирался в таких тонкостях и промолчал. Буров сказал, что этот тип дозиметра он поставляет в армии скандинавских стран и может, конечно, продать Виктору пару штук, которые были у него на складе. Он добавил, что эти дозиметры не позволяют продавать странам советского блока. Поэтому сделка может быть только неофициальной, а оплата наличными. Виктора это безусловно устраивало.

Однако одно обстоятельство затрудняло работу с Буровым. В отличие от Крюгера он был антисоветчиком.

На одной из встреч Буров, хитро посмотрев на Дронова, вынул из выдвижного ящика стола две небольшие коробочки и, положив их перед собой, сказал:

— Вот ваши дозиметры, господин Дронов, забирайте. На днях получил партию из Штатов для шведской армии. Знаю, вы приобретаете их, чтобы скопировать, но мне наплевать, это ваши проблемы. Платите деньги, а что вы с аппаратами будете делать, меня не интересует. Вот счет.

— Почему копировать, господин Буров? — попробовал возразить Виктор. — Думаю, у нас есть свои и, может быть, не хуже.

— Ну конечно, советское все самое лучшее, — съязвил Буров и продолжил: — Для чего же еще, как не для копирования? Может быть, у вас есть и свои, но они такие, что солдат их не поднимет, ведь вы безнадежно отстаєте в электронике. По две штуки закупают только русские, чтобы содрать технологию, все остальные заказывают партии, мне это хорошо известно. Американцы уже знают: как только заказывают поштучно, значит, за этим стоят русские или ваши друзья-социалисты.

Дронов промолчал, не стал ввязываться в дискуссию о предмете, которым не очень владел. Кроме того, он почувствовал, что Буров вот-вот заведется и сядет на своего конька, критикуя все советское. Виктор не стал дразнить гусей и не возражал. Он, конечно, хорошо знал, что образцы приобретались не только для копирования, но и для того, чтобы посмотреть и знать, что находится на вооружении у потенциального противника. Сейчас его занимал больше другой вопрос. Несколько дней тому назад Центр в оперативном письме сообщил, что полученные ранее проспекты от Бурова на американские приборы и научное оборудование не представляет большого интереса. Кураторы,

просили выяснить возможности шведа по добыче других образцов и указали конкретно приборы и оборудование, которые надо было бы получить. Расплатившись с Буровым за дозиметры, Виктор осторожно поинтересовался:

— Господин Буров, — начал Дронов. — Прошлый раз вы передали мне довольно много различных проспектов на научные приборы и оборудование американских, фирм. Скажите, если наши организации проявят интерес к этому оборудованию, вы могли бы поставить его?

— Конечно, — не задумываясь ответил Буров.

Он встал из-за стола, вышел в другую комнату и вернулся с папкой в руках.

— Вот здесь цены на все оборудование и приборы, которые я поставляю и представляю на рынках Скандинавии и на которые я имею лицензию.

— Скажите, — перебил его Дронов, — вы могли бы дать предложение вот на эти приборы?

Виктор протянул Бурову список приборов, которые запрашивал Центр. Буров взял список, пробежал его глазами и сказал:

— Да, губа у вашего заказчика не дура, да и заказчик, судя по оборудованию, в погонах, — подмигнул Буров. — Надеюсь, господин Дронов, — продолжал швед, — вам хорошо известна вот эта бумажка?

Буров вынул из папки сложенный вдвое листок и протянул его Дронову. Мельком пробежав глазами текст на английском языке и поняв, что там речь шла об условиях закупки американского эмбаргового оборудования и об ограничениях его поставки в соцстраны, Дронов, возвращая Бурову лист, совершенно искренне сказал:

— Нет, я впервые вижу этот документ.

— Жаль, господин Дронов, — продолжал Буров, как показалось Виктору, с некоторой издевкой, — раз вы занимаетесь закупкой американской техники, да еще эмбарговой, вам надлежало бы знать, что американцы жестко контролируют свой экспорт, особенно в СССР и его сателлиты. Они с этой целью создали специальный комитет за контролем за экспортом эмбаргового товара КОКОМ. Уж о нем-то вы должны были слышать. Так вот, — продолжал назидательно Буров, — они хорошо знают, что русские ведут охоту за их высокими технологиями. А эта бумажка называется форма ИТА-629 Министерства торговли США.

Бурову, по всей видимости, доставляло удовольствие уличать Дронова в незнании таких элементарных вещей в бизнесе и

прочитать лекцию о предмете, который он прекрасно знал.

— Так вот, молодой человек, моя фирма уже много лет поставляет американское оборудование, запрашиваемое вашими заказчиками. По характеру заявки мне совершенно ясно, что представляет из себя ваш заказчик и для чего ему требуется это оборудование. В принципе я могу поставить вам это оборудование, но если вы внимательно прочитаете вот эту бумажку, то увидите, что американцы требуют ее заполнить и указать конечного покупателя, где это оборудование будет использоваться. И он, заказчик, должен поставить свою подпись и указать, где и как эта техника будет использоваться. Уверен, что ваш заказчик никогда не поставит свою подпись и не укажет, где и как оно будет применяться. Ибо янки никогда не разрешат его поставку в СССР.

— То сеть, господин Буров, — прервал Дронов монолог шведа, — вы хотите сказать, что нам откажут в приобретении этого оборудования? Я, право, не знал о таких жестких правилах, — признался Дронов, немного слукавив.

Он действительно не знал о таких тонкостях, о которых рассказал Буров. Со шведом сделка проходила по принципу товар-деньги-товар, никто особенно не интересовался, каким образом швед закрыл конечного покупателя, никто, в том числе Центр, не вдавался в детали добывания аэрофотокамеры.

— Нет, почему же, — отвечал Буров. — Я бы не сказал, что для вас все пути закрыты. Вы же коммунисты, для вас нет крепостей, которые вы не можете взять.

— Конечно, если вы поможете их взять, — вставил Дронов.

— Может быть, — снова продолжил Буров. — Выход можно всегда найти. Обратите внимание на последний абзац этого американского документа. Там сказано, что любые заявления, утаивание существенных фактов, либо неспособность представить требуемую информацию может повлечь за собой лишение права участвовать в американском экспорте. Это напрямую касается меня, если я возьмусь за это дело и буду уличен. Обходные пути, конечно, существуют, но за это надо платить втридорога. Вот я вижу в вашем списке стоит анализатор Фурье. Вы знаете, что из себя представляет этот прибор?

— Нет, — ответил Дронов.

Он действительно не знал, что это такое.

— Ну вот, — начал объяснять Буров. — Это очень сложный прибор двойного использования. Его можно использовать для чисто научных и военных целей в атомной промышленности. У меня есть заказ на несколько анализаторов Фурье для университета в Осло. Можно попробовать ваш заказ присоединить

к норвежскому. Короче, что-то можно придумать, но это будет стоить больших денег. Надо кое-кому дать, чтобы все прошло гладко. В эмбарговых товарах есть еще одна сложность. Американцы иногда проверяют, где и как используется поставленное ими оборудование. С этой целью могут через своего советника по науке и технике в посольстве проверить поставленное оборудование. Представьте себе такую ситуацию, я закажу вам прибор, назову ложного конечного покупателя, а американцы через пару месяцев после поставки прибора проверят. Что мне тогда делать?

Буров в конце концов взялся поставить образец анализатора Фурье. Через этот канал было добыто много важных образцов техники и после отъезда Дронова в Союз. Несмотря на антисоветизм Букова, он прекрасно работал. Его прежде всего привлекала большая прибыль: он получал деньги наличными и скрывал свои барыши от уплаты налогов.

Работа с Буковым по образцам эмбарговой техники была хорошей школой для Дронова.

Последний год заграникомандировки пролетел как одно мгновение.

В июне 1962-го Виктор провел последние встречи с Адамсом, прибывшим в Стокгольм читать лекции. От него получили несколько документов в соответствии с перечнем. Договорились, что Адамс через конспиративный адрес сообщит место и время своего очередного прибытия в Европу в следующем году.

15 сентября 1962 года Дронов стоял на верхней палубе теплохода «Михаил Калинин» и махал рукой провожающим его товарищам. Он прощался со страной, которую успел полюбить и которой никакого вреда не причинил. На душе было радостно и тревожно. Радостно от предстоящей встречи с Родиной, от недавней шифровки из Центра, в которой сообщалось, что Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение заданий командования его наградили орденом «Красной Звезды», тревожно оттого, что его ожидало в будущем.

Глава 2

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КАРЬЕРА

Дронов шагал по коридору одиннадцатого этажа ГРУ и вспоминал, с каким трепетным волнением шел здесь впервые четыре года тому назад, получив назначение после окончания академии. Ему казалось тогда, что он попал в какой-то совершенно другой таинственный мир, где за каждой дверью витал дух великого Рихарда Зорге.

В коридоре было безлюдно и загадочно тихо. Тусклые лампочки на потолке слабо освещали помещение без окон. Тишину иногда нарушал стрекот пишущей машинки за дверью какого-нибудь кабинета.

Точно в назначенное ему время будущий разведчик робко постучал в дверь указанного в пропуске кабинета. Мужчина в штатском, выше среднего роста, с большими залысинами на высоком лбу, по-спортивному стройный и подтянутый, в сером в клетку костюме, с узким интеллигентным лицом на приветствие Дронова сухо протянул руку и, назвав себя Александром Дмитриевичем, указал на единственный свободный в комнате стул. Кабинет представлял из себя маленькую комнату с одним окном без штор, двумя канцелярскими столами и большим металлическим сейфом в углу у окна.

Александр Дмитриевич не спеша вынул из сейфа тонкую картонную папку и положил ее перед собой на стол.

— Значит, вы к нам пожаловали из академии, — растягивая тонкие губы в чуть заметную насмешливую улыбку, начал направлонец^[9]. — Закончили с золотой медалью, — заглядывая в папку, продолжал Александр Дмитриевич, — похвально. Английский, немецкий, совсем неплохо для маленькой Швеции. Ну, хорошо, Виктор Никифорович, давайте представим себе на минутку, что вы прибыли с семьей в Стокгольм и стоите со всем своим скарбом на перроне, растерянно смотрите по сторонам в надежде увидеть встречающих вас сограждан. Но никто к вам не спешит. Ваш взгляд останавливается на мужчине в белом фартуке с огромной металлической бляхой на груди и незнакомыми словами. Вы догадываетесь, что это носильщик. Вот, давайте попробуем эту ситуацию проиграть, — неожиданно перешел Александр Дмитриевич на хороший немецкий.

Дронов не ожидал такого резкого поворота в разговоре и начал с того, что предпочел бы обратиться к носильщику на английском, так как не силен в немецком. Услышав в ответ, что

носильщик не говорит на английском, вынужден был напрячь всю свою память и с горем пополам, вспотев от напряжения, начал извлекать из глубин своей памяти немецкие слова и выражения.

Судя по тому, как морщился и старался спрятать улыбку в своих тонких губах Александр Дмитриевич, Дронов понял, что его немецкий не доставил большого эстетического удовольствия офицеру направления...

Все это вспомнилось Виктору перед тем, как он уверенно открывал дверь все той же комнаты 1107 на одиннадцатом этаже.

Встречал его уже другой офицер. Александр Дмитриевич, как ему было известно от товарищей по работе, трудился давно где-то за рубежом. На оперативных участках долго не засиживались.

После обмена приветствиями и короткой беседы направлонец позвонил по внутреннему телефону и пригласил Дронова к начальнику направления.

Полковник Раевский Владимир Александрович, бывший заслуженный летчик-истребитель, участник Великой Отечественной войны, тепло встретил Виктора, вышел к нему навстречу из-за стола, поздоровался, поздравил с орденом, дружески похлопал по плечу, пригласил сесть. Дронов, как было положено по уставу, доложил о прибытии для дальнейшего прохождения службы. Еще в Швеции Разумихин официально объявил ему, что его берут на участок к Раевскому, чему Виктор очень обрадовался, так как попасть после заграникомандировки в оперативное управление считалось для разведчика высочайшей честью и большим достижением.

В оперативное управление отбирали, как правило, офицеров лучших из лучших, которые имели конкретные результаты в вербовочной работе за рубежом и рассматривались, как перспективные разведчики для дальнейшей работы в «поле». Офицеры оперативного управления составляли элиту ГРУ, из них выходили резиденты, руководящие работники Центра. Оперативное управление было кузницей разведчиков-вербовщиков. У них не было никаких привилегий, кроме возможности в любое время выехать по приказу командования за рубеж в любую страну мира и выполнить задание Родины. Возможность заниматься любимым делом и приносить конкретную пользу — было единственной привилегией. Именно это многих честных людей и привлекало в разведку, потому что разведка это такой вид человеческой деятельности, который можно было с достаточно высокой степенью точности объективно измерить. В агентурной разведке есть такие аналитические весы, которые позволяют оценить труд каждого оперативного офицера. С другой стороны, разведка как деятельность таит в себе много

соблазнов, искушений, невидимых подводных рифов, о которые можно разбиться. Она привлекательна и для людей авантюристического склада, проходимцев, любителей острых приключений, так как дает широкий простор для относительно бесконтрольных или трудно контролируемых действий, большую самостоятельность в принятии решений.

Раевский был известный в ГРУ офицер. Владимир Александрович дважды успешно работал за рубежом, имел конкретные результаты в вербовочной работе. Офицеры уважали Раевского за скромность и порядочность, простоту в общении с подчиненными, у него был настоящий авторитет, опиравшийся на высочайший профессионализм и незаурядные человеческие качества. Он любил повторять, что если уверен в своей правоте, не бойся отстаивать свое мнение, пойти против течения. Самым большим его достоинством было то, что он не отрывался от людей. А ведь одной из характерных черт того времени было то, что человек, став начальником, вдруг становился другим, напрочь забывал о своих корнях.

Беседовать с Раевским было легко и приятно. Он хвалил работу Дронова в Швеции, дал высокую оценку его действиям с Адамсом, интересовался личными делами, устройством в Москве, спрашивал, как намерен провести отпуск. Обычно личная жизнь мало интересовала начальство. Раевский резко отличался в этом отношении от многих руководителей. Его занимало все. На этой почве у него возникали столкновения с руководством. Будучи очень спортивным человеком, он увлекался плаванием, имел обыкновение на работу и с работы ходить пешком, преодолевая ежедневно многокилометровый путь, игнорируя автомашину, которая полагалась ему по должности. Начальство косилось, подозревая в этом подрыв авторитета власти предрежащей. Когда Раевский стал обедать с офицерами своего направления в общей офицерской столовой, не посещая спецзал для руководства, начальство не выдержало. Его вызвали на ковер и устроили головомойку.

Несмотря на то, что он давно занимал генеральскую должность, генерала ему не присваивали, поговаривали, что когда-то, находясь в длительной заграникомандировке в Германии или в Австрии, набил морду одному венгру, бежавшему в 1956 году из страны, оскорблявшему публично в баре Советский Союз. Попал в полицию. Потом это пятно было уже невозможно отмыть. Другой раз ему не повезло уже на родине. Возвращался как-то домой с работы поздно вечером, ехал на троллейбусе. Трое подвыпивших мужиков стали приставать к молодой женщине. Раевский вступился за женщину. Кончилось тем, что попал в

отделение милиции, был составлен протокол, пришлось показать документы. К нему претензий не предъявили, но протокол направили по месту службы, в котором выражалась благодарность за гражданский поступок полковника Раевского. Однако в политотделе посчитали, что тот раскрыл себя перед гражданскими властями. Раевского несколько раз представляли к званию генерал-майора, но инстанции, то есть ЦК КПСС, всякий раз возвращали представления назад, не объясняя причин. Поговаривали, что у него был на связи какой-то ценнейший агент, но об этом было не принято судачить.

Во время беседы Дронов заметил, скорее почувствовал, что Владимир Александрович что-то не договаривает, как-то неловко улыбается, отводит глаза в сторону. Наконец, преодолевая, видимо, какое-то внутреннее смущение, Владимир Александрович сообщил Дронову, что руководство ГРУ, учитывая, что ему придется периодически выезжать за рубеж на встречи с Адамсом, решило направить его под «крышу» в Минвнешторг, чтобы отлегендировать свое пребывание в Союзе. Наиболее удобно и логично это было сделать, по мнению начальства, через МВТ. Начальник направления выразил сожаление, что вынужден расстаться с офицером, на которого возлагал большие надежды. Дронов вначале был несколько обескуражен неожиданным для него решением начальства, но сумел взять себя в руки, подумав: что Бог ни делает, все к лучшему.

Через несколько дней Дронов с семьей отправился отдыхать в южный санаторий. Там он встретил много однокашников, вернувшихся из длительных зарубежных командировок. Из бесед с товарищами узнал, что не у всех в первой командировке судьба сложилась удачно: некоторые погорели на подставах, были объявлены персонами нон грата и высланы из страны в двадцать четыре часа, другим не повезло больше: они стали жертвами предательства. Были и такие, кто не выдержали проверки на прочность: ударились в пьянство, завели сомнительные связи с женщинами и были досрочно откомандированы в Союз. Некоторых подвело здоровье. Конечно, подавляющее большинство молодых разведчиков, однокурсников Дронова, справились с заданиями командования на командировку и вернулись на родину с положительными результатами. Некоторые были отмечены правительственными наградами и благодарностями.

За четыре года работы в Швеции Виктор прошел хорошую школу разведывательной деятельности в стране с жестким контрразведывательным режимом, стал довольно опытным

работником, у него появилась уверенность в собственные силы, исчезли ненужные иллюзии о суперразведчиках, вербующих повзводно, как выражался один генерал, читая лекции в академии. В то же время в общении с товарищами он стал заносчивым, несколько амбициозным. По всей видимости, орден немного вскружил ему голову. В санатории Виктор с горечью думал и о том, что его обидели, не оценили по достоинству. Теперь он знал себе цену и мог сравнивать свою работу с другими. Все больше и больше его точил червь зависти, особенно когда он узнавал о случаях, как некоторых бездарей вдруг повышали в должностях, направляли на учебу в академию Генерального штаба или продвигали по службе.

«Здорово меня объехали, — с горечью и завистью думал он. — Окончил академию с золотой медалью, послали на самую низкооплачиваемую должность инженера торгпредства с прежним мизерным окладом. Только двое таких дураков нашлось на всем курсе, промолчали, как телята, а горлопаны добились своего».

— Ничего, покажешь себя в работе и все тебе компенсируем с лихвой, — успокаивающе напутствовал его один начальник, узнав случайно о мизерном окладе Дронова. — У меня этот вопрос на контроле будет.

Через месяц этот барин, забыв о своем обещании, отправился сам на высокую должность в загранкомандировку во Францию.

«Черт знает что, — продолжал рассуждать Дронов. — Такая несправедливость, и я должен со всем этим мириться. Тебя бьют по одной щеке, подставляй другую. Нет, заповедь Христа не для меня, а может быть; я неправильно ее понимаю. Теперь вижу, что сработал хорошо и достоин большего. Почему Борисенко, пустого, недалекого, с грехом пополам окончившего академию и ничего не показавшего за рубежом, направили учиться в академию Генштаба? А другого бездаря Зотова с повышением ставят на участок в оперативном управлении? Ты старался, вкалывал, и все коту под хвост, как был офицером, так и остался, даже старшим офицером не сделали: говорят, потерпи, пока нет свободных должностей. Нет, надо как-то бороться, сопротивляться, иначе эти шустрые ребята с мохнатыми лапами и острыми локтями с потрохами проглотят и никто о тебе и не вспомнит. Раньше, увлеченный работой, я как-то не замечал всей этой возни, а сейчас все больше и больше вижу чудовищную несправедливость, без протекции, без поддержки никуда не попадешь, хоть в лепешку расшибись. Нет поддержки, значит, надо самому двигать себя, не считаясь с методами и средствами. Видно, в этой сволочной жизни все средства хороши, если они ведут к достижению цели, тебя никто не осудит, когда ты

добьешься власти. Цель оправдывает средства».

Только теперь Дронову становились понятны тонкие механизмы Движения людей наверх, по служебной лестнице. Он стал понимать, что далеко не достаточно хорошо делать дело, хорошо выполнять работу. Более существенным являлось иметь поддержку со стороны сильных людей, родственные связи. С головой уйдя в работу, Дронов не заметил этих тонкостей, интриг. Ему нравилась его работа, казалось, что начальство, как положено по уставу, само обратит внимание на него и отметит его рвение. Виктор ошибался: он не учитывал, что разведка очень притягательна и для очковтирателей, проходимцев, карьеристов.

Зависть разъедала душу Дронова. К этому примешивались его природный эгоизм и самомнение. Он не хотел мириться с тем, что люди значительно ниже, как ему казалось, по интеллекту, таланту, способностям занимали более высокое положение. Его это раздражало и даже бесило, и он ничего не мог поделать с собой от бессилия, хотя не показывал своего недовольства.

После отпуска Дронов представился своему новому начальнику генерал-майору Блатову Ивану Ильичу. В полутемном кабинете с решетками на окнах Дронова встретил мужчина небольшого роста, худощавый, с неброской внешностью, в темно-синем костюме. Предложил сесть и, узнав, что Виктор прибыл из Швеции, сразу стал расспрашивать о рыбалке. Когда Дронов ответил, что рыбалкой не увлекался, да и времени на нее не было, Блатов как-то недоверчиво и подозрительно посмотрел на собеседника и сразу потерял к нему интерес. Никакие другие вопросы его, по всей видимости, не интересовали.

— Хорошо, — сухо закончил он беседу, — отправляйтесь в кадры и устраивайтесь на работу в МВТ. Вятковскому я дам указание.

Вскоре Дронов узнал от коллег, что генерал перед пенсией намыливался в длительную заграникомандировку и его уже ничего не интересовало, кроме устройства своих личных дел. В беседах с офицерами заводил разговоры о рыбалке, о ценах в стране, о курсе иностранной валюты. Особенно его волновал вопрос, что делать с собакой, на кого ее оставить здесь, в Москве. Блатов пятнадцать лет тому назад вернулся из длительной заграникомандировки, где работал то ли представителем Интуриста, то ли АПН в одной из стран Юго-Восточной Азии. У него было очень смутное представление об агентурной работе, но чья-то могущественная лохматая лапа посадила его после командировки в мягкое кресло на Старой площади в Административный отдел ЦК, а оттуда все дороги, как известно,

вели к коммунизму. Десяток лет он курировал ГРУ, а затем вновь вернулся на генеральскую должность в главк. Со Старой площади люди попадали в обойму номенклатуры и шли только с повышением. Его многие недолюбливали за нелюдимый, неприветливый характер, и, вероятно, некоторые побаивались, так как ходили очень упорные слухи, что его брат был помощником у Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Держался Блатов особняком и к себе близко не подпускал, особенно подхалимов, лизоблюдов, которых всегда много крутится перед начальством.

Через несколько дней Дронов устроился на работу под «крышу» МВТ заместителем директора фирмы по импорту в одно из объединений Внешторга, что создавало ему широкие возможности работы с перспективными иностранными фирмами.

В то время группой военных разведчиков, работающих под «крышей», руководил полковник Астров Владимир Иванович, очень порядочный, толковый офицер, которому удалось создать дружный коллектив единомышленников. Астров подбирал себе людей честных, толковых, любящих свое дело, сам показывал пример, активно занимаясь оперативной работой. Под его руководством добывались сложные образцы военной техники и документация к ним.

После четырехлетней работы в Швеции Дронов довольно легко вписался в работу разведгруппы Астрова. Работа Внешторга ему была также хорошо знакома, в объединении и во всем министерстве у него было много знакомых по зарубежной работе, быстро появились новые полезные контакты. Вхождение в новую работу произошло естественно и легендировано и для иностранцев, и для сотрудников объединения. Конечно, на фирме сотрудники знали или догадывались, что Виктор занимался не только внешнеторговыми делами, но люди с пониманием относились к этому и никогда не отказывали в помощи, а наоборот, многие стремились по своей инициативе оказать бескорыстное содействие и делали это более активно и охотнее, чем за рубежом.

В группе Астрова Виктор быстро включился в работу, чему в большой степени способствовало его знание немецкого языка. Ему предложили помочь офицеру группы Васильеву Анатолию Филипповичу, который в то время занимался одним интересным делом с немцами. Дронов и Васильев быстро сошлись, нашли общий язык. Анатолий был прекрасный работник, честный, не боявшийся разумно рискнуть. Несколько лет тому назад вместе с большой группой советских граждан из-за предательства одного

работника КГБ его в двадцать четыре часа выслали из страны. Небольшого роста, смуглолицый, с неизменной трубкой в зубах, всегда с иголки одетый, Васильев походил на англичанина периода колониальной Индии. Продолжительное время проработав под «крышей» Минвнешторга, он знал свои обязанности по прикрытию на зубок, регулярно ездил в командировки в соцстраны, где встречался с агентами, которые приезжали к нему на встречи из недружественной нам страны, в которой была разгромлена наша посольская резидентура.

Дронов быстро сблизился с Васильевым. Тот ввел в курс дела Виктора, познакомил его с немцами, и они стали совместно работать над получением ряда сложных образцов военной техники и технической документации. Удалось успешно провести несколько интересных совместных операций. Одна из таких операций чуть не закончилась провалом. Анатолий, не изучив реальные возможности одного источника, согласился с его предложением добыть очень важный образец военной техники. К операции подключился Виктор. Самоуверенный иностранец достал секретное описание образца, получил деньги и возомнил, что все может, что образец у него в кармане, стал хвастаться, пренебрегая мерами конспирации и безопасности. В итоге иностранцем заинтересовалась местная контрразведка, пришлось свернуть операцию и отказаться от услуг хвастливого фирмача.

Дронов хорошо освоился с прикрытием. Ему нравилось работать в дружном коллективе разведчиков, руководимом Астровым. Работа спорилась, Виктор даже обнаружил, что и в Советском Союзе можно успешно решать сложные разведывательные задачи.

Через некоторое время Дронова вызвали в главк и сообщили, что пришло письмо на конспиративный адрес от Адамса. Агент сообщал, что будет в сентябре-октябре читать лекции в Венском университете, а жить собирается в гостинице «Адлон».

Виктор начал готовиться к поездке в Австрию. Объединение, где он работал, имело тесные коммерческие связи и по импорту, и по экспорту с австрийскими фирмами. Поэтому не составляло труда запланировать на сентябрь командировку в Вену в составе небольшой группы коммерсантов по линии ведомства.

Восемнадцатого сентября 1963 года поездом Москва— Вена с Киевского вокзала Дронов с двумя работниками Внешторга отправился в командировку сроком на семь дней, имея конкретное задание на переговоры с рядом австрийских фирм-контрагентов.

Перед командировкой Виктор тщательно изучил план Вены,

ознакомился в управлении с материалами по оперативной обстановке в стране, побеседовал с руководством о задачах, которые надо было решить на встрече с агентом. Разведчиков из местной резидентуры для оказания помощи в проведении операции решили не привлекать, информировали только резидента о приезде Дронова и о том, чтобы ему была предоставлена возможность шифрованной связи с Центром.

На вокзале в Вене делегацию МВТ встретил уполномоченный объединения в торгпредстве и отвез всех в гостиницу. На следующий день командированные приступили к работе. С утра до вечера Дронов участвовал в переговорах с инофирмами. В один из свободных вечеров Виктор отправился в город один. Побродил по улицам, посетил несколько магазинов, купил сувениры, а затем, проверившись, зашел в гостиницу «Адлон». Узнав у администратора, в каком номере остановился Адамс, Виктор позвонил ему по внутреннему телефону из фойе, не называя себя. Адамс сразу узнал Дронова.

Цо его голосу Виктор почувствовал, что он, был рад звонку. Через несколько минут они сидели в уютном малолюдном кафе и беседовали, как давно не видевшие друг друга закадычные друзья.

Встреча с агентом прошла успешно: Адамс передал несколько пленок в непроявленном виде секретных документов. Дронон поблагодарил агента. Договорились об оплате и об очередной встрече.

Виктор передал полученные пленки в резидентуру для отправки в Центр и коротко доложил шифром о результатах встречи с Адамсом. Документы получили высокую оценку специалистов.

В Москве Дронова ждала новость, которая в дальнейшем оказала значительное влияние на его службу и судьбу. Вместо генерала Блатова, посланного за границу резидентом, где ему предстояло не долго покомандовать, но много наломать дров, начальником Управления «Т» был назначен полковник Быстров Иван Кузьмич. Готовился покинуть Москву и Астров. Для Дронова и других разведчиков группы наступал новый этап в работе.

Полковник Быстров энергично взялся за дело. Новая метла метет по-новому, но от этого не всегда становится чище. Иван Кузьмич в отличие от Блатова был опытным оперативным работником, дважды успешно работал за рубежом. Правда, страны, в которых он побывал, нельзя было отнести к государствам с жестким контрразведывательным режимом. В разведке не принято делить страны по степени сложности решения в них разведывательных и информационных задач, так

как решать вербовочные задачи можно в любой стране под любой «крышей». Это считается аксиомой и не требует доказательств. Правда, и здесь много загадок. Бывают случаи, когда разведчик, работая в стране с нежестким контрразведывательным режимом, прекрасно решает поставленные перед ним задачи, получает правительственную награду, но в следующей загранкомандировке или даже в Москве под «крышей» работает из рук вон плохо. В чем дело? Где причина? И такие случаи не единичны. Очень редко, когда разведчик, работая в нескольких странах с различными контрразведывательными режимами, показывает стабильные положительные результаты.

Быстров ожидал генеральское звание и старался добиться в работе конкретных результатов. И это ему во многом удалось, чему не в малой степени способствовала целая эпоха в нашем обществе, которая была связана с именем Леонида Ильича Брежнева и которую следовало бы назвать «эпохой растреления» в пестрой истории нашего Отечества. Процессы, которые проходили в обществе, не могли не коснуться и разведки. В ней стали появляться люди, которые отражали и поддерживали брежневщину, сознательно или бессознательно.

Таким проводником политики растреления в ГРУ несомненно был начальник управления кадров Изуитов. Он из тех Давыдовых, которых Старая площадь бросала по брежневскому партийному призыву в КГБ, ГРУ, МВД, МИД, короче говоря, повсюду на усиление и укрепление нашего государства, на самом деле на развал, растреление общества. Эти люди отравят партию и народ смертельным ядом, который в конце концов и приведет к краху социалистической системы и нашего многонационального государства. И думается, потребуется еще много лет, чтобы опошленная прекрасная идея социализма вновь возродилась и пробила себе дорогу в России. Собственно, эти люди со Старой площади помогли выполнить одно из положений доктрины Аллена Даллеса — подмены нравственных основ нашего общества ложными ценностями западного мира. Профессионализм они подменили некомпетентностью, вседозволенностью, высокомерием и верхоглядством. Отсюда и началось восхождение Изуитова во власть и его падение в ад измены и предательства.

Присмотревшись, Изуитов стал проводить свою кадровую политику. Настоящие ценности, особенно необходимые в разведке, стали подменяться подхалимажем, некомпетентностью. На высокие должности начали выдвигаться люди, преданные Изуитову, резидентами направлялись часто не по профессиональному признаку, а по партийным критериям. В академию стали принимать по указаниям Изуитова, не считаясь с

мнениями приемной комиссии.

Изменились акценты в разведывательной работе. Отмечался удивительный феномен: с каждым годом росло количество добываемых разведывательных материалов, документов и образцов техники, а количество вербовок снижалось, особенно ценных источников. Если раньше на первом месте в разведке всегда стояла вербовочная работа, то постепенно произошла подмена этого краеугольного принципа. Начали соревноваться в количестве оценок, а это привело неизбежно к очковтирательству, показухе, пустозвонству.

Ростки этих перемен Дронов заметил, находясь еще в Швеции. На них неоднократно обращал внимание Разумихин, который в силу своего опыта и положения шире смотрел на эти проблемы и видел глубже происходящие метаморфозы. Шли тревожные разговоры среди разведчиков. Зараза очковтирательства распространялась вширь и вглубь, охватывая и оперативный состав. Главное — было иметь оценки, а как они добывались, отодвигалось на второй план. Такой поворот был на руку очковтирателям, проходимцам. Оценка превратилась в товар, ее можно было покупать в буквальном смысле. Появилась целая армия пройдох на разных уровнях — от рядового разведчика до руководителя.

С отъездом Астрова группу возглавил новый начальник, бывший заместитель Астрова полковник Золкин, хитрый интриган, который принадлежал к тому типу людей, которые сами ничего не сделали и не умели делать, но очень любили поучать. Он уже много лет сидел под «крышей» МВТ, но фактически числился, не занимаясь никаким конкретным делом. Как он, будучи заместителем начальника группы, умудрился освободиться от личного участия в оперативной работе, это так и осталось тайной. Ходили слухи, что КГБ по каким-то причинам не пускал его на длительную работу за рубеж то ли по пятой графе, то ли по какой-то другой причине, хотя он неоднократно предпринимал попытки уехать в длительную заграникомандировку.

Другой ключевой фигурой в группе и даже во всем управлении «Т» был полковник Вятковский. Все знали, что это большой прохвост, но он устраивал всех и его не трогали. Как и Золкин, он был невыездным.

Золкин и Вятковский после отъезда Астрова определяли всю политику в группе, втеревшись в доверие к Быстрову, обложив его как затравленного волка красными флажками. Они очень быстро раскусили его человеческие слабости и умело этим пользовались. На первый взгляд, эти лизоблюды казались прекрасными

работниками. На самом деле они умело паразитировали на недостатках нашей системы. Таких людей было сложно вывести на чистую воду: они вроде все делали как надо, говорили правильные слова, но умело, тонко, хитро саботировали втихую. Их принцип — больше от общества взять, меньше дать. Они ждали, когда придет их время. И оно пришло с появлением Быстрова.

Быстров был известной фигурой в ГРУ. О нем ходило много легенд, и тому, кто близко его не знал и не сталкивался с ним по работе, трудно было составить объективное мнение о нем. Глядя на его мощную фигуру, большую, круглую, лысеющую голову, широкий мясистый нос, выпуклый как арбуз живот, обтянутый рубашкой, на которой у пупка всегда была расстегнута пуговица, создавалось впечатление, что Иван Кузьмич добродушный и добрейший человек.

При встрече с хорошими знакомыми, товарищами по работе он тяжело, с отдышкой поднимался с кресла навстречу посетителю. Загребая его своими огромными медвежьими лапами в объятия, прижимал к себе так, что у гостя хрустели кости, и лобзал своими вечно влажными губами, похлопывая дружески по спине своей огромной, как лопата, пятерней, а затем гудел густым басом: «Здорово, здорово, дружище, сколько лет, сколько зим? Куда ты, дорогой, провалился?» Усадив гостя напротив себя, мелкими шашками семенил к большому деревянному шкафу, стоящему в углу кабинета. На самом деле это был холодильник «ЗИЛ», замаскированный под гардероб. Открыв дверку, вынимал пузатую черную бутылку французского коньяка, ставил рюмки, наливал ароматную янтарную жидкость и, чокаясь, говорил: «Ну давай, тяпнем по рюмашке за встречу».

Посетители, которые заходили с дорогими подарками, конечно, тоже были не лыком шиты. Большинство из них — тертые калачи, давнишние знакомые Быстрова, которые находились в отпусках или возвратились из длительных загракомандировок и искали себе место под солнцем. Как правило, это были шустрые люди, под стать хозяину кабинета, хорошо знавшие наклонности и привычки шефа.

Став начальником, Иван Кузьмич очень возлюбил власть. Собственно, не власть как таковую, а ее, может быть, внешнюю сторону: чувствовать себя таким князьком, наслаждаться тем, как люди под тобой копошатся, стараясь мгновенно предугадать любое твоё желание, исполнить любую твою прихоть. Вот у таких начальников мгновенно появляется множество подхалимов, прислужников, как правило, людей бесталанных, лодырей, которые по-настоящему не умеют трудиться, но находят себя в

этой рабской должности и чувствуют прекрасно, как рыбы в воде. Иногда такой тип людей вызывал у Быстрова чувство брезгливости, даже отвращения, словно прикоснулся рукой к какой-то липкой ползучей твари. Хотелось пнуть такого ногой, подальше отшвырнуть от себя. Но где-то в глубине сознания беспокоила мысль, что и он принадлежал к этому же классу пресмыкающихся. Эти мысли злили еще сильнее, потому что ставили его на один уровень с теми, кто перед ним сгибался и юлил. Ему очень не хотелось быть похожим на этих людишек, и он знал, что те, кто восклицает: «Осанна!», первыми бросят в него камень и закричат: «Распни его!», стоит ему оступиться.

Очень быстро вокруг Быстрова образовался круг людей в основном из тех, которых по разным причинам убрали в свое время из оперативных управлений. Они быстро сориентировались, оценили новую обстановку и заняли удобные позиции, раскусив человеческие слабости начальника. Возглавил этих людей Золкин. Быстрову, возможно, казалось, что он правит. На самом деле реально за него правили они, расставив на все ключевые места своих людей, которые подсовывали ему свои идеи и рекомендации. Постепенно все основные командные должности заняли люди Золкина, они ловко избавились от неудобных, направив их в заграникомандировки или в другие подразделения ГРУ. Во главе партийной организации поставили безвольного, ранее проштрафившегося на заграничной работе, некомпетентного в разведке сотрудника, который смотрел в рот начальству и раз в месяц собирал партийные взносы.

Вятковский, худенький, небольшого роста, с бегающими глазами, суетливый, всегда куда-то спешивший, умело втерся в доверие к Быстрову, стал его первым советником по многим вопросам. Используя ключевую должность и уважительное отношение руководства МВТ к военной разведке, он выбивал должности для ГРУ за рубежом, торговал этими должностями, направляя на них своих людей и взимая мзду за услуги. Он мог устроить, пользуясь связями в министерстве, сына какого-нибудь начальника в Академию внешней торговли, повысить в должности офицера за рубежом по прикрытию, направить в Африку или в Европу. Все это делалось со ссылкой на служебную необходимость нашей разведывательной службы. Вятковский как паук опутал многих людей, втянув их в нечестную игру. Проходимцы тянулись к нему со всех сторон, как мухи на помойку; но в его сети попадали и честные, порядочные офицеры.

В группе появилось несколько отпетых очковтирателей, ловкачей, проходимцев, которые могли делать оценки, хвалебные отзывы из ничего, из воздуха. Эти горе-разведчики очень быстро

нашли себе подобных в министерствах, в подразделениях ГРУ, от которых зависели оценки и отзывы. Такой калоритной фигурой был Владимир Федорович Запрудный. Попал он в группу по рекомендации Вятковского, по всей вероятности, их связывало старое знакомство и сотрудничество на ниве темных дел, далеких от разведки. Запрудный быстро стал небольшим начальником, устроился с помощью Вятковского на высокую должность в ведомстве. Не имея на связи ни одного иностранца, он тем не менее в короткие сроки, используя свои знакомства в различных министерствах и ведомствах, завалил группу оценками и отзывами, как Чичиков мертвыми душами. Владимир Федорович щедро платил своим оценкодателям иностранными сувенирами и подарками. Он всегда ходил с большим портфелем, набитым всякими подарками, бутылками для нужных людей.

Васильев видел, что его все больше оттесняют такие проходимцы как Запрудный. Его начинаниям с уходом Астрова стали оказывать сопротивление. Иногда Золкин просто накладывал резолюцию, что с таким-то работа нецелесообразна, выдумывая различные мотивировки или просто ничего не объясняя. Несмотря на солидный стаж работы в разведке и в МВТ, Васильева не продвигали по службе, хотя для других неопытных разведчиков открывалась зеленая улица. Все это имело простое объяснение: Анатолий не кормил Вятковского и Золкина, они считали его жадным и старались избавиться от него, засунуть куда-нибудь в Африку или Азию.

В отличие от Астрова, который старался направить работу группы на решение важных разведывательных задач по добычанию образцов эмбарговой техники и технической документации, Золкин пошел совсем другим путем. Хитрый интриган понимал, что добыча сложных образцов и документов связана всегда с серьезным риском, а иногда и провалом. А Золкин как огня боялся иностранцев, стараясь избегать встреч с ними.

Перед днем Советской Армии в управлении «Т» подводились итоги работы. Отличившимся разведчикам вручались грамоты, ценные подарки, объявлялись благодарности, совсем редко им вручались ордена. Правительственными наградами в разведке до расцвета брежневщины не баловали. Считалось, что сама служба в ГРУ уже великое поощрение. Однако эпоха пустозвонства Брежнева задела и разведку, расплодились генералы, зазвенели ордена...

Как-то Дронов с Васильевым возвращались домой с Международной выставки в Сокольниках. На выходе из парка

зашли в шашлычную, удобно расположились за столом, взяли бутылку водки, закуску. Накануне Анатолий за достигнутые успехи в работе получил грамоту от начальника ГРУ. Выпив, разговорились, и, как часто бывает у мужчин, разговор зашел о работе. Анатолий возмущался порядками, которые установились в группе с уходом Астрова.

— Ты знаешь, — начал он, обращаясь к Виктору, — как-то зашел у меня разговор с Вятковским. Он все меня сватает куда-нибудь в Черную Африку. Говорит, что я здесь засиделся, пора за бугор размяться. А я ему и отвечаю, что же ты меня здесь не продвигаешь по службе, я же ветеран, уже десять лет сижу безвыездно и все в экспертах хожу, а многих молодых ребят, которые в МВТ без году неделя работают, ты сделал уже зампредами объединений. И знаешь, что он мне ответил? Ты, говорит, сам виноват, никогда не пригласишь руководство в ресторан, да и сувениров от тебя не дождешься. Вон, смотри, Игорь только пришел, а уже получил начальника группы, зампреда. А ты как был экспертом и старшим офицером, так и будешь сидеть. У тебя же столько знакомых иностранцев, давно бы организовал ресторан или сауну для начальства, глядишь, и о тебе бы вспомнили при случае.

— Но тебя тоже не забывают, грамоту получил к 23 февраля, у тебя больше всех оценок и вроде, я слышал, была вербовка. Ты что, не доволен, хотел получить орден?

— Если честно, то да, — ответил Анатолий. — Но ты ведь, надеюсь, знаешь, как и за что Золкин и его сотоварищи получили ордена, не имея на связи ни одного иностранца. Сейчас все награды надо под микроскопом рассматривать. Такие ордена я не хочу получать. У меня есть медаль «За отвагу», которую я получил за рубежом в стране с жестким контрразведывательным режимом, и мне хватит. Эта медаль мне дорога, дороже ордена. Ты недавно в первом отделе читал указ о награждении орденами группы работников МВТ. Обратил внимание, Юре Брежневу^[10] за обеспечение перевозок импортного зерна орден Ленина папа вручил? По телевизору показывали на днях.

— Читал я эту бумагу и по телевизору видел, как Юра, получая орден из папиных рук, почему-то стесняясь, тихо промямлил: «Спасибо, папа». Такого бардака у иностранцев нет. Я просто не могу себе представить, чтобы у главы государства сын занимал высокое положение в обществе, будь он хоть семи пядей во лбу. Расскажу тебе один случай. Как-то в Швеции приехал я на одну фирму по какому-то делу. Стою в коридоре со знакомым директором фирмы, курим, беседуем. Подходит молодой человек, директор представляет его мне как своего сотрудника,

знакомимся. Когда молодой человек ушел, спрашиваю своего знакомого, уж больно фамилия известная у молодого человека, не сын ли он министра обороны Швеции. Директор отвечает, да, он сын министра обороны, работает у меня клерком. Я страшно удивился и спрашиваю, а что, министр не мог своего сына устроить получше? Мог, отвечает директор, но в этом случае сам быстро бы слетел со своего поста. Я тогда никак не мог понять это, потому что вокруг были одни сынки высокопоставленных работников. А сейчас думаю, что у них настоящая демократия, которая позволяет талантливому человеку занять достойное место в жизни, не то что у нас. Мы бы, Анатолий, с тобой там за бугром не были бы просто старшими инженерами. Как ты думаешь?

— Не знаю, — отвечал Васильев. — Но у них там тоже. не все так просто. Может быть, нас с тобой там лучше бы оценили, но я бы не хотел там жить ни за какие коврижки. Не выдержал бы, сдох со скуки.

— Ты все-таки завидуешь нашим шустрым ребятам в группе, или я тебя не так понимаю? — допытывался Виктор.

— Нет, не завидую, друг мой, — отвечал Васильев. — Чему и кому завидовать? Прохиндеям, Вятковскому и Золкину? В моих словах осуждение. По правде сказать, в орденах, званиях, наградах сейчас что-то нечестное, нечистое, незаслуженное, фальшивое. Знаешь, по правде тебе сказать, я свой ресурс в продвижении по службе исчерпал до конца, выше не могу: совесть не позволяет. Чтобы дальше двигаться, надо «наступить на горло собственной песни». Я не могу. И еще тебе скажу, все эти вятковские, подхалимы и прохиндеи, паразитирующие на разведке, явление временное. Не на них она держится, а на простых, честных оперативниках. Это они вербуют ценную агентуру, получают информацию, шарят по тайникам, рискуя иногда жизнью. Этих честных ребят в ГРУ большинство. Они в конечном счете определяют лицо нашей разведки, а не эта пена. Она пройдет, ее сдует свежий ветер неизбежных перемен. Когда это будет, я не знаю, но это будет, уверен. А насчет наград у меня целая теория есть. Хочешь, расскажу?

— Любопытно послушать, Расскажи, — оживленно подхватил слова Анатолия Виктор.

— Ну, слушай. Мне уже давно в голову запала одна, может быть, крамольная мысль, но я не могу от нее отделаться. И чем дальше, тем она меня чаще посещает. Сразу оговорюсь, что не хотел бы своими бредовыми рассуждениями затронуть честных, порядочных, достойных людей. Так вот, я думаю, если бы задаться идеей выявить всех проходимцев, людей, мешающих нам

жить и строить наше общество. Вот предложили бы тебе, например, найти наиболее рациональный метод нахождения этих людей, выявить их, вывести на чистую воду и отделить, как сорняки, от общества, от хороших людей. Как бы ты поступил? Мог бы ты предложить такой рецепт, чтобы излечить наше общество?

— Тебе, Анатолий, сколько я тебя знаю, — начал Виктор, — всегда в голову какая-нибудь блажь приходит. Я никогда не задумывался над такими вопросами, но думаю, что это какая-то фантазия, несуразица, маниловщина. Такая задача, на мой взгляд, но под силу целому НИИ.

— А я вот знаю, как ее решить одним элементарным приемом, — вновь начал Анатолий. — Могу тебе патент задаром отдать.

— Мне не надо твой патент, но послушать забавно, как ты одним махом решаешь сложнейшие социальные задачи, — ответил Виктор. — А патент отдай на Старую площадь, тебе за это орден дадут.

— Что касается Старой площади, то ты попал пальцем в небо, — продолжал Анатолий. — Старая площадь рядом еще с одним зданием, боюсь, что после моего предложения именно там займутся мною. Так вот... Я ведь кончал академию химзащиты, — начал свой рассказ Васильев, — и помню, как объясняли устройство атомной бомбы, как там в уране лавинообразно растет количество нейтронов. Что-то подобное происходит сейчас с нашим обществом. Поменялись акценты, в почете стали нечестные люди, бездари и проходимцы, они заняли высокие посты и плодят себе подобных с невероятной скоростью. Партия перерождается на глазах, туда устремились отбросы общества. Скажу тебе по-честному, мне стало не нравиться работать в группе, задыхаюсь. Предложат в командировку, соглашусь на любую должность и в любую страну. Может быть, там, за бугром, не так смердит. Ты здесь новичок еще и не все видишь. После такого вступления о теории. Ее суть в том, как собрать всех проходимцев в кучу, где их, собственно, искать. Оказывается, есть такое множество, выражаясь математическим языком, то **есть** скопление, где все эти проходимцы и сосредоточены. Вопрос только, как их оттуда выделить. Я утверждаю в своей теории, что наша родная любимая партия есть то множество, где спрятались все эти проходимцы. В партии у нас сейчас пятнадцать-шестнадцать миллионов человек. Я далек от мысли утверждать, что все они проходимцы, нет. Но много проходимцев втерлись в партию, они и среди награжденных, заслуженных людей, военных и штатских, начальства, они переоделись в овечьи шкуры, будучи

хищниками. Вот если бы было такое сито, в которое можно было бы поместить все эти миллионы членов партии и потрясти так, чтобы вся нечисть вылетела вон, а остались бы только честные, настоящие коммунисты, тогда бы все кардинально изменилось. А вот как это сделать и можно ли это сделать — я не знаю. Моя теория только указывает, где искать этот мусор нашего общества.

— Ничего не скажешь, здорово ты хватил, — задумчиво проговорил Виктор, — но, согласно твоей теории, и мы с тобой в этом сите, мы же тоже коммунисты и награжденные.

— Но мы не те и готовы подвергнуться испытанию на прочность, — отрезал Анатолий.

— Да, настроение у тебя, Анатолий, неважное. Хотя я во многом с тобой согласен. С уходом Астрова мне тоже стало хуже. Я еще там, за бугром, заметил эти перемены, о которых ты говорил. Мне, правда, страшно повезло с резидентом. Золкин все больше и больше меня поражает, хотя говорят, что он очень опытный разведчик. Недавно надо было выплатить одному иностранцу деньги под расписку наличными, так ты знаешь, какую ахинею он плел, стал учить, как это делается, как оформить расписку и что в ней написать. Мне показалось, что он сам никогда этого не делал.

— И правильно показалось, — перебил его Васильев. — Золкин хотя и был дважды в загранкомандировке, но своими руками ничего не делал. Всегда — советником при начальстве. С Блатовым у него только ничего не получилось, тот к себе на пушечный выстрел не подпускал. Тебе беспокоиться нечего, думаю, ты здесь не засидишься, у тебя все в порядке, нигде не засветился. Я же прописан во всех книгах и им здесь кость в горле. Поэтому они меня и хотят побыстрее куда-нибудь сплавить. Ведь Володю Астрова они отправили за бугор, долго вели эту работу, методично и терпеливо, чтобы Золкина поставить на его место. И как видишь, получилось. Вообще эта парочка те еще комбинаторы. Пожалуй, у них только одно серьезное препятствие в их комбинациях — это КГБ.

— КГБ? — удивился Дронов. — При чем здесь КГБ?

— Да, КГБ, — продолжал Васильев. — Могу тебе рассказать такую историю. Ты наверняка заметил, что в управлении «Т» много офицеров, попавших сюда по пятой графе. Они все не плохо устроились на ключевых позициях и умело подъехали к Анатолию Ивановичу. Смотри, в МВТ, в Госкино, в Интуристе, в Комитете по науке и технике, у самого Быстрова в аппарате сидят эти шустрые ребята. Ты думаешь, Золкин просто так повадился на австрийский участок со своим толстым портфелем? Он обхаживает начальство, задабривает подарками, пытается создать

себе почву на будущее. Знает хитрец, — что в Австрии через год освобождается должность замторгпреда. Загодя готовит себе плацдарм и тянет туда с собой своего друга Вятковского. Недавно слышал разговор этих неразлучных друзей, они, не стесняясь моего присутствия, вели беседу на эту тему. «Ну что, Михаил, поедешь со мной в Австрию? — спрашивал Золкин. — Великолепная страна, должен тебе сказать, сказка, я там работал в первой командировке. Прекрасное вино, музыка, центр Европы, там даже за шпионаж только три года дают». — «Я же немецкий не знаю», — отвечал Вятковский. — «Ну, это сущие пустяки, он тебе не нужен там, в торгпредстве только русская речь, все фирмачи говорят по-русски, — убеждал друга Золкин. — Я буду заместителем резидента, ты старшим в торгпредстве. Наладим работу других и себя не забудем. Тебе же не надо будет лазить по тайникам, вербовать, там хватит народу заниматься этими штучками. Наше дело — руководить. Кстати, работать в Австрии — это не в ФРГ или в США. КРО там на шпионаж смотрит сквозь пальцы. А вообще-то ты знаешь мою позицию: чем дальше от иностранцев, тем меньше шансов загреметь под фанфары. Хотя, по большому счету, карьере надо делать в Центре, а не за границей». Вот такие разговоры вели эти горе-разведчики, и они не шутили, — подытожил Анатолий. — Но мне кажется, что-то у них не получилось. Вижу, последнее время Золкин нервничает, ругает по чем зря КГБ, вероятно, у него были какие-то конфликты с этим ведомством...

Друзья еще долго сидели в шашлычной и только поздно вечером разъехались по домам.

Через некоторое время Васильев подал рапорт по команде с просьбой направить его в Афганистан. Начальство удовлетворило просьбу офицера, и вскоре он выехал в длительную заграничную командировку. Дронов потерял душевного друга с кем мог поделиться сокровенным и у кого многому мог поучиться.

Состоялись еще две встречи с Адамсом — в Цюрихе и в Западном Берлине, на которые выезжал Дронов. С агентом были установлены хорошие деловые и личные отношения. Руководство высоко оценивало материалы, полученные от него, ставились новые задачи в соответствии с агентурными возможностями агента.

В июне 1967 года Дронов выехал в Финляндию на встречу с Адамсом, но встреча не состоялась. В университете ОтаниEMI Адамс должен был читать лекции. В расписании на факультете его фамилия была зачеркнута. Дронов осторожно через деканат выяснил, что профессор Адамс по неизвестным причинам снял

курс своих лекций.

Поскольку с агентом была только односторонняя связь через конспиративный адрес, оставалось терпеливо ждать от него сообщений о причинах срыва встречи.

Прошло несколько месяцев, агент молчал, что естественно вызывало беспокойство начальства. Попытки что-нибудь выяснить через резидентуру ГРУ в Вашингтоне не увенчались успехами. На встречу по условиям бессрочной явки агент не выходил.

Дронова несколько раз вызывали в Главное управление на беседу с высоким начальством. Он догадывался, что у руководства зреет план действий, и оказался прав.

Глава 3

ПАДЕНИЕ

В понедельник рано утром 15 сентября 1968 года Дронов выехал с дачи в Москву на машине товарища с соседнего участка. Стояло бабье лето. Семья Дронова еще жила в деревне, в лесу было много грибов, и Виктор, приезжая на субботу и воскресенье, занимался сбором и заготовкой даров природы. Он любил это дело с детства, потому что летом жил всегда в деревне у бабушки.

В Швеции его поражало обилие грибов: белых, подберезовиков, подосиновиков. Особенно удивляло то, что шведы практически грибы не собирали, считали таковыми только шампиньоны, которые покупали в магазинах. Однажды Дронов шел лесом с полной корзиной белых грибов и встретил старичка шведа. Поздоровавшись, увидел у него в корзине кучку тонконогих поганок. Виктор заговорил со шведом, извинившись за вмешательство, и вежливо заметил, что у него в корзинке ядовитые грибы. На это замечание швед вынул хорошо иллюстрированную книгу с цветными картинками и стал показывать Дронову каждый свой гриб, называя их по-латыни и объясняя, что они съедобные. Дронов все же рекомендовал ему быть с ними осторожным. На том и расстались, оставшись каждый при своем мнении. Говорят, викинги из мухоморов варили себе напиток и пили его перед походами для храбрости.

Погода в том году была удивительная. Весна наступила необычно рано для Москвы. В феврале неожиданно вместо снежных метелей ярко засветило ласковое приветливое солнце, снег быстро сошел. Только местами в лесу с северной стороны кое-где оставались белые прогалины. Наступили теплые солнечные дни, люди сменили шубы, дубленки, пальто на легкую одежду. Черный лес, казалось, насторожился, затих, на деревьях набухли почки, готовые вот-вот раскрыться в нежные зеленые листочки. Кое-где проглянула первая зеленая травка. Люди с удивлением взирали на небо, не понимая, что случилось с «небесной канцелярией». «Видно, лето будет холодное и дождливое», — ворчали старики. Но природа не долго баловала москвичей. В апреле и мае зеленые деревья покрылись пуховым белым одеялом, с севера подули холодные ветры, повалил снег. Над Москвой нависли свинцовые тучи. Все лето лил дождь, портя настроение людям. И только в сентябре наступили долгожданные теплые погожие дни.

Перед Подольском, сразу после поста ГАИ, машина круто

повернула направо и пошла по направлению к Москве по новой дороге, мягко покачиваясь и приятно для слуха шурша шинами по асфальту. Дронов открыл глаза, до того он дремал на заднем сиденье, и сразу узнал это место. Справа и слева от дороги на пригорке километров на пять или больше тянулась березовая роща. Каждый раз, проезжая здесь, он испытывал особое приподнятое чувство: березы успокаивали, наполняли душу какой-то радостью. Глядя на березы, он задавал себе вопрос, почему раньше, в молодости, природа не трогала его так глубоко, не вызывала в нем такие сильные, сложные чувства, как сейчас. Ему казалось, в молодости к ее красоте он был даже несколько равнодушен, проходил мимо, не замечал. С возрастом, становясь старше, ближе, неразрывнее стал воспринимать окружающий мир, природу, появилось ощущение единства, неделимости с ней. «Может быть, потому, — рассуждал Дронов, — что все меньше и меньше остается жить в нем, в этом мире, стараешься наверстать упущенное в молодости».

Находясь несколько лет за границей, он особенно остро ощущал, как ему не доставало вот этих берез. Они снились ему по ночам.

«И почему эти березы так волнуют нас, русских? — спрашивал себя Дронов. — Местами в этом белом березовом море то там, то здесь вдруг ярким пламенем вспыхивал и пропадал куст рябины. Красные гроздья, как фонарики, горели на деревенских улицах. Наверное, к холодной зиме, — подумал Виктор, и тут же в голове родилась другая мысль: — Почему в природе все так загадочно устроено?»

В голову лезли разные безответные вопросы. Он пытался отогнать их прочь, сосредоточиться на главном, на выездной комиссии, которую ему предстояло после обеда пройти, но ничего не мог с собой поделать. Волнение заполняло его душу.

Собственно, предстоящая выездная комиссия его мало волновала: он был уверен, что пройдет ее без проблем. Первую свою длительную заграникомандировку отработал без сучка и задоринки. Сделал вербовку, да какую, в такой сложной в контрразведывательном плане стране, получил орден, оставил приличные заделы. Краем уха слышал, что его преемник под руководством умницы Разумихина здорово раскошегарил Букова, пошли серьезные образцы военной техники, да и швед вроде продолжал работать. Здесь, под «крышей», дела у Виктора тоже шли не плохо.

Месяц тому назад его вызвали на беседу к начальнику управления генерал-лейтенанту Малышеву Евгению Петровичу. Беседа сначала шла вокруг вопросов по восстановлению связи с

Адамсом. Генерал сообщил Дронову, что попытки американской резидентуры разыскать агента не увенчались успехом. Генерал подчеркнул, что начальник ГРУ поставил задачу восстановить связь с ценным источником. Дронов понял, к чему клонит Малышев, когда тот в конце беседы спросил:

— Вы же американец и закреплены за нашим управлением?

— Так точно, товарищ генерал, — ответил Виктор. — В академии я готовился к работе в Штатах.

— Ну и прекрасно, — продолжал, улыбаясь, шеф. — Адамс — это ваша вербовка, вы, я знаю, очень результативно работали по образцам военной техники в Швеции. Василий Федорович, конечно, отрицательно отнесется к нашему предложению направить вас в Штаты с целью разыскать Адамса и восстановить с ним связь. Но выше Ивана Петровича не прыгнешь. Я с ним вопрос о вашей командировке уже решил. Дело — прежде всего, оно должно быть выше всяких личных амбиций.

Тут генерал потянулся за сигаретой. Несколько минут разминал крепкими, сухими пальцами табачное зелье, но не закурил, а отложив сигарету в сторону, продолжил:

— Но меня интересует не только Адамс. Хочу с вами поговорить по образцам эмбарговой техники. Ведь если откровенно, то надо признать, что американские-то образцы и технологию мы больше всего добываем через третьи страны, в основном через Европу, а из логова-то не так уж много идет. Через третьи страны образцы обходятся втридорога, через посредников всегда дороже. Вот вы, специалист в этой области, и покажите, как надо добывать образцы в стране главного противника. Уверен, что вы с этой задачей справитесь. Мы надеемся на вас.

Виктор поблагодарил начальника управления за доверие и сказал, что постарается выполнить поставленные перед ним задачи. В ГРУ согласие разведчика не было принято спрашивать: направление в длительную заграничную командировку считалось почетной задачей. Приказ в армии в то время не обсуждался, а выполнялся. Для работы в США подбирали наиболее надежных, опытных разведчиков. Дронов, конечно, испытывал приятные чувства, что выбор пал на него, он уже не был новичком в разведке и знал почем фунт лиха. Работа в Штатах его не волновала, но что-то другое тревожило его душу, поднималось из глубины, заставляло чаще биться сердце. Он знал, что это, но не хотел себе признаться, что знает причину, ибо у него не было достаточно веских оправдательных аргументов, чтобы окончательно решить, хотя знал: такое решение уже состоялось и ничто и никто не в силах помешать этому. Выбор был сделан,

мосты сожжены, Рубикон перейден.

Дронов не мог точно назвать, когда такое решение было принято. Скорее всего, первые симптомы почувствовал в Швеции, более четкие контуры оно приняло здесь, в Союзе, в управлении «Т». Ему было понятно это решение, но он искал объяснения для других. Хотелось найти железные доводы, которые бы оправдали его в глазах родных и сослуживцев и тем успокоили бы его совесть. В тайниках своей души Виктор мечтал видеть себя мучеником, взошедшим на Голгофу ради счастья других. Вероятно, его совесть все же искала и металась, что-то ее не удовлетворяло, где-то не сходились концы с концами. Эта раздвоенность всегда мешала ему в жизни, в принятии серьезных решений. Он всегда сомневался и никогда до конца не был в себе уверен.

И сейчас Дронов не знал, как все это сделает. Чувствовал, что скоро это свершится. Сама судьба представляла ему такой шанс, направляя за океан.

У станции метро «Коломенская» Виктор попросил соседа остановить машину, вышел и поехал домой на метро.

Выездная комиссия, как обычно, проходила на четвертом этаже в кабинете первого заместителя начальника ГРУ. К назначенному часу приглашенные с серьезными лицами, чисто выбритые, в отглаженных костюмах, начищенной до блеска обуви заполнили приемную. Некоторые явно волновались, прохаживались по коридору. Виктор подошел к столу помощника, отыскал себя в списке под номером пять, расписался против своей фамилии и пошел в курилку.

Примерно через полчаса Дронов, постучавшись, открыл дверь и со словами:

— Разрешите, товарищ генерал? — вошел в кабинет.

Остановившись у торца длинного стола, покрытого зеленым сукном, за которым сидел и. офицеры и генералы и которых он видел только боковым зрением, и глядя прямо перед собой, доложил сидящему во главе стола заместителю начальника, председателю выездной комиссии о своем прибытии. Получив разрешение сесть, Дронов поблагодарил, сел, стараясь ничем не выдать своего волнения.

— У кого есть вопросы к полковнику Дронову? — услышал Виктор приятный баритон генерала. — Пожалуйста, — предоставил он слово работнику политотдела.

— Знакомясь с вашим личным делом, — начал тот, обращаясь к Дронову, — я обратил внимание на то, что в партию вы вступили только в тридцать лет, выбыв из комсомола по

возрасту. Чем объяснить столь позднее ваше прозрение?

— До этого времени я считал себя недостаточно подготовленным к вступлению в партию, — сухо ответил Дронов.

— Вы удовлетворены ответом? — спросил председатель.

— Вполне, — недовольно отозвался политотделец.

— У кого еще есть вопросы? — вновь обратился к присутствующим генерал.

— Разрешите, — поднялся из-за стола председатель влиятельного кадрового подразделения и обратился к Виктору: — вы в Швеции с каким языком работали?

— В течение полутора лет, — ответил Дронов, — я работал в основном с английским, потом перешел на шведский, который к этому времени освоил. Сейчас, работая под «крышей», пользуясь в основном английским и частично немецким.

— Значит, в предстоящей командировке, — продолжал кадровик, — проблем с языком не будет?

— Думаю, нет, — ответил Дронов. — Я сдал в этом году экзамены по английскому и немецкому и получил языковую надбавку за два языка.

— Спасибо, — поблагодарил кадровик.

— Хорошо, вопросов больше нет, — подытожил генерал. — А у вас, — обратился он к Дронову, — есть что-нибудь?

— Никак нет, — отчеканил Виктор, встав.

— Тогда, — обратился председатель к членам комиссии, — считаю вопрос решенным. Готовьтесь к выезду, — продолжил он, глядя на Дронова. — После того как комиссия закончит работу, зайдите ко мне вместе с Евгением Петровичем. Я хочу обсудить с вами некоторые оперативные вопросы по командировке. А теперь вы свободны.

Дронов встал и вышел из кабинета. Его не удивило, что аудиенция так быстро закончилась. Он знал, что прежде чем офицера приглашали войти в кабинет, члены комиссии предварительно тщательно обсуждали кандидата и выносили свое решение, поэтому для некоторых прохождение выездной комиссии было чисто формальным делом.

В 19.00 порученец заместителя начальника позвонил Дронову по телефону и сообщил, что генерал-полковник приглашает к нему. Когда Виктор вошел в кабинет, начальник управления был уже там. Генерал пригласил Дронова сесть поближе. Только тогда Виктор по-настоящему разглядел заместителя начальника ГРУ. Перед ним сидел еще довольно молодой подтянутый мужчина в генеральском мундире и в очках, которые придавали его внешности интеллигентность. Он был приятной наружности, с каштановыми, зачесанными на пробор еще нетронутыми сединами

волосами. Лицо генерала выражало доброжелательность. На нем полностью отсутствовало встречавшееся не редко у генералов выражение чванства. У него не было напускной строгости и важности. Вся его внешность и манеры как бы говорили: мы с вами разведчики-профессионалы и беседуем как специалисты на равных, где прислушиваются и уважают мнение всех, а не только начальства, которое глаголит истину в первой инстанции.

— Я знаю, — начал генерал, — вы уже беседовали с Евгением Петровичем, но хочу еще раз подчеркнуть всю важность и ответственность возлагаемого на вас задания. Командование крайне заинтересовано в восстановлении связи с агентом. Пока нам совершенно непонятны причины потери связи. Вы встречались с ним последний раз в Вене полтора года тому назад. Все было в порядке, о чем свидетельствуют полученные от него ценные секретные документы. Почему он не приехал в Хельсинки и не предупредил нас письмом на КА, не вышел на встречу по явке? Неизвестно. Не скрою, что все это нас очень тревожит и настораживает. Я лично не нахожу разумных, удовлетворительных объяснений. Может быть, у вас есть какие-то соображения по этому вопросу? — с надеждой обратился генерал.

— У меня нет удовлетворительных объяснений, — начал Виктор. — Единственное, что могу утверждать: Адамс на последней встрече в Вене вел себя спокойно, каких-либо подозрительных моментов я в его поведении не заметил. Не думаю, что он изменил. В этом случае, мне кажется, американцы затеяли бы с нами игру.

— А как вы думаете начать его поиск, у вас есть какие-нибудь идеи? — не комментируя аргументы Дронова, продолжил разговор генерал.

— У меня нет пока конкретного плана действий, — отвечал Виктор. — Мы знаем его адрес, телефон, место работы. Попробую сначала по официальным источникам поискать его. Обстановка на месте подскажет.

— Пожалуй, вы правы, — согласился заместитель начальника. — Не спешите, действуйте осторожно, советуйтесь с резидентом. Еще раз будьте осторожны, поскольку нам не ясны причины его невыхода на связь. Докладывайте о ваших действиях.

После выездной комиссии и беседы с начальством Виктор начал подготовку к отъезду в Штаты, перейдя на американский участок. На этот раз у него было достаточно времени, чтобы серьезно подготовиться и по прикрытию в МВТ, и на участке в управлении. Он уже пять лет работал в Министерстве внешней торговли и достаточно хорошо освоил эту «крышу», приобретая массу знакомых среди иностранцев и работников МВТ и других

министерств и ведомств, и чувствовал себя в этой среде как рыба в воде. Предстоящая поездка в длительную заграникомандировку в качестве эксперта торгпредства в Вашингтоне не вызывала ни у кого каких-либо вопросов, поэтому Дронов очень быстро получил американскую визу.

Передача агентурных связей в Штатах ему не планировалась. Начальство считало его главной задачей восстановление связи с Адамсом. Трудно сказать, что лучше в разведке: получить на связь агентуру или приехать в страну на пустое место и начинать самому все с нуля. Пожалуй, и там, и там есть свои минусы и плюсы, свои преимущества и свои недостатки. Прибыв в страну на пустое место, разведчик свободен как птица: твори, выдумывай, пробуй. И успехи и ошибки зависят от способностей, профессионализма, мастерства. Как правило, молодому оперативнику в первой заграникомандировке не передают сразу на связь серьезную агентуру: его берегут, дают возможность адаптироваться к местным условиям, как космонавту к невесомости. Большим преимуществом прибывшего впервые за рубеж разведчика является то, что контрразведка в большинстве случаев его не знает, на него пока еще нет компромата, и ей потребуется определенное время, чтобы завести на него досье и определить принадлежность к разведке. Совсем иначе обстоит дело, когда разведчик получает на связь агентуру. Идеальный вариант — никто из агентов не засвечен, и способный, смелый разведчик может успешно продолжить, развить и преумножить дело своих предшественников. Однако разведчика поджидает опасность, если контрразведка знает о переданных связях. В таких случаях вновь прибывшего разведчика провокация ожидает на каждом шагу, о чем он и не догадывается. А может и так случиться, что молодой, полный сил, подающий надежды талантливый работник, на подготовку которого затрачены огромные средства, только ступив на землю иностранной державы, вдруг объявляется персоной нон грата и высылается в двадцать четыре часа из страны или арестовывается и попадает в тюрьму. Кто будет виноват в том, что из него так и не получился разведчик?

Перед самым отъездом Дронова с женой вызвали на беседу в кадры и в политотдел ГРУ.

В управлении кадров их принял сам начальник генерал-майор Изуитов Порфирий Иванович, назначенный не так давно на эту должность. Разве мог тогда Дронов предполагать, что судьба свяжет их на всю жизнь?

Порфирий Иванович был немногословен, подчеркнул, что ГРУ надеется, что Дронов оживит работу вашингтонской

резидентуры и успешно решил поставленные перед ним задачи. Говорил он пространно, не вдаваясь в детали и не касаясь специфики разведывательной работы. Дронов знал, что Изуитов пришел в ГРУ из ЦК, сменив на этом месте кадрового разведчика. Генерал оставлял приятное впечатление: открытое волевое лицо, простая манера поведения и общения с подчиненными подкупала собеседника, делала его более откровенным. Дронову, пожалуй, больше всего запомнились и остались в памяти глаза: то игривые, насмешливые, то вдруг холодные и стальные, словно задернутые шторкой, которая не давала собеседнику заглянуть внутрь. Создавалось впечатление, что они, эти глаза, всегда начеку. В складках рта иногда улавливалась едва заметная надменность, спрятанное внутри выражение превосходства над другими.

2 ноября 1967 года Дронов без семьи самолетом «Аэрофлота» Москва-Париж-Нью-Йорк вылетел в США. В нью-йоркском аэропорту его встречал сотрудник «Амторга» Филиппов Василий Петрович, который на автомашине доставил его в Вашингтон в торгпредство. Расположившись временно в общежитии, Виктор стал знакомиться с обстановкой.

Торгпредство находилось на 13 авеню в небольшое доме. Товарооборот с Соединенными Штатами был не велик. Оперативный состав торговой миссии насчитывал всего тридцать человек вместе с техническим персоналом. Торгпред, Трегубов Михаил Васильевич, представил Дронова сотрудникам, ознакомил с кругом его обязанностей и посоветовал, не откладывая в долгий ящик, заняться поиском квартиры. На следующий день Виктор посетил посольство, которое было расположено на этой же улице в старинном красивом, принадлежащем еще царской власти, особняке.

В резидентуре Дронов представился резиденту, генерал-майору Киселеву Матвею Григорьевичу. Центр его уже информировал о прибытии Дронова и о задачах, которые перед ним ставились командованием ГРУ. Генерал доброжелательно встретил Дронова, коротко сообщил ему об оперативной обстановке в стране, посоветовал побыстрее заняться своим обустройством, подыскать квартиру, купить автомобиль, войти в курс дел по «крыше», изучить город. Он поручил одному из офицеров резидентуры, Фроликову Сергею, который работал тоже в торгпредстве, оказать Виктору помощь во всех вопросах по устройству. В конце беседы резидент не без некоторой иронии заметил:

— Освойтесь с обстановкой, устройте свой быт, приступите к выполнению разведывательных задач. Вы не новичок в разведке,

опытный офицер. Покажите нам, как надо добывать образцы в логове главного противника.

Дронов понял, откуда дует ветер: похожие слова он слышал в Центре от начальника управления. «Покажу», — про себя подумал Виктор и, попрощавшись, вышел из кабинета резидента.

В Москве Дронов наслышался много разных историй о резиденте. Разведчики шутили: «Не имей сто рублей, а женись, как наш Матвей». Толком, пожалуй, никто и не знал, кто жена у Киселева. Кто говорил, дочь какого-то помощника Косыгина или даже самого Брежнева. Единственно, что достоверно было известно: Матвей Григорьевич очень быстро поднимался по служебной лестнице. Окончив Военный институт иностранных языков, попал в ГРУ и вскоре сразу в Военно-дипломатическую академию, после которой был направлен во Францию. Пробыв там четыре года, в одно касание поступил в академию Генерального штаба Советской Армии. Правда, ходили упорные слухи, что здесь случилась небольшая заминка. Личное дело абитуриента из академии возвратили в ГРУ с припиской, что претендент ни одного дня не служил в войсках и по этой причине не может быть принят. Из ГРУ личное дело повторно направили в академию и просили обратить внимание на раздел «Сведения о родственниках». После этого инцидент был исчерпан и абитуриент стал слушателем главного высшего учебного заведения нашей армии. Дальше все пошло как по маслу: по окончании академии Киселев автоматически получил звание генерала, переместился на совершенно другой уровень советской иерархической системы и вскоре поехал резидентом ГРУ в США.

Подобные головокружительные карьеры Дронова уже не удивляли, но все больше и больше стали раздражать его самолюбие. Он в глубине души остро завидовал этим людям, зависть выливалась в злобу и ненависть к системе, при которой сплошь и рядом было возможно такое. После Швеции, сталкиваясь с подобными случаями в жизни, стал все чаще и чаще задавать себе вопрос, почему в минуты смертельной опасности для Родины одни люди, их было большинство, не колеблясь, уходили добровольцами на фронт, как его старший брат, твердо зная, что шли на верную смерть, и несмотря ни на что по-другому поступить не могли, даже если бы им представился шанс получить бронь. Другие от страха, как тараканы от яркого света, заползали в темные щели, чтобы отсидеться до лучших времен, потом, когда опасность миновала, вылезали и, выдавая себя за героев, занимали места погибших. Эти «герои» стали плодить себе подобных, они заполняли кабинеты на Старой площади, Лубянке, в МИД, МВТ, ГРУ, направлялись за границу послами,

торгпредами, военными атташе, освобожденными партийными секретарями, специалистами. В войсках уже всюду ходил анекдот про генерала, у которого сын не мог стать маршалом, так как у маршала тоже был сын. Торжествовало библейское: «По плодам их узнаете их».

Дронов презирал этих людей, в нем накапливалось зло, критическая масса которого росла и должна была привести к неуправляемой реакции, к взрыву.

Сергей Фроликов, старший инженер торгпредства, заканчивал свою первую длительную заграничную командировку. Он пригласил Виктора по старой доброй армейской традиции к себе на обед. Дронов принес буханку черного хлеба и селедку из Союза, так было принято за рубежом. Русскому черному хлебу и селедке радовались как манне небесной. Посидели, выпили, поговорили за жизнь, Сергей рассказал о США, старался передать свой житейский опыт, советовал, где и что покупать, называл магазины, обещал помочь с квартирой и машиной. После застолья к вечеру пошли прогуляться по парку, в квартире о делах не говорили, зная о любви американцев к технике.

У людей при первой встрече иногда срабатывает какой-то скрытый аппарат: «свой — чужой», при помощи которого происходит обмен информацией и ее оценка, позволяющая им предварительно судить друг о друге, об их взаимной совместимости, степени доверия друг к другу. Что-то подобное сразу сблизило Виктора и Сергея, который доверительно посоветовал быть поосторожнее с шефом и особенно с его женой Марией Петровной, властной самолюбивой женщиной, которая любила иногда руководство резидентурой взять в свои руки. Сергей рассказал, что однажды в резидентуре в общей комнате офицеры довольно громко обменивались мнениями, не заметив, что дверь в кабинет резидента была приоткрыта, и он хорошо слышал разговоры. Один офицер стал хвалить прежнего шефа, сравнивая его с новым. Сравнение было явно не в пользу Киселева. Через некоторое время резидент написал отрицательную характеристику на этого офицера, обвинив его в бездеятельности и трусости. Оперативнику пришлось досрочно уехать из страны. На его карьере разведчика был поставлен крест.

Другой офицер как-то не заметил в спешке жену Киселева и не поздоровался с ней. Мария Петровна рассказала все мужу, и офицеру пришлось объясняться и просить извинение у своенравной Кабанихи.

Дронов попал с корабля на бал, 3 ноября прибыл в Вашингтон, а 7 ноября был уже в посольстве на приеме, посвященном национальному празднику СССР — Великой

Октябрьской социалистической революции. Этот праздник всегда отмечался за рубежом в советских представительствах широко и по-русски хлебосольно.

Виктор не раз бывал на подобных торжествах и хорошо себе представлял, как они проводятся. Во всех странах регламент проведения этого праздника в советских посольствах практически был одинаков. Но на этот раз одно обстоятельство Дронова очень удивило. Накануне приема офицер по безопасности Сидоров, собрав оперативный состав советской колонии на инструктаж, обращал особое внимание участников приема на закрепленные за ними объекты. В частности, некоторым товарищам поручалось следить за колоннами в залах приема. На недоуменный вопрос Дронова, зачем это делается, Сергей Фроликов объяснил, что пару лет тому назад на приеме один еврей приковал себя цепью к колонне и стал во всю глотку орать об антисемитизме в СССР. Прошло немало времени, прежде чем удалось его отцепить и выдворить из посольства.

Иностранцы любили посещать наши приемы, где можно было на дармовщинку хорошо выпить и закусить. В тот день в посольстве было очень торжественно. В актовом зале посередине был установлен стол с различными закусками и напитками. В центре на большом блюде красовался огромный осетр, специально доставленный самолетом из Союза, украшенный с двух сторон помидорами, свежими огурцами, корнишонами, белой и красной капустой, зеленым салатом, горошком. Отдельно стояли хрен с уксусом, соус майонез, соус зеленый, а также соленые огурцы, оливки, маслины, грибы. Что только не наготовили под руководством посольского повара Пал Палыча жены сотрудников советской колонии, мобилизованные на подготовку праздника. Посол с супругой стояли у входа, принимали гостей, здороваясь с прибывающими и принимая поздравления.

Ровно в 19.00 все приглашались к столу. До этого торжественного момента гости группами толпились у поставленных в углах зала баров, пили аперитив, соки, курили, беседовали. Свободные от комплексов иностранцы нетерпеливо поглядывали на обильно накрытый стол, дожидаясь сигнала. Наконец по приглашению хозяев иностранцы устремлялись к столу и набрасывались прежде всего на осетра, не стесняясь наполняли с верхом свои тарелки. Советские граждане скромно с бокалами стояли и терпеливо ждали, когда иностранцы отойдут от стола. Когда от осетра остались рожки да ножки, к столу начали робко подходить советские люди. Женщины в белых крахмаленных кокошниках сновали с подносами между

празднично одетыми дамами и джентльменами, предлагая вкусные деликатесы. Особым спросом пользовались пирожки.

По мере выпитого шум в залах нарастал, переходя в сплошной гул. Гости становились оживленными, разговорчивыми. Было тесно и душно.

Дронов быстро вписался в этот растревоженный праздничный муравейник, встретил знакомых по Союзу американцев. Завязалась оживленная беседа, вспоминали о встречах в Москве, как после подписания какого-то контракта веселились в ресторане «Белград» напротив здания МВТ. Работая в Москве в Министерстве внешней торговли, Виктор часто с иностранцами посещал рестораны: как правило, коммерческие переговоры заканчивались обильными застольями. Наиболее часто приходилось бывать в ресторане «Белград» на Смоленской площади. Иностранцы, особенно немцы, очень любили русскую кухню, их привлекали натуральные, экологически чистые продукты и, конечно, смешные цены. Размещали и кормили иноземцев только в интуристских гостиницах без очереди, советские граждане в то время простаивали в длинных очередях, чтобы прорваться в ресторан. Иностранцы буквально обжирались икрой, красной и белой рыбой. Шутили, что у них на родине одна икринка стоила один доллар. Были смертельные случаи обжорства икрой среди иностранцев. Они любили наши борщи, лапшу, харчо, шашлыки, и все это стоило до смешного дешево.

Ровно в 21.00 прием заканчивался. Гости разъезжались по домам, прощались с послом, который как бессменный часовой продолжал нести свою вахту у двери. По залам проходила невидимая и неслышная для посторонних команда: выпроваживать гостей. Среди них всегда находились нерассчитавшие своих сил или очень любившие наш национальный напиток.

Когда последний иностранец покинул посольство, всех советских граждан пригласили в отдельный зал к столу, посол покинул свой пост, просил наполнить бокалы, поздравил всех с праздником и поблагодарил за работу. На этом прием закончился, но не для всех. Резиденты КГБ и ГРУ поспешили к себе в кабинеты, некоторые ответственные работники МИД в референтуру. Строчили хвалебные телеграммы в Центр, докладывали верноподданнически партии и правительству, как успешно прошел прием, сколько людей посетило посольство, кто из руководства страны был на приеме и что говорили.

В конце ноября Виктор с помощью Сергея подыскал себе небольшую, но очень удобную квартиру в Александрии (штат Вирджиния), в пятнадцати километрах от Вашингтона. Квартира

была расположена в обустроенном со всеми удобствами комплексе, расположенном в живописной местности. Там был свой клуб, в который Виктор сразу вступил, с теннисными кортами, спортивными площадками, магазинами, бассейном. За выделенные Центром деньги Дронов приобрел не броскую, но очень удобную и надежную машину «Пежо-504».

Виктор приехал в торгпредство в качестве уполномоченного Всесоюзного объединения «Машприборинторг», что создавало ему довольно надежное прикрытие. Кроме того, номенклатура «Машприборинторга» включала наиболее передовые области науки и техники: электронику, лазерную технику, связь, оптику, приборостроение, что давало дополнительную возможность легендированно заниматься добычей образцов эмбаргового характера, а также решать организационные и разведывательные задачи.

Разведчик, работая под «крышей» Министерства внешней торговли, должен был найти свое оптимальное место, которое обеспечило бы успешное выполнение поставленных перед ним разведывательных и вербовочных задач. Что значило оптимальное место? Это значило, что занимаемая разведчиком должность и само внешнеторговое объединение должно было наилучшим образом способствовать прежде всего выполнению главной задачи — вербовочной. Для этого необходимо было иметь по возможности максимальное количество легендированных контактов с иностранцами, наиболее интересную для нас номенклатуру товаров, через которую можно было выйти на перспективных источников. Сложность в работе разведчика под прикрытием заключалась в том, что, с одной стороны, нельзя было допустить такого положения, чтобы погрязнуть в работе по прикрытию в ущерб основной, разведывательной, с другой стороны, нельзя было выглядеть белой вороной для работников МВТ и особенно иностранцев, не принимая участия в «крышевых делах». В таких случаях окружающие, как правило, негативно относились к таким работникам, считали их лодырями. Наиболее целесообразно разведчику было вести конкретное дело, иметь конкретный участок по «крыше», отвечать за него и выполнять свою работу на высоком профессиональном уровне. В таких случаях авторитет приходит к разведчику сам собой, у него появлялись дополнительные помощники в лице сотрудников торгпредства. Но этого было недостаточно. Необходимо было по мере возможности участвовать в жизни коллектива, в котором жил и работал разведчик. И чем полнее и разнообразнее без ущерба основной работе было участие, тем выше был его авторитет.

Дронов очень быстро адаптировался в торгпредстве, вошел в курс дела и быстро освоил свои обязанности по прикрытию, восстановил прежние связи со своими американскими знакомыми по Внешторгу. Приходилось довольно часто посещать «Амторга» в Нью-Йорке, совершая туда поездки на машине, поездом и на самолете. Изучал город, страну, иногда замечал за собой слежку. Американцы вели ее грубо и неквалифицированно, часто демонстративно, стараясь, видимо, запугать и показать, что они, дескать, все видели и все знали. Шведы вели наружное наблюдение значительно тоньше и изощреннее. Дронов, обнаружив слежку, старался не обращать на нее внимания, так как не выполнял пока каких-либо разведывательных заданий. Он, как правило, использовал комбинированный способ: часть маршрута двигался на машине, затем ее где-нибудь бросал в городе и шел пешком, проверяясь в подобранных заранее контрольных точках.

После Нового года Дронов приступил к розыскам Адамса. В торгпредстве была довольно богатая техническая и экономическая литература, выписывалось большое количество журналов и газет. Виктор просматривал технические и научные журналы, надеясь встретить информацию о Бёркли, посещал также городские библиотеки, листал научные журналы по физике. В одном из научных журналов за 1966 год Дронов нашел небольшую статью Адамса, но больше ему обнаружить ничего не удалось. Просматривая телефонный справочник за 1968 год, Виктор нашел домашний телефон Адамса, который совпадал с имевшимся у него телефоном. Но странное дело, в справочнике отсутствовало имя Джеймс и стояло только имя жены Адамса — Анна. Дронов отыскал в посольстве телефонный справочник за 1965 год. Там владельцами номера телефона были указаны Джеймс и Анна Адамс. Виктор сделал вывод, что, по всей видимости, Джеймс Адамс в 1968 году по адресу, указанному в справочнике, не проживал. Проанализировав полученную информацию, Дронов решил позвонить по телефону Адамсов, представившись инженером Свенссоном из Стокгольма. Резидент, выслушав план Виктора, согласился, но рекомендовал звонок сделать из Нью-Йорка во время очередного посещения «Амторга». Так Дронов и сделал.

Приехав в Нью-Йорк, Виктор проверился и, не обнаружив за собой слежку, позвонил из городского автомата. Услышав женский голос, Дронов поздоровался, назвал себя и попросил к телефону Джеймса Адамса. На какое-то мгновение в трубке наступила пауза, потом женщина тихим голосом, запинаясь,

сказала, что Джеймс умер. Помолчав, Виктор извинился, выразил свое соболезнование, объяснив, что слушал его лекции в Стокгольме и решил ему позвонить, посетив США. Жена Адамса добавила, что Джеймс скончался от инфаркта 5 июня 1967 года.

Полученную информацию доложили в Центр, а вскоре Дронов в журнале «Анналы физики» встретил некролог о кончине Адамса.

Адамс был, пожалуй, для Виктора той спасательной соломинкой, за которую он еще мог держаться в своих шатаниях и сомнениях. Она была для него своеобразной палочкой-выручалочкой в жизненных передрыгах, заставляла держаться на плаву, потому что редко какому разведчику удастся в первой командировке завербовать ценного агента и в течение нескольких лет иметь его на связи.

Со смертью Адамса рухнула последняя надежда, которая еще теплилась у Виктора где-то в подсознании. Как ни странно, но с этой смертью словно огромный груз свалился с его плеч. Он ощутил себя свободным от всех обязательств. И решение стало неотвратимым.

Вскоре Дронов почувствовал холодок к себе со стороны резидента. Киселев стал к нему подчеркнуто официален. У него практически не было своего оперативного опыта в работе, поэтому он больше обращал внимание на форму, а не на содержание. Придирался к мелочам, любил в отчетах оперативников править стиль, поскольку не мог сделать замечаний по существу. Правда, даже в разведке встречались начальники, которые при полном отсутствии опыта агентурной работы, «с ученым видом знатока» могли давать указания подчиненным, как вербовать агентов, проводить тайниковые операции. Дронов помнил случай, когда полковник Мухин, преподаватель Военно-дипломатической академии, читал лекции по теме «Вербовка» и делал это просто великолепно. Слушатели, затаив дыхание, конспектировали, стараясь не пропустить ни одного слова. Мухин расхаживал между рядами и четко по полочкам раскладывал материал, приводя великолепные примеры из практики агентурной работы различных разведок. Из его лекций складывалось впечатление, что полковник сам великолепный вербовщик. Но как же Дронов удивился, когда через несколько лет узнал, что Мухин был один раз в длительной заграничной командировке в ГДР и был досрочно откомандирован за бездеятельность.

Докладывая резиденту отчет о работе, Дронов почувствовал не только холодок, но и откровенную насмешку.

— Что-то у вас не густо, Виктор Никифорович, — начал Киселев, подписывая и возвращая отчет Дронову. — Скоро год кончится, а результатов-то нет, оценок — кот наплакал. Рассчитывали на Адамса, что завалит нас секретными документами, а он взял и приказал долго жить. Образцы тоже пока не идут, серьезных заделов нет, все по мелочам. В Центре считают, что здесь золотое дно, гребни лопатой, только вот никто не знает, как это делать. Одни слова, разглагольствования. В Москве хорошо рассуждать. Вот вас на помощь прислали, научить нас, как это делать.

— У меня в Швеции тоже не сразу пошло, потребовалось время, — отвечал Виктор.

— Но Адамс, я слышал, вам сам с неба свалился, — ехидно заметил шеф.

— Не знаю, может быть, и правда с неба свалился, моей заслуги там было мало. В этом деле не было головокружительных, сногшибательных агентурных комбинаций, классической вербовки. Все буднично, как-то случайно, само собой, не по правилам, одним словом, повезло, — ответил Дронов спокойно, хотя в груди у него начинала подниматься злоба.

— Ну вот, видите, сами говорите — повезло. В Швеции приходят такие доброжелатели, — снова начал генерал. — Ведь он, американец, к нам почему-то не пришел, испугался. Мы бы тоже не растерялись. А здесь в основном приходят сумасшедшие, шизики, авантюристы, провокаторы. Вы, вероятно, уже убедились, что в Штатах это не в нейтральной Швеции. Вот это-то и не хотят понять в Центре. Здесь не приходится рассчитывать на доброжелателей. Посмотрите, все наши представительства обложены со всех сторон телекамерами, постами КРО, подслушивающими устройствами, даже квартиры нашпигованы жучками. За каждым шагом смотрят, ходят по пятам, ведут демонстративную слежку. Каждый день газеты, радио, телевидение трубят о русских шпионах, о коммунистической империи зла. Наша главная задача не клонуть на их провокации, сохранять спокойствие. А вам надо искать полезные связи, проявлять больше активности, изобретательности в работе, ведь не успеешь оглянуться — и командировке конец, сами знаете, как быстро пролетают три года за рубежом.

— Да, я все это понимаю, товарищ генерал, — ответил Дронов, а про себя подумал, выходя из кабинета: «Я найду вам эти связи, завалю образцами, документами, оценками, доброжелателями, агентами, и ты первый сменишь пластинку и запоешь мне хвалебную осанну. Этот кабинетный чистоплюй, никогда не нюхавший пороха, учит меня разведке. Где ты был,

когда я воевал? Сидел на Урале в военной приемке на заводе, куда спрятал тебя подальше от фронта твой высокопоставленный тесть. Поучает меня, как надо вербовать, а сам живого агента в глаза никогда не видел. Вот Разумихин был резидент так резидент, настоящий разведчик, даже будучи резидентом занимался агентурной работой, имел на связи агента, да какого агента! С неба сваливаются только тем, кто вкалывает и не отсиживается в кустах. Уверен, и здесь можно вербовать, но на этого слюнтяя я работать не собираюсь. Что ни говори: каков поп, таков и приход».

На следующий день Дронов позвонил из телефонной будки в ЦРУ и договорился о встрече. До этого он несколько раз собирался это сделать и всегда откладывал, не решался.

Место встречи у него было подобрано давно. Он ехал не спеша по извилистой лесной дороге, времени было достаточно до встречи. Слева из-за деревьев то показывалась гладь воды узкого вытянутого озера, то пропадала, когда дорога уходила вглубь леса и деревья загораживали озеро. Виктор поставил машину на небольшой парковке и по тропинке лесом направился к воде. Он вышел на дорожку, посыпанную песком, которая огибала озеро и предназначалась для прогулок и бега трусцой. Встречались скамейки для отдыха, на деревьях указатели-стрелки с отметками маршрутов и их длины. Вскоре он увидел под горой небольшую асфальтированную парковку и одиноко стоящую на ней серую «Вольво-244», так хорошо знакомую ему по Швеции. За рулем сидел мужчина в белой рубашке без галстука. Дронов спустился по тропинке вниз, подошел к машине сзади и разглядел ее номер и спину сидящего в ней мужчину. На приветствие Виктора мужчина повернулся, улыбнулся, не без труда вылез из машины, протянул руку. Поздоровавшись, Виктор предложил американцу прогуляться, на что тот охотно согласился.

Устроившись на скамейке, которую облюбовал заранее, Дронов вынул сигарету, закурил и краешком глаза стал рассматривать сидящего рядом с ним солидного мужчину лет пятидесяти в помятом твидовом пиджаке без галстука, которому было явно жарко: он тяжело дышал от ходьбы по тропинке в гору и платком вытирал вспотевшую шею. На первый взгляд, незнакомец производил впечатление добродушного, улыбчивого, несколько неряшливого и даже, может быть, глуповатого человека. Но это впечатление, как потом убедился Дронов, было обманчивым. Его внимательные, умные глаза напрочь отметали первое впечатление. Через некоторое время Виктор поставил окончательный диагноз, что перед ним сидел незаурядный

человек.

Пауза несколько затянулась, Дронов подыскивал слова, с чего начать, и чувствовал, как неприятный холодок поднимался в его груди. Наконец, преодолев минутное волнение, начал:

— Вы, вероятно, догадываетесь, господин...

— Людерсдорф...

— Да, господин Людерсдорф, с какой целью я вам звонил, и, думаю, представляете себе предмет разговора.

— Да, господин Дронов, я примерно догадываюсь, с какой целью может позвонить в ЦРУ советский гражданин, да к тому же офицер ГРУ.

Слова американца, назвавшего его по фамилии и знавшего о его принадлежности к разведке, особого удивления у Виктора не вызвали и не были для него большой неожиданностью, хотя в коротком телефонном разговоре он не называл своей фамилии. Между тем американец продолжал на хорошем русском с чуть уловимым акцентом, может быть даже не акцентом, а непривычной мелодией речи.

— Я начальник русского отдела ЦРУ Кирилл Людерсдорф. То, что вы, Дронов, офицер ГРУ, я очень быстро определил по записи вашего телефонного разговора. Вы разведчик и прекрасно понимаете, что не составляет трудов по фонограмме установить, кто звонил. Осмелюсь предположить, что английский вы изучали в дипакадемии Советской армии и учились в языковой группе у Таисии Ивановне Крыловой.

— Да, господин Людерсдорф, техника у вас, конечно, на высоком уровне, но должен вас огорчить, английский я изучал не у Крыловой, — соврал Дронов. — Я хотел бы с вами поговорить о другом.

— Пожалуйста, я вас внимательно слушаю и готов, если это в моих силах, помочь вам, — вставил американец, набивая трубку табаком.

— Я хотел бы предложить вам свое сотрудничество, — продолжил Виктор, стараясь придать своему голосу уверенный тон. — Но на определенных условиях.

— Любопытно узнать, что это за условия, и вообще, что вы понимаете под сотрудничеством, господин Дронов?

— Мы с вами профессиональные разведчики, — начал Виктор. — И надеюсь, поймем друг друга. Моя концепция сотрудничества с вами заключается в следующем: не хочу быть вашим агентом, я волонтер, доброволец. Я не принимаю ваши идеалы, вашу хваленую демократию, если честно, то презираю ее. Но и свои, советские догмы не считаю образцовыми. Как разведчик, понимаю, вам хотелось бы знать мотивы

сотрудничества, иметь доказательства, что я не подстава, не коварная интрига КГБ. Вам ведь надо доложить высокому начальству и представить серьезные доказательства. Готов вручить вам железное доказательство, передать один совершенно секретный документ, который отбросит все ваши сомнения, будет свехубедительным подтверждением моей лояльности и надежности. Сразу хотел бы договориться: не лезьте ко мне в душу, не ищите причины, мотивы, все равно не найдете и не поймете по-настоящему русскую душу. Это вам просто не дано от природы, да мы и сами себя не всегда понимаем. Вы, американцы, прагматики, у вас главное бизнес. Ваш Бог — это деньги. Я вам и предлагаю бизнес, а душу не будем трогать, оставим ее для Бога...

— Позвольте, — перебил Людерсдорф, — но ведь я тоже имею отношение к русской душе. Знаете, я могу забыть о вашем звонке, хотя он записан на пленке, но все это можно уладить, это не проблема для меня. Зачем вам связываться с нами, зачем вам эта головная боль? Может быть, следует еще раз все хорошенько взвесить, чтобы потом не раскаиваться. Знаете, откровенно скажу: на моей совести уже есть двое, как вы, и все хорошо начиналось. Думаю, вы слышали о Попове и Пеньковском из вашей организации?

— Да, конечно, слышал, — заговорил Виктор. — Но нельзя путать божий дар с яичницей. Эти алчные подонки работали с вами за деньги. Мне ваши деньги не нужны. Нет, господин Людерсдорф, я все продумал и взвесил на весах моей совести, даже знаю, что похоронят меня в братской могиле. Я вам еще не все сказал о моих условиях. Буду сообщать, что сочту нужным сам, не ставьте мне заданий, никакую агентуру закладывать не собираюсь, товарищей предавать не буду. Если вы согласитесь действовать с учетом моих требований, мы будем долго жить. Не считите мои слова за чрезмерную самоуверенность или бахвальство. Нет, эта вера основана на практике, знании наших условий, если хотите, на русском менталитете. С моей стороны проколы исключены, вы должны позаботиться о вашей стороне и точно следовать моим указаниям, чтобы не провалить меня.

— Простите, что перебиваю вас, — снова вмешался Кирилл, — но я не понимаю, в чем же в таком случае будет заключаться наш интерес в работе с вами? Командовать хотите вы, условие ставите вы, а что мы будем иметь от такого, простите, сотрудничества? Мы же прагматики, как вы сказали.

— Хорошо, я отвечу на ваш вопрос, господин Людерсдорф, — начал Дронов. — Во-первых, я передам вам уникальный документ, который, уверен, не имеет цены, уже в этом одном для

вас есть интерес. Во-вторых, я не требую от вас никаких денег. В-третьих, я хочу реализовать идею нашего сотрудничества через создание липовой фирмы, а может быть и нескольких фирм, что принесет вам значительные дивиденды и, конечно с вашей помощью, поможет мне сделать карьеру в ГРУ. Это одна из моих задач.

— Не могли бы вы, господин Дронов, подробнее рассказать о вашей идее? — спросил Людерсдорф.

— Она очень проста, — начал объяснять Виктор. — На одной из международных выставок, например, в Нью-Йорке на выставке «Электроника-68», которая состоится в июле, вы организуете стенд или укажете небольшую реальную фирму, где есть ваши люди. Лучше, если это будет реальная фирма, представляющая, скажем, электронные компоненты эмбаргового характера. Фирма должна быть зарегистрирована в Торговой палате США и проходить по официальным справочникам и каталогам, чтобы при необходимости можно было навести о ней справки. Посещая выставку, я познакомлюсь с вашим человеком, директором фирмы, получу проспекты, ценники и так далее. Короче, начну разрабатывать директора обычным классическим методом. Сообщу в Центр, проверю его, начну «тайно» с ним встречаться, а вы будете мне подыгрывать. Обо всем этом должен знать очень ограниченный круг лиц. Встречаться хочу только с вами и директором, не сообщая ему об общем замысле операции. На выставке я посещу и другие фирмы. Среди полученных на фирме, назовем ее «Х», проспектов должны быть и эмбарговые, например, интегральные схемы фирм «Интел» серии 8000 или что-то подобное, представляющее интерес для Москвы.

Уверен, Центр клюнет на наживу, так как эта серия есть в задании. Конечно, господин Людерсдорф, вам придется пойти на некоторые жертвы. Вы, кстати, играете в русские шашки?

— Нет, но представляю себе эту игру, — ответил Кирилл.

— Так вот, — продолжал Виктор. — В русские шашки иногда надо пожертвовать одну, а может быть и несколько простых шашек, чтобы одним ударом, пройдя в дамки, выиграть партию. Так и здесь потребуются кое-какие жертвы ради партии, но это уже ваши проблемы. Короче, мы затеем такую игру, из директора сделаем агента ГРУ, а я стану хорошим вербовщиком. Вот в принципе схема, идея, которую в будущем можно наполнить любым содержанием, расширить, углубить, изменить в зависимости от конкретных обстоятельств.

— Ну что ж, в принципе, надеюсь, понял вас и ваша идея мне нравится своей оригинальностью и непохожестью на обычное сотрудничество, встречающееся в разведке, — задумчиво

проговорил Людерсдорф. — Вы вначале упоминали о каком-то сверхсекретном документе. Вы можете его показать или передать?

— Нет, господин Людерсдорф, у меня его здесь нет, — отрезал Дронов. — Я хотел сначала изложить свою концепцию сотрудничества. Если вы ее примете, будет и документ. Если нет, то мы с вами просто не встречались. Я предусмотрел и такой вариант, даже если вы записали нашу беседу. Я уеду в Союз, если вы попробуете ваш любимый способ — шантаж, то ко мне он не подойдет.

— Нет, нет, — начал энергично возражать американец. — Вот, смотрите, у меня нет никакой записывающей аппаратуры, и слежку мы за вами не вели.

— Это я знаю, — вставил Виктор. — Предлагаю вам как следует обдумать мое предложение. И давайте встретимся через недельку в это же время на этом же месте.

— Согласен, — ответил Людерсдорф. — Рад был с вами познакомиться, надеюсь, мы найдем общий язык. Что-то мне подсказывает, что мы сработаемся.

Кирилл встал, протянул Виктору руку и зашагал под гору к парковке. Виктор направился в другую сторону лесом к своей машине.

В субботу Виктор, как обычно, с утра поиграл в теннис с Сергеем Фроликовым, которому продлили на год командировку. Дронов был очень рад такому повороту дела, потому что Сергей ему очень нравился, они быстро сошлись. В разведке, как и в любой другой профессии, присутствует дух соревнования, соперничества, хотя каждый разведчик действует индивидуально и докладывает о своей работе только резиденту или его заместителю — таков закон конспирации. Однако несмотря на строгие правила конспирации, в резидентуре всегда есть ряд признаков, по которым можно судить об успехах товарищей. Дронов по некоторым признакам понял, что Сергей, по всей вероятности, кого-то зацепил, и Центр решил продлить ему командировку для завершения работы. Виктор искренне радовался успеху товарища, с которым успел сдружиться и которого уважал.

После тенниса Виктор поплавал в бассейне, сходил в сауну, а вечером, как обычно, приступил к подготовке ужина.

Еще в Швеции он стал заглядывать в рюмку, это случалось не часто, только по субботам, и только тогда, когда жена с сыном бывали в Союзе. К спиртному его не тянуло, он знал норму, никогда не был пьян, хотя мог выпить достаточно много. Свои встречи с бутылкой превращал в своеобразные ритуалы, ждал их

всю неделю, готовился к ним. Процедура подготовки доставляла ему большое удовольствие, в уме прикидывал все до мелочей, с нетерпением ожидая предстоящую встречу. Водка скорее у него была поводом для душевной откровенной беседы с самим собой. Особое удовольствие доставлял процесс практической подготовки к застолью. В пятницу вечером после работы Дронов садился в автомобиль и отправлялся в город за покупками. Рядом со знаменитой скульптурой Милеса «Орфеем» под площадью размещался великолепный рынок. В рыбном отделе Дронов покупал грамм двести королевской семги. Продавец нарезал тонкие нежные кусочки рыбы, перекладывал каждый кусок прозрачной бумагой. В мясном отделе покупал кусок вырезки. Она висела над прилавком темно-красными с белыми прожилками несимпатичными жгутами и вызывала сначала у Виктора удивление своей дороговизной и неприглядным видом, пока один знакомый швед не объяснил ему достоинства этого мяса. А когда Дронов в ресторане попробовал его, то окончательно оценил и полюбил деликатес.

Дома Дронов тщательно мыл руки, надевал фартук жены и приступал к готовке. Резал сало, привезенное еще из Союза, ровные розовые ломтики раскладывал аккуратно по краю тарелки, вынимал из холодильника банку нашенской горчицы «вырви глаз», шведскую сладкую, которую как масло можно было густо намазывать на хлеб, он не любил. Середину тарелки заполнял свежими огурцами и помидорами, порезанными на дольки. Все закуски красиво расставлял на столе в кухне, словно ожидал дорогих гостей. Наконец приступал к своей любимой закуске, как он называл, к королевскому блюду. Каждый кусочек семги на деревянной столовой доске свертывал в виде воронки, заполнял ее норвежскими очищенными креветками и сметаной. Все это сервировал на отдельной тарелке с долькой лимона и зеленью. Из морозилки вынимал покрытую синей изморозью бутылку «Московской» с зеленой этикеткой, отвинчивал крышку, наливал стопку густой, изменившей свою вязкость под действием низкой температуры водки. Довольно потирая руки, прохаживался по кухне, любясь своей работой. Улыбался, озорные огоньки загорались в его цыганских глазах, предвкушая приятное и душевное застолье.

С небольшими промежутками Виктор выпивал три стопки, закусывал, закуривал сигарету, в голове возникали темы для дискуссий, споров с невидимыми оппонентами. Поводом, как правило, были какие-нибудь события прошедшей недели, встречи, беседы с иностранцами, прочитанная книга или острая статья в газете, новый кинофильм. Каждый день Дронов ощущал на себе

столкновение двух миров: мира социализма и капитализма. В связи с этим у него возникало много вопросов, на которые он пытался найти ответы во время субботних застолий.

В академии марксизм-ленинизм преподавали начетнически, в отрыве от жизни люди, которые никогда не сталкивались лицом к лицу с капитализмом. Виктор очень быстро разобрался, что за нарядными витринами шикарных магазинов, заваленными товарами, за красивым фасадом скрывался беспощадный, жестокий мир с эгоистическим лозунгом: «Каждый за себя, а Бог за всех».

Учась в академии, Виктор с интересом слушал лекции по марксизму-ленинизму, которые очень интересно и доходчиво читал полковник с артиллерийскими эмблемами на черных бархатных петличках, стройный, подтянутый, с короткой на американский манер стрижкой густых жестких волос и небольшими черными усиками. Держался на кафедре он солидно, с достоинством, как положено молодому, только что защитившемуся ученому, может быть, с некоторым высокомерием, которое, по всей вероятности, объяснялось молодостью.

Дронову нравилось, как доходчиво, ясно и, как ему в то время казалось, убедительно излагал он основы диалектического материализма по четвертой главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Четкие, строгие формулировки так и врезывались в память и оставались в ней на долгие годы. Правда, где-то в далеких глубинах сознания слова Сталина о том, что какой бы наукой ученый ни занимался, без знания основ марксизма-ленинизма, не владея марксистским диалектическим методом, он не может достичь высоких результатов, иногда вызывали в нем нечто похожее на сомнение. Но над подобными мыслями, которые в голове рождались крайне редко, витало что-то такое, что мгновенно убирало все возникающие сомнения, когда речь шла о классиках марксизма-ленинизма. Во время перерывов Виктор любил задавать преподавателю вопросы, и он охотно отвечал на них. Дронову казалось, что ему было приятно отвечать и нравилась любознательность и интерес к его предмету.

Как-то Виктору попала в руки только что вышедшая книга маршала Соколовского «Военная стратегия», которую с интересом прочитал. С некоторыми мыслями автора о характере будущей войны он был не согласен. В этот период внушали, что в случае ракетно-ядерной войны, несмотря на огромные людские и материальные потери, победителями в конце концов все равно будем мы, и эта война окончательно похоронит капитализм. В качестве доводов выдвигались превосходство нашей системы над

капитализмом, что считалось аксиомой и не требовало каких-либо доказательств, а также обширность нашей территории, что и обеспечит нам живучесть и победу. Так примерно прикидывали наши военные стратеги, и с ними соглашались политики.

Но у Дронова зрела упрямая, может быть, даже крамольная по тем временам мысль, что победителя в будущей ракетно-ядерной войне быть не может. Он вынашивал эту мысль в себе и, наконец, не выдержал, набравшись смелости, решил поделиться ею с преподавателем. На большом перерыве после лекций Виктор выбрал момент и обратился к Максиму (такова была фамилия его наставника) с вопросом, который занозой засел у него в голове. Стараясь связать свой вопрос с изучаемым материалом и используя его в качестве аргументации, он, может быть, несколько сумбурно и сбивчиво изложил свою теорию невозможности термоядерной войны. Рассуждал он примерно так: с дальнейшим развитием техники будут совершенствоваться средства ведения вооруженной борьбы, и в конце концов их развитие приведет к тому, что война станет просто невозможной, так как в случае ее возникновения погибнут обе воюющие стороны. Практически тот, кто развяжет войну, уничтожит вместе с противником и себя своим же оружием, так как его воздействие станет глобальным.

Преподаватель внимательно, не перебивая, выслушал его, потечески обнял за плечи, отвел в сторонку и доверительным тихим голосом, почему-то оглядываясь по сторонам, сказал: «Голубчик, выброси ты эти мысли из головы и постарайся никому об этом не говорить. Это у тебя от молодости, перемелется и все пройдет. Ведь я тоже, по секрету тебе скажу, — он перешел почти на шепот, — в свое время по глупости да по молодости в своей кандидатской кое в чем усомнился и такое написал, что и сейчас, когда вспоминаю, мурашки по спине пробегают. Даже иногда по ночам снится, просыпаюсь в холодном поту. И если бы не послушал одного умного человека, не видать бы мне ученого звания, как своих ушей. Надо, голубчик, чувствовать пульс времени, а не идти на поводу у своих эмоций. Мало ли какая блажь может прийти в молодую-то, горячую голову. Лучше внимательно перечитай-ка последнее выступление Никиты Сергеевича на Генеральной Ассамблее ООН, какие удивительные по своей глубине и силе мысли он высказывает. А эти свои прожекты выбрось из головы».

Столкнувшись с капиталистической действительностью, выпивая по субботам, беседуя сам с собою, Дронов иногда подвергал сомнению некоторые постулаты марксизма, они ему уже не казались столь абсолютными, как прежде.

«Действительно, — думал Виктор, — если естественные науки: физика, математика опираются на общепризнанные неоспоримые аксиомы, то марксизм-ленинизм да и все общественные науки не имеют такой основы, поэтому не могут быть приняты без весомых доказательств».

Большое сомнение вызывала у Дронова когда-то очень любимая им формула Ленина о нравственности, высказанная им на III съезде комсомола в 1920 году. Виктор любил эту работу Ленина, его простые слова, обращенные к молодежи, призывающие ее учиться, овладевать знаниями, накопленными человечеством. Формула Ленина — нравственно все, что служит делу построения коммунистического общества, — казалась Дронову безупречной. Со временем стал смущать Виктора вопрос, а кто судья? Кто должен судить, служит это делу построения коммунизма или нет? «Здесь собака зарыта, — думал Виктор, — ведь если судьями станут самозванцы, они натворят таких дел. Формула Ленина превращается в формулу Раскольникова о вседозволенности. Из этой формулы пошли чекистские „тройки“».

Эту шведскую традицию — выпивать в одиночку и вести беседу с самим собой — Дронов возобновил и в Штатах. Вот и нынешним вечером Виктор приступил к подготовке ужина. На этот раз он делал все в какой-то спешке, без прежнего вдохновения, словно спешил поскорее сесть за стол, выпить и поговорить по душам в одиночку, разобраться в своих мыслях, проанализировать свою встречу с Людерсдорфом. Может быть, он спешил оправдать свои действия, понимая, что отступать уже некуда — позади пропасть, но тем не менее втайне надеясь найти еще какую-то спасительную соломинку.

Дронов выпил несколько рюмок водки, не закусывая, аппетита не было. Водка его совершенно не брала, ему даже показалось, что он пил воду. Закурил, мысли настойчиво возвращали его к беседе с Людерсдорфом.

«Может быть, последовать совету этого толстяка и бросить мою затею, — думал Дронов. — Нет, американец лукавит, разведчик просто не может, не имеет права так поступать, когда такая рыба сама попадает в сети. Вспомни себя, как радовался, как сердце трепетало в груди, когда Адамс предложил свои услуги. К черту эти мысли об отступлении, ты давно уже принял решение, нет дороги назад. Надо доказать всем этим слюнтяям, проходимцам, подонкам, что предатель не я, а они, они своими действиями давно встали на путь предательства, и чем выше стоят эти люди, тем больший вред наносят нашему государству. Волки в овечьих шкурах! Им ничего не стоит сбросить с себя эти шкуры и показать свои острые клыки. Еще неизвестно, как бы эти

твари повели себя на войне. Я устрою им шабаш, пусть попляшут. Я не буду предавать Родину, истинные предатели те, кто сегодня растлевают общество, вся эта шайка, которая как пена всплыла после войны и заполнила все поры нашего общества. Я сделаю вам всем назло, покажу, кто умнее, мы еще посмотрим кто кого. Я воевал, не отсиживался в тылу, а где были они, которые стоят сейчас надо мной и командуют? Мне надоело быть зависимым от этих ничтожеств, ведь эти люди мне в подметки не годятся по способностям, по интеллекту, по знаниям, да и по делам. Здесь на Западе я бы, конечно, нашел лучшее применение своим способностям, хотя этот мир ненавижу, он только для сильных, здесь джунгли, где нет места для слабых...»

Виктор выпил уже всю бутылку, но водка его не брала, хотя ему хотелось сегодня напиться.

«Нет, — продолжал он рассуждать, — весь план я ему не отдам, слишком будет жирно, дам только часть, пусть закусят, а там посмотрим, как пойдут дела». Беседа с самим собой подходила к концу. Этого момента он боялся больше всего, потому что знал: сейчас начнет погружаться в такие глубины своего «Я», куда никого никогда не пускал и сам редко спускался так глубоко. Какой-то дьявол выпрыгнул как джинн из бутылки и прошептал ему в ухо: «Ну что ты ищешь себе оправдание, предатель ты и знаешь об этом, да боишься признаться». — «Да, да, предатель», — вторил другой голос в его сознании. «Ну и что, — огрызнулся Виктор. — Называйте меня предателем, если вам так хочется. Только вы сами не знаете, кого и что я предаю».

Дронов, не раздеваясь, лег на диван и заснул мертвецким сном.

Под утро ему приснился сон. На берегу большого озера в сосновом бору раскинулся военный лагерь. Стройные ряды палаток, генеральская, посыпанная желтым песком линейка, у грибков часовые с карабинами. Горнист играет «сбор», рота курсантов выстроилась на плацу перед озером. Командир роты майор Поликарпов, стройный мужчина с нездоровым румянцем на впавших щеках, подает команду: «Для встречи справа, слушай, на караул!» Под звуки оркестра выносят знамя части. Знаменосец, рослый усатый богатырь, несет на плече знамя, два ассистента, ребята под стать знаменосцу, с шашками наголо шагают по бокам его вдоль фронта роты. Курсанты с карабинами «на караул» застыли по команде «смирно», глазами и поворотом головы сопровождая знамя. Перед строем стоит командир части генерал-майор Захаров, офицеры штаба, все в парадной форме и в орденах.

Дронов отчетливо слышит, как командир роты называет его

фамилию, и видит, как он, Виктор, в выцветшей от солнца гимнастерке выходит из строя и приближается к знамени части. Дронов снимает пилотку, преклоняет колено, берет рукой кончик знамени, целует его, встает, поворачивается кругом и читает текст присяги. Почему-то он слышит только многократно повторяющиеся словно эхо слова: «...И если я нарушу мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся!»

Дронову дальше снилось, что он сидит в зрительном зале и видит себя на огромном экране, как в кино. Через некоторое время экран погас, в зале наступила тишина. И вот экран вспыхнул вновь, Дронов увидел себя седым, в генеральской форме, стоящим на высоком деревянном подиуме. Ярко светило солнце. Он узнал внутренний двор ГРУ, перед ним вздымалась в небо стела с начертанными на ней словами: «Величие Родины — в ваших славных делах!» Впереди вдоль здания строй офицеров с карабинами у ног. Дронов слышит, как кто-то зачитывает какой-то приказ. До сознания доходят только несколько слов, но одно — «предатель» — пронзает до боли мозга. И совсем четко доносятся слова: «Кто желает принять участие в расстреле предателя Родины, шаг вперед!» Дронов видит, как весь офицерский строй делает шаг вперед ему навстречу.

Экран погас.

Дронов проснулся, какое-то время лежал с открытыми глазами, силясь понять, где он и что происходит. В голове гудело. Наконец пришло ощущение реальности. Он сел на кровать, вытер рукавом рубашки выступивший на лбу и шее пот, встал и медленно пошел на кухню.

«Что за чертовщина, — с облегчением подумал Виктор. — Надо же такому присниться».

За окном на улице было темно, шел проливной дождь, где-то далеко небо озарялось сполохами молний, гремели раскаты грома. Виктор попил на кухне воды и пошел спать.

Утром Дронов проснулся бодрым и здоровым, как будто вечером и не пил. От вчерашних сомнений не осталось и следа. Путь в никуда был открыт.

На следующей встрече Людерсдорф сообщил Дронову, что ЦРУ принимает предложенные им правила игры. Виктор передал американцам отснятую им минифотоаппаратом «Минокс» непроявленную пленку одной главы совершенно секретного документа разведзадания ГРУ. Американец назвал Дронову три американских фирмы и их директоров, которые будут участвовать на международной выставке «Электроника-68» в июне месяце и которые он может посетить и начать работать в соответствии с

разработанным планом. Людерсдорф рекомендовал начать с фирмы «Электроник эквипмент» и познакомиться там с ее директором Робертсоном, который будет в будущей работе исполнять задуманную Дроновым роль агента ГРУ. Договорились последующие встречи проводить на конспиративной квартире, обговорили условия связи, которым Виктор придавал особое значение, зная из своего опыта, что связь является самым уязвимым местом в агентурной работе.

В июне Дронов вместе с Фроликовым посетили выставку «Электроника-68» в соответствии с заданием торгпредства. Они знакомились на стендах с фирмами, собирали проспекты, конкурентные материалы, встречались с представителями зарубежных фирм, обменивались визитками, то есть занимались обычной рутинной работой внешторговцев на международных выставках. Виктор имел большой опыт работы на международных выставках в Союзе и за рубежом, поэтому встречал на стендах знакомых иностранцев, вступал с ними в разговор, обменивался мнениями о выставке.

Для надежного прикрытия Дронов решил посетить указанные Людерсдорфом фирмы вместе с Фроликовым. На фирмах они познакомились с директорами, обменялись визитными карточками, получили проспектный материал, ценники, условия поставки, поболтали, распрощались и ушли, пообещав направить материалы в министерство: может быть, там решат купить.

В резидентуре Виктор систематизировал полученный материал и направил его очередной почтой в Центр с просьбой сообщить, не нужно ли приобрести какое-нибудь оборудование.

Через пару месяцев из Центра почтой пришло указание, в котором сообщалась заинтересованность Центра в приобретении образцов техники. При этом ссылались на конкретные типы из полученных проспектов на выставке. Среди образцов Дронов нашел и те, которые были в проспектах фирм, указанных Людерсдорфом. Дронов договорился с Фроликовым, что он займется фирмой «Электроник эквипмент», а Сергей другими фирмами.

Дронов приступил к выполнению задания. Он встретился с Людерсдорфом для предварительного обсуждения всех вопросов. Договорились, что Виктор свяжется — по телефону с Робертсоном и посетит его фирму в Нью-Йорке.

Центр клюнул на наживу. В резидентуру пришло «добро» на приобретение некоторых образцов, выделялась необходимая валюта, ставились другие задания по материалам, полученным на выставке.

Открывался зеленый свет на затеянную Дроновым

предательскую игру. Менял на глазах свое отношение к Дронову и резидент Киселев. Отнеся Робертсона к числу разрабатываемых, Центр ставил все новые и новые задачи по образцам техники и технической документации. Задания усложнялись, стоимость образцов увеличивалась. Встречи Дронова с Людерсдорфом стали более частыми.

Машина, запущенная Дроновым, заработала на полную мощность. Виктор как искусный дирижер руководил оркестром надувательства и обмана, подключив «в темную» к этой грязной игре и Фроликова, который ничего не подозревал.

Дронов вместе с Людерсдорфом организовывали операции по получению секретных образцов техники и технической документации. «Разрабатывал» Виктор и американца Робертсона, платил ему деньги, выявлял слежку, проводил липовые агентурные операции с привлечением работников резидентуры. Из Центра пошли хвалебные отзывы на добываемые им и Фроликовым материалы. Активность Дронова возросла, но он был очень осторожен и риск свел до минимума, встречаясь с Людерсдорфом при крайней необходимости по разработанной им жесткой системе связи.

Примерно раз в месяц Дронов виделся с Робертсоном в Нью-Йорке на его фирме «Электроник эквипмент», придавая каждой встрече характер агентурной операции. Сценарии встреч с Робертсоном предварительно обсуждались на конспиративной квартире в Вашингтоне с Людерсдорфом. В эту работу Дронов старался привнести весь свой богатый опыт работы по добыче образцов техники и технической документации, который он приобрел за десять лет работы за рубежом и в Центре. Чтобы в Центре не обратили внимания на легкость, с какой Дронов достигал успеха, чтобы не вызвать подозрения, Виктор вводил в каждый эпизод искусственные препятствия, затяжку во времени, придумывал всякие осложнения.

Время летело незаметно. Подошел отпуск, и Дронов отправился в Союз. Перед возвращением в Вашингтон Виктор дней десять был занят в Центре и в МВТ.

В Центре на всех уровнях он почувствовал повышенное внимание к себе. Начальник управления в беседе посетовал, что потеряли Адамса, но отметил значительный прогресс в работе по добыче образцов и технической документации, пожелал дальнейших успехов. В Управлении информации Виктора буквально завалили различными заданиями: руководство страны не знало, куда девать нефтедоллары, и щедро транжирило их. А

надо было все, особенно американское.

Уже перед самым отъездом Виктор случайно в коридоре столкнулся лицом к лицу с генералом Изуитовым. Встал как положено по стойке «смирно», приветствуя высокое начальство.

— Здравствуй, здравствуй, Виктор Никифорович, — подавая руку Дронову и улыбаясь, начал генерал. — Зайди-ка ко мне на минутку.

Виктор был крайне удивлен цепкой памятью кадрового начальника, с которым последний раз встречался полтора года тому назад перед выездом в Штаты.

Когда они уселись в его кабинете, генерал продолжил:

— Слышал, слышал о твоих успехах. Молодец, мы в кадрах следим за твоими делами. Покажи им, как надо работать, а то уж очень много жалоб и криков о сложных условиях, невозможности ведения разведки. Я, конечно, не верил и не верю этой чепухе, везде можно работать, только надо уметь. Твой пример подтверждает мои мысли. Да, чуть не забыл, очень хорошо, что встретил тебя. — Генерал достал из ящика стола какую-то белую коробочку и, протягивая ее Дронову, сказал: — Прочитай-ка там по-английски, от чего эти таблетки?

Виктор перевел.

— Ты знаешь, — продолжал генерал, — нигде не могу найти, даже в Кремлевке. Посмотри там у себя, если найдешь, пришли через участок почтой.

— Нет проблем, — ответил Виктор.

Уходя, Виктор решился и подарил генералу красивую ручку «Паркер» с золотым пером. Изуитов тепло попрощался с Дроновым и просил не стесняться, заходить. Дронов почувствовал, что между ними установилась какая-то близость.

Оставшись один, генерал подошел к сейфу, вынул из него тетрадь в красном переплете и что-то туда записал. Мало кто знал, что у Изуитова были две таинственные тетради: красная, куда он заносил фамилии своих доверенных лиц, и черная, куда заносились люди, по его мнению, нерадивые, проштрафившиеся, которым путь наверх и за границу был навсегда заказан.

Возвратившись из отпуска, Дронов вновь с головой окунулся в работу. В круговерти дел быстро летело время, незаметно подкралась весна.

Виктор по-прежнему регулярно встречался с Людерсдорфом на конспиративных квартирах в Вашингтоне или в Нью-Йорке. Они все больше и больше сближались, что-то тянуло их друг к другу. Может быть, это была общая обида на общество, которое, как им казалось, не оценило их способности и талант, сделало

изгоями, не дав занять достойное место.

Иногда они долго засиживалось во время встреч за бутылкой, обсуждали самые различные вопросы, спорили, доказывали друг другу свою правоту. Дронов в спорах порой был очень агрессивен, его агрессивность переходила иногда в откровенную русскую грубость, которая возникала, вероятно, оттого, что его совесть была не спокойна. Для нее, по всей видимости, было недостаточно тех аргументов, которые он находил в свое оправдание, и в спорах она вновь просыпалась и давала о себе знать. И все-таки истинной причиной бунта совести было нечто другое. Дронов, несмотря на свои прежние заверения, что никогда не станет на путь предательства, не станет агентом, все больше и больше отступал от своих принципов. Под влиянием Людерсдорфа становился настоящим агентом. Американец постепенно втягивал его в свои сети, ставил задачи, усложняя их. И Дронов ничего не мог поделать с собой, выполняя волю своих хозяев. Иногда ему хотелось прекратить эту опасную игру, но выйти из нее было уже невозможно, хотя он понимал: сколько веревочке ни виться, а конец будет.

Американец все больше привлекал его к выполнению своей глобальной задачи — проникновению в высшие органы ГРУ, нацеливая его на Изуитова как на главный объект.

Как-то сильно подвыпив, они вдвоем парились в небольшой баньке на берегу озера в лесу. Людерсдорф был большой любитель попариться, вероятно, эта привычка осталось у него с Финляндии. Но выпивоха он был классный. В ЦРУ про него говорили: ему надо ведро водки выпить, чтобы захмелеть. Дронов тоже стал больше пить. Они по очереди стегали друг друга по разгоряченным красным спинам, плескали водой на раскаленные камни, пар столбом поднимался вверх. Потом прямо из парной бросались в ледяную воду озера, отдыхали в предбаннике, закутавшись в белые простыни, пили холодное пиво, болтали о всякой всячине.

— Кирилл, — как-то неожиданно начал Виктор. — Здесь, надеюсь, нет ушей?

— Конечно нет, об этой хижине дяди Тома кроме меня никто не знает.

— Хорошо, — продолжал Виктор. — Мне пришла в голову шальная идея. Хочешь, поделюсь?

— Давай, давай, — охотно согласился Кирилл. — В шальных идеях часто есть крупинцы гениальности.

— Не уверен, что ты найдешь там эти крупинцы, скорее это бред сумасшедшего, — продолжал Виктор. — Представляешь, какой бы мы с тобой могли бы наделать звон на весь мир, какую

пищу могли бы дать писакам-журналистам, историкам, политологам, политикам, если...

— Ну не тяни, что если? — перебил его Кирилл.

— Если, представь себе, я вербую тебя, и ты становишься агентом ГРУ. Только подумай, какой спектакль можно было бы разыграть, — заговорил Виктор. — После нас будут долго разгребать, сочинять небылицы, легенды и никогда понастоящему не поймут до конца, не поверят.

— Ха, ха, ха, — расхохотался Людерсдорф. — Действительно, здесь что-то есть карамазовское, запредельное.

— Ну почему запредельное? — спросил Виктор. — Представь себе, я познакомился с тобой где-нибудь на приеме, почувствовал родство душ, увидел твое недовольство своей судьбой. Ведь скажи откровенно, это так? Тебе до конца в Лэнгли^[11] не верят, думают, русский волк всегда в лес смотрит, и никто не знает, когда убежит. Ваш Пинкертон, то бишь начальник контрразведки ЦРУ господин Энглтон, небось на тебя давно глаз положил и копается в твоей родословной?

— Ну хорошо, продолжай, предположим, ты прав, — хмуро вставил Людерсдорф.

— А чего здесь продолжать, главное, свою гениальную идею я уже изложил, — улыбаясь, проговорил Виктор, глядя на хмурого визави. — Как будет здорово: твои будут думать, что ты работаешь со мной, а мои — что я работаю с тобой. Какая будет великолепная легенда прикрытия для нас обоих.

— Да, это ты здорово; Виктор, придумал. И будь я помоложе, чем черт не шутит. А сейчас я уже стар на эту роль, ведь мне уже скоро на отдых пора, в Лэнгли уже кое-кто намекал, но мои дела не дают завистникам выгнать меня на пенсию. Ты знаешь, моя самая главная задача — уберечь тебя от неприятностей. И сделать мы это можем только в спарке, как ты выражаешься. Ведь даже если пойти на твою авантюру, то она и тебе не принесет много, если я уйду на пенсию, то какой я агент. Давай лучше выпьем за дружбу и споем нашу любимую.

Они выпили и затаили: «Славное море, священный Байкал...»

И было что-то лихое и разудалое в этих мужиках, которые ходили по лезвию ножа и которым иногда хотелось свеситься над бездной и заглянуть туда, куда до них никто не заглядывал.

Людерсдорф перевел разговор на другую тему.

— Послушай, ты Достоевского читал?

— Я его не люблю, — ответил Виктор. — Беспросветный мрак.

— Ну, а что ты, собственно, читал? — допытывался Кирилл.

— «Бедные люди», помню, проходили в школе, но, по-моему, до конца не осилил, стало скучно, мурашки побежали по спине от его описаний.

— А ты его романы-то читал: «Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток» и другие? — продолжал допытываться Кирилл.

— Да нет, не читал, наверное, школа отбила охоту читать, в учебнике писали, что Достоевский реакционер, — отвечал Дронов.

— Я все-таки тебе советую прочесть, уверен, ты там найдешь много интересного для себя, — посоветовал Кирилл.

Совет Людерсдорфа подействовал, а случай прочитать Достоевского вскоре представился.

В конце апреля в торгпредстве проводили Ленинский субботник по уборке территории, на улице было жарко и влажно. Личный состав представительства дружно выполнял не свойственную ему дворницкую работу. Виктор, пытаясь поднять цементную плиту, не рассчитал своих сил, сначала услышал хруст, что-то вступило в спину. Поясницу словно заклинило, он не смог разогнуться.

Три дня Дронов пролежал пластом в кровати, на четвертый начал потихоньку шевелиться, с горем пополам поворачиваться с одного бока на другой, двигать ногами. Морщась от боли, подтягивался на руках, с трудом садился, свешивал ноги, хватался за спинку стула, медленно вставал на ватные, дрожащие от слабости ноги.

Незадолго до того дня, когда его прихватил тяжелейший радикулит, Дронов, помня свой разговор с Кириллом о Достоевском, зашел в посольскую библиотеку и отыскал где-то в углу на полке серые, пыльные, никем не востребованные томики романов русского классика. Судя по учетным карточкам на внутренней стороне обложек, томики никогда никто не брал.

Теперь у него было много времени. Начал Виктор с «Бесов», о которых когда-то в учебнике литературы Пospelова читал, что это самый реакционный роман Достоевского.

После «Бесов» он буквально проглотил все романы и понял, почему Достоевского запрещали и так не любили пролетарские вожди. Дронов открыл для себя совершенно новый мир и увидел глубину своего падения и неотвратимость наказания.

«Боже мой, как хорошо, что Бог создал людей смертными, — думал Дронов, лежа в постели. — Ведь только представить себе хоть на минутку, на самую малость, что это не так, что человек может как-то приобрести себе индульгенцию на бессмертие. Проходимцы всех мастей растолкали бы своими острыми локтями

всех, чтобы вырвать или выторговать для себя это право. И все средства, самые подлые, были бы хороши ради этой цели, ибо человек не остановился бы ни перед чем. Мир превратился бы в страшный кошмар, в крошечный ад, который и не снился самому Данте. Люди пожирали бы друг друга, и это считалось бы высшей нравственностью».

О чем только не передумал Виктор за дни болезни, но чаще всего его навещала мысль о предательстве.

Лежа в постели, с горечью думал о том, что очень быстро превратился в такого же предателя, как Попов и Пеньковский. Ему вспоминались слова, которые говорил Людерсдорфу при первой встрече в лесу у озера: «...Буду сообщать, что сочту нужным, не ставьте мне заданий, никакую агентуру и товарищей закладывать не собираюсь... Мне ваши деньги не нужны».

«Боже мой, какую чушь я нес, — вспоминал Дронов. — Беру и деньги, и подарки, давно заложил все что мог, и никакой я не ведущий в спарке, они меня ведут на собачьем повадке к братской без креста могиле».

Только через месяц Дронов понравился и приступил к работе, однако спина продолжала беспокоить, и Виктор по совету врача летом отправился в очередной отпуск в Союз.

В санатории он встретился с Изуитовым, который тоже проходил там курс лечения. Они часто общались, много беседовали на различные темы и очень сблизились.

Чем больше Дронов узнавал об Изуитове, тем яснее понимал, что перед ним типичный продукт системы, до мозга костей преданный и верно служащий ей. Он никогда ее не предаст, как сделал сам Виктор. Генерал по-своему патриот этой системы и готов был ее защищать до последней капли крови. Он любил свою Родину и свой народ, но больше всего на свете любил себя и те привилегии, которые система ему давала. Дронов все больше и больше убеждался, что Людерсдорф жестоко заблуждался в оценке Изуитова. Его нельзя было ни за какие деньги завербовать, но можно было использовать с успехом «в темную».

В беседах Изуитов уже открыто излагал свои мысли, свою философию жизни, не стеснялся брать дорогие подношения, сам обращался с просьбами. Он говорил о своих планах помочь Дронову в передвижении по службе после возвращения из командировки. Дронов видел, что за внешней интеллигентностью и доброжелательностью скрывался большой карьерист, жесткий эгоист, готовый растоптать любого, осмелившегося перейти ему дорогу.

Возвратившись из отпуска в Штаты, Виктор доложил Людерсдорфу о своих встречах с Изуитовым. Американец очень

серьезно отнесся к этой информации и прямо сказал, что возлагает большие надежды на это знакомство. Он попросил в будущем обратить на Изуитова самое серьезное внимание, посоветовав завязать с ним дружеские отношения и не скупиться на подарки.

Четвертый, последний год пребывания Дронова в США прошел очень быстро. Перед отъездом в Союз Виктор разработал систему безличной связи, которая, по его мнению, полностью гарантировала его безопасность.

Глава 4

ОПЕРАЦИЯ «СТРИЖ»

Начальник русского отдела ЦРУ Кирилл Борисович фон Людерсдорф сидел в своем уютном рабочем кабинете на третьем этаже в здании без каких-либо вывесок на Е-стрит и пил кофе. Он имел давнюю привычку начинать свой рабочий день с бодрящего напитка. Хотя работал кондиционер, в комнате было довольно душно. Без привычки трудно переносить летние месяцы в Вашингтоне, который расположен в котловине, где жаркий, влажный воздух образует своеобразный парниковый эффект. Кирилл уже пять лет жил в Александрии под Вашингтоном и никак не мог привыкнуть к этой душегубке, как он называл столицу.

Кирилл Борисович фон Людерсдорф, коллеги его называли «Маленький Билл» или «Медвежонок», огромного роста, мощного телосложения, чем-то напоминавший известного актера Питера Устинова, происходил из потомственных российских дворян. Особенно древний род шел по линии матери, урожденной Бубновой, дочери царского морского министра. Отец Кирилла из обрусевших служивых немцев был капитаном на небольшом каботажном судне, курсировавшем между Санкт-Петербургом и Хельсинки. Когда грянула революция 1917 года, отец находился в Хельсинки, мать с маленьким ребенком осталась в городе, сразу оказавшись без средств к существованию. С огромным трудом ей удалось с помощью друзей перебраться к мужу в Финляндию. С тех пор они остались за границей, лишившись в одночасье родины. Многие близкие Кирилла по матери были расстреляны большевиками, некоторые сражались в Белой армии у Колчака и Деникина. Лишь немногим удалось перебраться за кордон.

Кирилл воспитывался в русской православной эмигрантской среде, ненавидел большевиков, получил прекрасное образование, свободно владел несколькими иностранными языками. В семье говорили на русском и немецком, в школе — на финском и шведском. Он окончил русский лицей в Хельсинки, затем учился в кадетском корпусе в шведском Карлсштаде. Во время русско-финской кампании 1939–1940 годов и во время войны СССР с Германией Кирилл, прервав учебу в университете в Хельсинки, был призван в финскую армию и служил переводчиком. После войны судьба забросила его в Германию, где он сначала занимался журналистикой, а с 1949 по 1951 год работал в Мюнхене в секретном Гарвардском проекте под эгидой ЦРУ в

отделе, которым руководил заслуженный ас американской психологической войны Климов Григорий Петрович. Написанная им впоследствии книга «Князь мира сего» поставит его в ряды выдающихся авторов и принесет ему мировую славу.

Как писали потом американские газеты, в Гарвардском проекте искали какой-то таинственный «комплекс Ленина». На самом деле тысячи русских беженцев подвергались там специальным тестам, с помощью которых выявлялись пороки советской тоталитарной системы, ее сильные и слабые стороны, создавались модели подхода к советским людям с целью их вербовки. На этой работе Людерсдорф блестяще проявил себя и ему было предложено перейти на оперативную работу в ЦРУ. Великолепное знание иностранных языков, особенно русского, а также несомненный талант разведчика-вербовщика быстро сделали его заметной фигурой в шпионском ведомстве Вашингтона. Признание как лучшего среди лучших Кирилл получил после блестяще проведенной операции по вербовке одного ценного агента из советских перебежчиков. Ему неоднократно приходилось вылетать в пожарном порядке в различные страны мира и проводить там вербовочную работу, а затем руководить наиболее ценными агентами, в основном из числа советских граждан.

В 1957 году Кирилла срочно направили в Париж, когда в американское посольство во Франции пришел радист нелегальной резидентуры Рейно Хейханен и попросил политического убежища, заявив, что он советский разведчик-нелегал. Людерсдорф умело провел работу со своим «земляком», в результате которой удалось выйти на крупного советского разведчика-нелегала Рудольфа Абеля и арестовать его. За успешно проведенную операцию Кирилл из рук директора ЦРУ Аллена Даллеса получил высшую награду шпионского ведомства медаль «За выдающиеся заслуги в разведке».

Не всегда все операции проходили гладко, особенно вначале разведывательной карьеры Людерсдорфа. Случались и осечки, о которых Кирилл не очень-то любил вспоминать. Как правило, спотыкались на непредсказуемости русского характера. Однажды в одной европейской стране от местных спецслужб американцы получили наводку на одного советского разведчика, который разрабатывал местного ученого, получал от него научно-техническую информацию, платил ему деньги, делал подарки в виде водки, икры. Местная контрразведка заметила связь и перевербовала ученого. Кроме того, было установлено, что наш разведчик часто посещал магазинчик бытовой электронной аппаратуры и всегда торговался, просил скидки, иногда

расплачивался водкой. Когда эта информация стала известна американцам, они решили сыграть на меркантильности советского оперативника. По просьбе ученого наш работник привез икры из Союза и вручил иностранцу за переданную информацию. Тот настаивал, чтобы заплатить за деликатес. Наш разведчик, конечно, отказался. Тогда на следующей встрече ученый передал пакет документов. Дома разведчик вместе с документами обнаружил в пакете десять тысяч рублей.

Оперативник доложил обо всем резиденту. Было решено вернуть деньги и выяснить мотивы такого поступка. На встрече наш разведчик вел себя так, как будто ничего не произошло, решив в конце встречи отдать деньги и выяснить причины. Ученый сказал, что достал несколько секретных материалов и передал их разведчику. В это время из соседней комнаты вышли двое — Людерсдорф и сотрудник местной контрразведки. Американец пытался начать разговор, контрразведчик занял место у двери. Советский разведчик был молод, хороший спортсмен. Мгновенно оценив обстановку, он освободился от полученных материалов, вынул пакет с рублями и швырнул его в лицо Людерсдорфу. У двери его пытался остановить сотрудник КРО, но оперативник приемом самбо отбросил его в угол комнаты и выскочил на улицу. Еще мгновение — и он мчался на своем «опеле» в сторону советского посольства.

Приходилось Людерсдорфу бывать и в Советском Союзе. Под видом туриста он посещал Москву, Ленинград и другие города. На всю жизнь в памяти осталось путешествие в город Петра, где он, Кирилл, родился, где жили его деды и прадеды. С трепетным волнением он бродил по городу, отыскивая родительский дом. Наконец, нашел на набережной Мойки небольшой трехэтажный особняк. Сердце тревожно и радостно забилось, появилось острое желание войти в дом, прикоснуться руками к его стенам. Пискаревское кладбище повергло его в смятение. Он никак не ожидал увидеть что-либо подобное. На мгновение в нем что-то качнулось, потеряло равновесие, мелькнула мысль, на чьей стороне, против кого воевал, за кого? Сердце учащенно билось, испариной покрылся лоб, когда прочитал у Вечного огня на кладбище: «Ничто не забыто, никто не забыт». Шевельнулось какое-то сомнение в справедливости дела, которому служил, отдал свою жизнь, все силы и способности. В глубине души он всегда чувствовал обиду, в нем все протестовало против атмосферы, царившей в шпионском ведомстве, которое, как он понимал, никогда не позволит ему выдвинуться на высокий пост, несмотря на успехи по службе. Он всегда будет изгоем. Пуповину, связывающую его с родиной предков, перерезали, но, видно,

какая-то тоненькая ниточка все же осталась и давала порой о себе знать. С тяжелым сердцем покидал Кирилл кладбище. На ум приходили слова Пушкина:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Кирилл уже заканчивал пить кофе, когда раздался пронзительный звонок телефона спецсвязи. Звонили из секретариата директора ЦРУ. Секретарь вежливо сообщила, что доклад по его записке назначен на 15.00 и состоится в круглом зале штаб-квартиры в Лэнгли. Перед докладом его просили на несколько минут заглянуть в комнату сорок три.

Людерсдорф со дня на день ожидал этого звонка и был к нему готов. Два месяца назад он направил на имя директора записку с предложением приступить к секретной операции по вербовке разрабатываемого советского гражданина, помощника военного атташе СССР в Испании, сотрудника ГРУ майора Лобкова Романа Ефимовича. С присущей ему самоуверенностью человека, не признающего никакие авторитеты, Кирилл излагал в записке выдвинутую им мотивацию вербовки и ее стратегические цели: на будущее и был совершенно уверен, что руководство согласится с его предложением. Его уверенность подкреплялась и тем, что он знал, что недавно назначенный директором друг президента Кейси был известен своими антисоветскими высказываниями с его неизменной позицией: «Они должны за все заплатить».

Кирилл читал утвержденную директором инструкцию по вербовке, в которой требовалось вербовать как можно больше агентов. Кейси нужны были те, кто мог бы успешно проникать всюду, особенно в высшие эшелоны власти стран советского блока. Новый директор считал, что старая инструкция была слишком длинной и не особенно толковой. В ней содержался набор изживших себя принципов, которые стесняли и отнюдь не способствовали творческому подходу к заданию. Автор советовал оперативникам использовать эластичные и наступательные методы работы за «железным занавесом».

Приглашение перед докладом зайти в комнату сорок три косвенно подтверждало правильность хода мыслей Кирилла и укрепляло в нем уверенность в успехе. Хозяином комнаты был его хороший знакомый легендарный начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон. Кирилл прекрасно знал, что ни одна серьезная

вербовочная операция не проходит без одобрения контрразведчика. Вызов к нему означал, что его служба по своим каналам проверила кандидата на вербовку и не возражает против проведения операции. Энглтон и Людерсдорф были знакомы давно и испытывали взаимные симпатии. Оба были весьма образованными людьми с широким кругозором, оба принадлежали к редкому типу разведчиков-фанатиков, влюбленных в свою профессию и делавших свое дело на высоком профессиональном уровне.

Кирилл открыл сейф, вынул из него объемистое дело с жирной надписью «Стриж» на твердой картонной обложке, в правом верхнем углу стоял штамп: «Сов. секретно, экз. единственный». Устроившись поудобнее в кресле, Людерсдорф позвонил секретарше и попросил до ленча его не беспокоить и стал в какой уже раз просматривать досье на Лобкова. На внутренней стороне обложки был приклеен большой конверт с вложенными в него фотографиями. Кирилл вынул фото и разложил их на столе в хронологическом порядке. На первой фотографии, сделанной, вероятно, с загранпаспорта лет восемьдесят назад, молодой человек с неброскими чертами лица, худощавый, узколицый, как-то напряженно и очень серьезно, даже испуганно смотрел в камеру. Был он в темном пиджаке, белой рубашке с неумело повязанным галстуком. На других фотографиях этот же молодой человек, сфотографированный скрытой камерой, был на пляже, в магазине, на рынке с молодой брюнеткой, в автомобиле, в кафе, на приеме в посольстве. Ниже, во втором ряду, лежали совсем свежие фотографии. На первой трудно было узнать молодого человека из верхнего ряда. Лобков превратился в зрелого мужчину: раздобрел, посолиднел, лицо округлилось, появились заметные залысины, оголившие его и без того высокий лоб, взгляд приобрел уверенность, от растерянности на его лице не осталось и следа. Строгий костюм с хорошо завязанным модным галстуком придавал его внешности еще большую солидность. В этом же ряду было несколько цветных групповых фотографий Лобкова и его жены, сделанных во время экскурсий в Новый Афон, Сухуми, Сочи.

В последнем ряду располагались непристойные, компрометирующие фотографии, больше похожие на порнографические открытки.

Кирилл просматривал досье. Лобков давно попал в поле зрения ЦРУ. В первых донесениях из резидентуры ЦРУ в Испании отмечалось: Лобков молодой, довольно активный, энергичный сотрудник аппарата военного атташе советского посольства в Мадриде, в длительной заграникомандировке впервые, исполняет

обязанности шофера и переводчика. Отмечались некоторые моменты, на которые в свое время Кирилл обратил внимание. Он неоднократно был замечен в незаконных коммерческих сделках, в частности, расплачивался иногда с мелкими лавочниками водкой, которую по дешевке покупал в своем посольстве. При хозяйственных покупках на казенные деньги просил знакомых продавцов выписывать фиктивные счета на завышенные суммы, на заправочных станциях приобретал некоторые хозяйственные вещи за счет бензина. Отмечалось, что он и его жена Раиса Михайловна часто посещали различные толкучки, скупали перед отъездом в отпуск в больших количествах уцененную креплиновую ткань, при покупках торговались, предлагали водку, икру.

Перечитывая документы, Кирилл видел сделанные им пометы и вопросительные знаки на полях. Он вспоминал, как сначала никак не мог понять, зачем Лобковы, отъезжая в отпуск, закупают так много дешевого креплина. Только спустя некоторое время узнал, что делалось это в спекулятивных целях и не одними Лобковыми, а многими советскими гражданами. Располагая этой информацией, Кирилл в то время ничего необычного в этом типе советских людей не видел, считая Лобкова обыкновенным «гомо советикус», с которыми много раз встречался, работая в Гарвардском проекте в Мюнхене. Конечно, он понимал, что Лобков подходил под критерии вербуемости и что было бы совсем не плохо иметь еще одного крота в ГРУ, но интуиция подсказывала опытному разведчику: не стоит торопиться, надо дать время созреть плоду. Еще смутно, но у Кирилла уже в то время зрела идея проникновения в святая святых, в самое сердце ГРУ, КГБ или ЦК КПСС. Он постоянно думал об этом, искал. Интуиция подсказывала: время для таких дел придет. Вот тогда он и завел дело на Лобкова, присвоив ему кличку «Стриж».

Проработав три года в Испании, Лобков уехал в Союз и на несколько лет исчез из поля зрения Лэнгли. В досье имелись лишь скупые, отрывочные данные о нем из различных источников. В частности, было известно, что после возвращения из Испании «Стриж» стал работать в аппарате у генерала Быкова, затем был направлен в Военно-дипломатическую академию. Три года тому назад от Дронова была получена дополнительная информация на Лобкова, которая заставила Кирилла серьезно задуматься и более внимательно приглядеться к нему. Собственно, с этого момента идея Людерсдорфа стала приобретать конкретные очертания.

Кирилл полистал досье, отыскал запись беседы с Дроновым и начал читать. Тот сообщал, что, находясь в отпуске летом 1969

года, он совершенно случайно в санатории встретился и довольно близко познакомился с инструктором политотдела ГРУ майором Лобковым. Как-то на пляже, рассказывал Дронов, спасаясь от жаркого южного солнца, он сидел в тени под тентом и играл в преферанс. Подошла компания отдыхающих. Один из них в модных солнечных очках громко обратился к Дронову, здороваясь по имени и на ты, словно они были давнишними закадычными друзьями. Напрягая память, Дронов с трудом вспомнил, что несколько лет тому назад, прибыв из своей первой длительной заграничной командировки в Швеции, он, как было принято в ГРУ, представлялся в политотделе и имел беседу с франтоватым инструктором.

Еще тогда Дронов обратил внимание на молодого шустрого человека. Беседу он вел энергично и напористо, в развязном панибратском тоне, сразу перешел на ты, хотя Дронов был старше и по возрасту, и по званию. С ухмылкой, подчеркивающей, что он думает прямо наоборот, поинтересовался, как там в Швеции «загнивает капитализм». Потом пошли вопросы, что там почем, сколько платят, можно ли за командировку справить «Волгу» и нет ли у него шведских монет и марок. Когда Дронов выгреб из карманов горсть оставшихся от командировки монет и высыпал их ему на стол, Лобков обрадовался как ребенок и уже серьезно заметил, что в Управлении информации они идут не хуже джина и виски. В конце беседы инструктор наконец вспомнил о деле и сказал, что наслышан об успехах Дронова и использует его положительный опыт в своей пропагандистской работе.

У Дронова остался неприятный осадок от этой встречи. Оперативники в ГРУ всегда относились к работникам политотдела и КГБ с определенным скепсисом и даже опасением, боясь откровенничать и остерегаясь неприятностей от общения с ними. В политотделе были мастаки создавать героев, выдумывать различные соцсоревнования, распространять положительный опыт «маяков», делать из мухи слона: Именно они и были предтечами повального очковтирательства и показухи, которые позже, как раковая опухоль, дали неизлечимые метастазы во всем обществе, которые было уже поздно удалять хирургическим путем, да и квалифицированных хирургов уже не оказалось.

Находясь в санатории, Дронов узнал вскоре, что Лобков жил в генеральском люксе, начальник санатория и начмед крутились перед ним волчком, стараясь услужить кто чем мог, хотя оба были полковниками. Начальник санатория представил в его распоряжение служебную «Волгу», престарелый начмед на теннисном корте услужливо подавал ему мячи, играя с ним в паре. Начальство санатория старалось во всем услужить

политотдельцу.

Однажды в бильярдной Лобков доверительно под большим секретом сообщил Дронову, что ему звонили из Москвы и передали, что на него, как он выразился, получен агреман и придется писать рапорт начальнику санатория о досрочном выезде: надо собираться в длительную заграникомандировку помощником военного атташе в Испании. Это событие майор предлагал отметить в «Голубом Дунае». Сначала Дронов не мог взять в толк, почему Лобков, которого он знает без году неделя, приглашает его в ресторан: то ли ищет нужного себе человека, то ли видит в нем одного с ним поля ягоду и набивается в друзья?

На следующий день, как договорились, Дронов и Лобков в пять часов после обеда встретились на «пяточке». Так называли в санатории место, где собирались отдыхающие перед тем, как отправиться в столовую, кино, на экскурсию, сюда прибывали и отсюда уезжали домой.

Серая «Волга» уже стояла, ожидая пассажиров. Сев в машину рядом с шофером, инструктор политотдела коротко бросил: «Эдик, в “Голубой Дунай”». У входа в ресторан стояла большая очередь. Лобков подошел ко входу и что-то сказал метрдотелю, который мгновенно из сурового вышибалы превратился в послушного лакея, с подобострастной улыбкой открыл дверь перед посетителями и пропустил их вперед. Услужливый официант, появившийся словно из-под земли, проводил их к отдельному, уже накрытому столу у окна.

Выпив и закусив, они разговорились. Лобков рассказал, что родился в многодетной семье в деревне, после войны его устроили в Казанское суворовское военное училище, после училища поступил в ВИИЯ. На пятом курсе женился на москвичке, дочке полковника-строителя.

— А что мне было делать? — развивал он свою мысль и как бы оправдываясь. — Была у меня зазноба в то время из барачников — голь-моль, ни кола ни двора. Подумал, женюсь на ней, пошлют куда-нибудь в ОСНАЗ к черту на куличики, куда Макар телят не гонял, и прокукарекаю я там всю жизнь на точке с наушниками на голове. Может быть, дослужусь до майора или подполковника. А тут Ран подвернулась, шустрая, боевая, не очень красивая, но с московской квартирой. Махнул я на свою зазнобу рукой и женился на Раисе. Ее отец помог остаться при распределении в Москве, потом окончил курсы, поехал в Испанию, конечно, не без помощи Федора Ивановича.

Лобков умолчал, что и в Военно-дипломатическую академию после Испании его устроил Федор Иванович. В академии у Лобкова произошел серьезный конфликт с преподавателем

спецподготовки, руководителем группы, который отвечал за подготовку разведчика. Этих преподавателей называли «дядьками», они, собственно, давали «добро» слушателю на его готовность работать за рубежом. Преподаватель высказывал свои опасения относительно Лобкова. И снова на выручку пришел Быков. Преподавателя обвинили в необъективности и отстранили от занимаемой должности, а Лобкова после окончания академии направили в Испанию.

Подвыпив, Лобков расходился пропорционально выпитому, все больше и больше хвастаясь своими связями с «нужными людьми».

— Ты знаешь, Виктор, в политотделе я понял, что сейчас больше всего ценится не служба, а хорошие связи. Если честно, то все эти «палки»^[12] начальству до лампочки, от них только головная боль и неприятности. Подавай оценки, а оценки делают и без агентов: виски, канцпринадлежности, леска, крючки, разные заграничные побрякушки. Бывает, конечно, и по-крупному: сертификаты, иностранная теле-, видео-, аудиотехника. Даже в ЦК у Сидоренко эти штуки идут нарасхват, особенно календари с голыми бабами. Я ему сам не раз перед Новым годом возил пачками. Устал выполнять эти заказы сверху: то достань шотландский виски «Балантайнз» двенадцатилетней выдержки, то порнографические игральные карты, то презервативы с какими-то штучками. Мне рассказывали, что даже Черненко, завканцелярией ЦК, с огромным удовольствием брал всякие иностранные побрякушки. Ты знаешь, — совсем захмелев, продолжал Лобков, — когда я был в загранкомандировке, у меня ползарплаты уходило на подарки. Приедешь, бывало, в отпуск, зайдешь на участок с полным кейсом побрякушек иностранных, откроешь, налетай, ребята, всех одаришь. Глядишь, и к тебе отношение совсем другое. Как после этого плохое что-нибудь на тебя написать? Рука не поднимется!

В конце беседы Лобков доверительно сообщил Дронову, что вхож в семью Быкова, встречается с ним у него на даче, выполняет его личные поручения. Федор Иванович за усердие рекомендовал направить его помощником военного атташе в Испанию с дальнейшей перспективой стать военным атташе.

Как заметил Лобков, он тоже в долгу не остался, помог через родственные связи своей жены с заместителем министра внешней торговли Журавским устроить зятя Быкова сначала в Академию внешней торговли, потом направить в длительную зарубежную командировку в торгпредство на Кипре.

— Ты мне — я тебе, — заключил свою мысль Лобков и добавил: — В Академию внешней торговли принимают только по

рекомендации райкома партии. Экзамены там пустая формальность. Сдают экзамены, оценки не объявляют, после мандатной комиссии оглашают результаты: принят — не принят. Там конкурс не знаний, а лохматых рук. Мне один кадровик рассказывал, как один директор мебельной фабрики или мебельного магазина дал кому-то на лапу двадцать тысяч рублей и без звука прошел в академию, сейчас работает где-то за рубежом...

Кирилл отложил дело, встал, прошелся по кабинету, разминал ноги, вынул из сейфа свою личную картотеку на номенклатурных работников ГРУ, КГБ, ЦК КПСС. Достал карточки, пробежал глазами по скупым биографическим данным, задумался. Одно было совершенно очевидно для него: все эти люди связаны между собой круговой порукой, все они или бывшие, или настоящие работники ЦК КПСС, члены одного элитарного ордена, одной масонской ложи. Цель для Людерсдорфа была совершенно ясна: надо проникнуть в этот орден...

Толчком к немедленной разработке «Стрижа» послужила недавняя информация, полученная от резидента ЦРУ в Испании Эндрюса. В ней сообщалось, что испанская контрразведка через свою агентуру засекли любовную связь Лобкова с женой сотрудника советского посольства Валентиной Мироновой. Жена Лобкова перед отпуском уехала в Союз, а он жил один на арендованной вилле в предместье Мадрида. Сначала был зафиксирован контакт помощника военного атташе с Валентиной в городе, где он подсадил ее однажды в машину и привез на виллу. Наружное наблюдение зафиксировало этот контакт, но не придало ему значения, так как в советской колонии была довольно широко распространена практика подвоза женщин на рынки, в магазины и так далее. Кроме того, было известно, что Валентина подрабатывала, убирала виллу. Когда через некоторое время прослушали магнитофонные записи от установленных подслушивающих устройств, стало ясно, что визиты Валентины на виллу к помощнику военного атташе совершаются не только с целью уборки помещения.

Сладкая парочка не только занималась любовью, но и обсуждала широкий спектр бытовых и коммерческих проблем. Шустрая Валя совмещала любовь с коммерцией. Каждый раз она устраивала Лобкову скандал, требуя за любовь доллары и все время увеличивая ставки. Однажды она заявила ему, что забеременела от него, и просила деньги на аборт. Военный дипломат сначала попытался отнекиваться. Тогда Валентина

заявила, что если он не даст ей деньги, сообщит об этом его шефу. Перепуганный насмерть любовник скрепя сердце выдал требуемую сумму.

Получив такую пикантную информацию на советских граждан, испанцы решили не ввязываться в эту грязную историю и предложили заняться Лобковым американцам.

Людерсдорф дал указание резиденту ЦРУ в Испании взять под особый контроль поведение «Стрижа». Приказывалось, не входя с ним в контакт, силами резидентуры организовать наблюдение за объектом и его окружением и докладывать обо всем замеченном. Во всех действиях соблюдать строгую конспирацию и безопасность, привлекая к этой работе ограниченный круг опытных работников резидентуры.

Вскоре поступили новые данные: было установлено, что Валентина является женой шифровальщика КГБ в советском посольстве. Американцы к своему удивлению обнаружили, что эта любвеобильная отчаянная женщина ради денег не брезгует и иностранцами. Были отмечены, но не задокументированы ее контакты с одним арабом, владельцем лавки золотых и серебряных изделий. Две крашенные блондинки довольно часто посещали ювелирную лавку. В это же время на стареньком «мерседесе» подъезжал еще один араб, родственник хозяина магазина. Во время таких визитов, как правило, на двери лавки появлялась табличка с надписью «Закрыто». Второй блондинкой была Светлана Бойко, жена советского журналиста, заведующего пунктом ТАСС в Испании.

Дальнейшие наблюдения за «Стрижом» показали, что он не имеет каких-либо серьезных агентурных связей, но довольно активно поддерживает официальный контакт с коллегой, помощником военно-воздушного атташе Италии майором Спарелли. Людерсдорф, проанализировав имевшуюся информацию на Лобкова, несколько месяцев тому назад решил ему «помочь» и с этой целью провел ряд мероприятий. Через итальянские связи по линии ЦРУ с итальянским майором была проведена, как говорится, определенная работа. Уговаривать его долго не пришлось. Он быстро сообразил, что это дело для него выгодно, и дал согласие помочь американцам. Под их руководством итальянец делился с русским сначала устной информацией, затем стал передавать ему некоторые конфиденциальные документы по Юго-Западному театру военных действий НАТО. Документы тщательно подбирались американцами и передавались Спарелли. Тот любил погулять за чужой счет и с удовольствием откликался на приглашения хлебосольного советского коллеги.

В Москве обратили внимание на знакомого Лобкова и на передаваемую итальянцем информацию, положительно ее оценивали. Из Центра стали поступать дополнительные задания, просили уточнить отдельные моменты, выяснить и установить новые данные. Руководство разрешило выплачивать Спарелли вознаграждения за передаваемые документы в размере предоставляемых резиденту прав. На участке в Центре итальянцу присвоили кличку «Красавчик», зачислили в число разрабатываемых. Кое-кто уже потирал руки в предвкушении вербовки натовца, нетерпеливые поговаривали о том, что пора сверлить дырки в мундирах. Начальнику направления капитану первого ранга Климовчуку уже снились по ночам адмиральские погоны. Остряки поговаривали, что он уже сшил себе новую форму и часто, придя домой после работы, снимал штатский костюм, который ненавидел, но как «крышевик» обязан был носить, облачался в адмиральский мундир и прохаживался по своей просторной трехкомнатной кооперативной квартире, поглядывая на себя в зеркало.

Лобков тоже повеселел, зная реакцию Центра на свои дела. Омрачала настроение только Валька. «Черт меня дернул, — думал он, — связаться с этой стервой».

Между тем в Лэнгли некоторые нетерпеливые начальники считали, что плод созрел и пора его срывать, но Кирилл не спешил, зная, что в разведке самое скользкое место — это женщины. Учитывая слабость Лобкова к слабому полу и его жадность, Людерсдорф решил устроить ему еще одну проверку на прочность. Он договорился с МИ-5^[13] о выделении в его распоряжение агента-женщины, зная, что англичане большие мастера подставлять для вербовки красивых особ.

В одном из загородных супермаркетов по пятницам иностранцы делали покупки, запасаясь продуктами на неделю. В такой день Лобков, задержавшись на работе в посольстве, приехал перед самым закрытием магазина. Народу было немного, редкие покупатели лениво катали свои коляски между рядами, заставленными продуктами, брали в руки упаковки, долго их рассматривали, стараясь разглядеть цену, вертели их так и сяк, ставили на место или бросали в свои коляски. Подкатив свою тачку к кассе, у которой выстроилась очередь в два-три человека, помват^[14] встал за женщиной. Она, обернувшись, очаровательно ему улыбнулась, и они поприветствовали друг друга. Он давно обратил внимание на эту красотку. Иногда они встречались по пятницам в супермаркете. Она отличалась от местных женщин белизной кожи, голулизной больших глаз и светлым цветом

роскошных волос. Лобков подумал, увидев ее впервые, что она из Скандинавии. Расплатившись у кассы, он выкатил свою нагруженную коляску на площадку у магазина, соображая, как удобнее выгрузиться у запаркованной машины, и чуть не столкнулся с белокурой «скандинавкой», которая стояла и беспомощно оглядывалась по сторонам, отыскивая кого-то. Ее лицо выражало озабоченность, растерянность и тревогу.

Проезжая мимо, Лобков участливо спросил:

— Что-нибудь не так, мисс?

— Миссис, — поправила его женщина.

— Извините, — продолжал Лобков, — не нужна ли вам помощь?

— Да нет, спасибо, думаю, сама справлюсь. Подруга должна была подъехать и забрать меня, но что-то ее долго нет, и это меня тревожит. Наверное, задержалась в посольстве.

— Ну, это не страшно, я могу подбросить вас, — услужливо предложил Лобков.

— Ой, вы так любезны, но стоит ли беспокоиться, — отвечала, мило улыбаясь, блондинка. — Вы, вероятно, сами спешите?

— Да нет, пустяки, — отвечал Лобков.

Погрузив пакеты в багажник, они тронулись. По дороге познакомились. Выяснилось, что Элизабет, как назвалась женщина, работала в английском посольстве по двухгодичному контракту и занималась делопроизводством.

Затем наступила очередь Лобкова отвечать на вопросы.

— Вы, я вижу, судя по номеру машины, дипломат, немец или швед?

— Нет, — ответил Лобков, — не угадали, я русский, работаю в советском посольстве помощником военного атташе.

— Русский? — сильно растягивая первый слог и налегая на него, переспросила незнакомка.

Лобкову показалось, что при слове русский молодая женщина как-то боязливо съежилась, глаза расширились и округлились, в них появился неподдельный испуг, улыбка застыла на ее пухлых губах. Она, по всей видимости, и не пыталась скрыть свой испуг.

— Вы знаете, — оправившись от замешательства, вновь начала Элизабет, — извините, я впервые встречаюсь с русским. Как это интересно и любопытно!

Подъехав к дому, Лобков помог Элизабет выгрузиться и донести ее пакеты и сумки до квартиры, которую она снимала в большом доме. Еще в машине у него мелькнула шальная мысль, что неплохо было бы завести оперативное знакомство с такой женщиной, которая сидит на бумагах британского посольства, но

он тут же отбросил эту мысль. Он знал, что к разведчикам, которые пытались использовать женщин в агентурных целях, в Центре отношение, как говорил Маяковский, было «плевое». Ему был известен не один случай, когда опытные разведчики горели на этом. О них рассказывали в академии, болтали в курилках ГРУ. На памяти была недавняя история с помощником советского военного атташе в Англии Ивановым, о которой шумели все западные газеты. «Для него, — думал Лобков, — все обошлось относительно благополучно, объявили персоной нон грата и вышибли из страны. Он даже остался служить в ГРУ. Но у Иванова-то тесть был секретарь Президиума Верховного Совета СССР, да и резидент известная фигура в ГРУ. Так что за ним были сильные люди, кто мог его защитить... Да, — подытожил помват, — овчинка выделки не стоит, да ведь и в Центре не поймут и ни за что не дадут „добро“».

Правда, если до конца быть честным, Лобков и сам не хотел этого, уж больно хороша была Элизабет. Какой-то чудесный шарм исходил от этой молодой женщины. Роман не мог определить, в чем он, собственно, заключался. Если бы его, Лобкова, спросили, он не смог бы толково объяснить. Этот внешний эффект поражает, как правило, мужчин, для которых внутренняя красота женщины, ее ум не имеют существенного значения. Для такого типа людей главное плоть, страсть.

— Ой, я не знаю, как вас и благодарить, — щебетала между тем англичанка, открывая дверь в квартиру. — Наверное, русские все такие галантные джентльмены?

— Ну что вы, — оправдывался Лобков, — пустяки.

— Может быть, зайдете на чашку английского чая, нашего национального напитка, у вас есть пять минут времени?

— Спасибо, с удовольствием, — отвечал Роман, — я сейчас соломенный вдовец и никуда не тороплюсь.

— Ну и прекрасно, проходите, располагайтесь вон там в кресле у телевизора, — указала она рукой, — а я сейчас быстренько приготовлю чай.

Элизабет скрылась на кухне, а Роман, расположившись в кресле, стал рассматривать квартиру. Он увидел пишущую машинку с заправленным листом, стоящую на небольшом столике; рядом лежала большая пачка отпечатанных листов. Лобков встал, прошелся по комнате, взгляд упал на титульный лист, на котором стояло: «Доклад посла Великобритании». Гриф «Конфиденциально» сразу бросился в глаза. В это время из кухни вышла Элизабет. Роман, указывая на машинку, спросил:

— Вы, я вижу, и дома работаете?

— Да, завтра уходит почта, я должна допечатать доклад

посла, сейчас время отпусков, приходится выполнять работу и за других, печатать, конвертовать и даже секретную почту, а с ней еще большая морока. Вот и приходится брать работу на дом, — ответила женщина, широким жестом руки приглашая гостя к столу.

Так состоялось знакомство Лобкова с Элизабет. А затем все развивалось с головокружительной быстротой; он к ней зачастил и оставался допоздна. Иногда, возвращаясь вечером домой, думал про себя, зачем он связался с Валькой. С англичанкой дешево и сердито. Она ничего не требует, радуется, когда он привозит советское шампанское, икру, не лезет в душу, ни о чем не расспрашивает, всегда ласкова и внимательна к нему. Лежа в постели с Элизабет, он невольно сравнивал ее с Валькой, которая знала только деньги и тряпки и от которой всегда плохо пахло.

Иногда в минуты откровения и эмоционального подъема Элизабет шептала ему в ухо:

— Рома, как я завидую твоей жене, какой ты сильный мужчина. О Боже, неужели вы все такие, русские? Ненавижу твой коммунизм, но люблю тебя. Почему ты не англичанин?

От таких слов Лобков млел, ему было приятно слышать щебетание Элизабет, он впадал на какое-то время в прострацию, исчезало время, пространство, суровая действительность, он не думал ни о жене, ни о работе, ни о долге, ни о чем. Иногда замечал, что какая-то тревожная тень пробегала по лицу Элизабет, она становилась грустной, молчаливой, словно что-то угнетало и беспокоило ее. Роман расспрашивал ее, но она отмалчивалась, улыбалась, шутила, становилась вновь веселой и жизнерадостной. Такую смену настроения Лобков объяснял тем, что Элизабет в него влюблена и страдает от предстоящей неизбежной разлуки.

После встреч с Элизабет Роман иногда вновь возвращался к мысли использовать ее в качестве источника информации. И хочется, и колется. Как совместить любовную связь с агентурной работой? Выдумать фиктивный источник? Но ведь Центр не удастся долго водить за нос. Потребуют справку, установочные данные. В конце концов ложь выйдет наружу. «Нет, так не пойдет, слишком велик риск», — думал он.

В 13.00 Кирилл выехал из офиса на своей старенькой «Вольво-244» и направился по дороге, ведущей вдоль Патомака к Вашингтону. Миновав Пентагон, двинулся по направлению к Нью-Йорку по скоростной автостраде. Ехал он не спеша и мысленно пробежал свой доклад перед членами «Рабочей группы по делам национальной безопасности», которая была создана по

инициативе директора Кейси. Редко кто в ЦРУ знал о существовании такой группы, которая занималась планированием стратегических разведывательных операций. В эту группу входило пять-шесть человек. Назначались они президентом из высокопоставленных чиновников. Председателем группы всегда был директор ЦРУ. Группа собиралась для решения только чрезвычайно важных стратегических задач разведки в круглом зале над кабинетом директора, в который можно было попасть только на лифте из секретариата ЦРУ и о существовании которого редко кто знал. Круглый зал представлял из себя огромный экранированный металлический шар без окон, вписанный в здание над третьим этажом.

Направляя записку директору, Кирилл был уверен, что он заинтересуется поставленным вопросом. Людерсдорф предлагал провести операцию по вербовке сотрудника ГРУ Романа Лобкова. Конечно, приобрести «крота» в этом ведомстве — дело важное, но Кирилл не был бы асом разведки, если бы не смотрел дальше и глубже. В своих выводах он предлагал провести вербовку на длительную перспективу с целью вывода «Стрижа» через пять-шесть лет на должность начальника политотдела ГРУ или работника административного отдела ЦК КПСС. Зная Кейси, как опытного разведчика, Кирилл был уверен, что тот согласится с его выводами и даст добро на проведение операции. Увидев указатель «Лэнгли», Кирилл свернул направо и, проехав лесным массивом несколько километров, остановился на охраняемой парковке.

Предъявив пропуск, Людерсдорф направился по коридору «С» к начальнику контрразведки Энглтону. Сверху над дверью комнаты сорок три горела зеленая лампочка. Кирилл нажал на кнопку, на табло загорелось «войдите». Людерсдорф открыл дверь и вошел в просторную комнату, уставленную стеллажами с книгами и различными предметами искусства, которая больше походила на библиотеку, чем на кабинет важного чиновника разведывательного ведомства. Из-за письменного стола в углу поднялся мужчина лет шестидесяти, в строгом английском темно-синем шерстяном костюме, в больших роговых очках, высокий и худой, несколько сутуловатый, с пробором в аккуратно расчесанных редких волосах, и быстро пошел навстречу Кириллу, улыбаясь и протягивая ему руку. После традиционного «Хелло» и рукопожатия мужчины уселись в кресла напротив друг друга у небольшого журнального столика, на котором стояли великолепные желтые орхидеи — гордость хозяина кабинета, выведенные им самим. Об увлечении Энглтона рыбалкой и цветами, особенно орхидеями, знали многие в ЦРУ.

Кирилл не раз бывал в этом кабинете и каждый раз, беседуя с его хозяином, открывал что-то новое в этом необычном, даже загадочном человеке. Они хорошо знали друг друга. Оба были страстными поклонниками Достоевского. Энглтон часто обращался к Кириллу как к эксперту по русским делам. У них случались и споры по Достоевскому. Энглтон в оценке русского классика больше склонялся к мнению Фрейда, Кирилл же считал Фрейда сумасшедшим. Иногда они спорили и на другие темы, чаще на профессиональные. Так, однажды Энглтон попросил Людерсдорфа поработать с перебежчиком из КГБ Голицыным, чтобы выяснить истинные мотивы его перехода на Запад. Перебежчик требовал встречи с президентом США и миллион долларов. Кирилл встретился с Голицыным на конспиративной квартире и после беседы с ним прямо ему заявил, что он сукин сын и шантажист. Энглтону Людерсдорф сообщил, что, по его мнению, перебежчик с явными признаками шизофрении в виде «комплекса Ленина», как его окрестили в Гарвардском проекте.

Однако шеф контрразведки сам, по всей видимости, страдал схожими с Голицыным комплексами и не обратил внимания на замечание Кирилла, что привело в дальнейшем к печальным последствиям для ЦРУ.

Энглтон принадлежал к разряду типичных «ястребов» американского истеблишмента. Он был ярый антикоммунист по своим убеждениям. Западная элита, правящий класс, в большинстве своем беззаветно преданы своим идеалам. Всех этих никсонов, бушей, тэтчеров, колей — лидеров буржуазной демократии — объединяет слепая ненависть к коммунизму. Существенная разница нашей элиты после Сталина состоит в том, что она всегда сомневалась, никогда до конца не была предана идеалам коммунизма. Поэтому и появились ренегаты и предатели — Яковлевы, Горбачевы, Шеварднадзе и их прихлебатели, которые помогли Западу развалить наше великое государство.

— Мне понравилась ваша задумка, — сразу с места в карьер начал Энглтон. — Вы смотрели фильм «Маньчжурский кандидат»?^[15]

— Нет, — ответил Кирилл, не понимая, к чему он клонит.

— Великолепный фильм, — продолжал между тем начальник контрразведки, не обращая внимания на то, что его вопрос вызвал недоумение у собеседника. — Обязательно посмотрите, он подкрепляет мои мысли и созвучен с вашей основной идеей в записке. Уверен, у вас получится, должно получиться. Ваши доводы очень убедительны.

Энглтон снова улыбнулся своей таинственной улыбкой, как бы подчеркивая, что ему всегда известно больше, чем кому-либо

другому. При этом на его худом лице еще резче обозначились две глубокие морщины, идущие по желтоватой, давно потерявшей упругость коже заядлого курильщика от крыльев с горбинкой носа вниз по диагонали к кончикам губ, обрываясь у широкого рыбьего рта.

— Мне кажется, вы не только очень хорошо уловили тонкие струны русской души, но и очень правильно почувствовали процессы, которые сейчас идут в России, заметили эту коррозию человеческой души и всей системы, которая пока хорошо замаскирована и еще не видна невооруженным глазом. Вам удалось разглядеть эти микротрещины, которые должны расшатать и разрушить всю систему. Мне кажется, что все идет именно так, как предсказывал покойный Аллен Даллес. Вы правильно целитесь в ферзя, чем важнее фигура, тем больший вред она может нанести нашему противнику. «Стриж», конечно, пешка, но она со временем может стать проходной и превратиться в ферзя. Ведь эта ваша основная мысль, правильно я вас понял, Билл?

— Совершенно верно, Джеймс. Я хочу «Стрижа» сначала поймать в сеть и посадить в клетку, научить летать и со временем превратить в орла, в большую птицу. Вот смысл всей затеваемой мной операции, — ответил Кирилл.

— Хотел бы только обратить ваше внимание, коллега, на одну небольшую деталь во всей этой, игре, — снова начал Энглтон. — Вы, вероятно, заметили, что жена «Стрижа» еврейка?

Кирилл знал об отношениях начальника контрразведки к евреям и его чрезмерной подозрительности ко всем и ко всему. Правда, некоторые считали, что у него были серьезные основания к этому, так как усиление влияния выходцев из еврейской общины вызывало негативные эмоции внутри ЦРУ. Доля евреев-сотрудников в резидентурах увеличилась с 10 до 35 процентов, а среди руководящих кадров с 5 до 30 процентов. В коридорах Лэнгли вслух говорили о том, что многие потенциальные кандидаты на вербовку отказывались иметь дело с сотрудниками-евреями, опасаясь, что сообщаемая ими информация будет использована в интересах разведслужбы Израиля «Моссад».

Энглтон лично курировал резидентуру ЦРУ в Тель-Авиве и не доверял евреям, считая, что они руководствуются прежде всего интересами Израиля.

— Да, Джеймс, я обратил на это внимание и постараюсь учесть в работе, — вставил Людерсдорф.

— Так вот, — продолжал Энглтон, — вы хорошо знаете, как ловко евреи еще с библейских времен умели использовать своих женщин. Помните, в Библии, приближаясь к Египту, Авраам

инструктировал свою жену Сару: «Вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом. Скажи же фараону, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя». А в России у коммунистов со времен революции все еще продолжает функционировать институт еврейских жен, особенно в высших эшелонах власти. Достаточно вспомнить, что у Молотова, Кирова, Ворошилова и у многих других партийных боссов жены были еврейками. Вы наверняка знакомы с недавно изданной в Нью-Йорке книгой русского эмигранта Андрея Дикого «Евреи в России и в СССР». Советую вам еще раз ее перечитать. Там вы найдете много любопытного и полезного для вашей будущей операции, — закрутился Энглтон, вставая и тем самым давая понять собеседнику, что аудиенция окончена. — Желаю вам успеха, Билл. После операции загляните ко мне, обсудим все как следует.

Людерсдорф поблагодарил Энглтона за ценные советы, попрощался и направился в секретариат. Стрелка часов уже приближалась к 15.00. Предъявив пропуск охраннику, он на специальном лифте, которым можно было воспользоваться, только зная шифр, поднялся в круглый зал.

Ровно в 15.00 председательствующий, директор по делам Советского Союза и восточноевропейских стран Джон Ленчовеки, предоставил слово Людерсдорфу. Кирилл в течение пятнадцати минут коротко доложил суть планируемой секретной операции. Члены группы были предварительно ознакомлены с запиской и вопросов практически не задавали. Не пришлось использовать и приготовленный Кириллом реквизит: видео- и аудиозаписи, полученные из мадридской резидентуры. В конце заседания пришел и сам директор ЦРУ Билл Кейси. Он коротко подвел итоги, добавив в конце, что хочет знать все, что происходит в Москве. Планируемая операция, по его мнению, должна была служить этой цели. В представлении Кейси хорошим оперативником мог быть только тот, кто не боится иной раз преступить закон.

Через три дня Кирилл вылетел в Испанию самолетом Нью-Йорк-Париж-Мадрид. Он был уверен в успехе операции. Сидя в удобном кресле, американский ас пытался проанализировать поведение Лобкова в предстоящей операции. Он немного волновался, как спортсмен перед стартом. Обычно ему приходилось иметь дело с волонтерами, где главное было определить истинную мотивацию и ценность доброжелателя. А здесь было нечто другое: надо было самому сделать вербовочное предложение и убедительно доказать вербуемому, что другого выбора, кроме согласия, у него нет. У Людерсдорфа был свой метод вербовки. Он отличался от общепринятых тем, что был как

бы от противного и основывался на прекрасном знании русского национального характера. Большинство работников ЦРУ, встречаясь с перебежчиками из Советского Союза, всегда пытались наобещать им златые горы, если они соглашались сотрудничать. Кирилл действовал по-другому, что давало ему возможность быстро разобраться в истинных мотивах перебежчика. Он никогда волонтеру ничего не обещал, а, наоборот, говорил ему, что тот может встретить большие трудности на своем пути...

В мадридском аэропорту Кирилла встретил резидент Эндрюс и сразу повез его на конспиративную квартиру, где их уже ожидала Элизабет. Операция намечалась на следующий день в двадцать часов. Русский в это время должен был быть у Элизабет.

Именно ровно в этот час Кирилл позвонил в квартиру. Дверь открыла Элизабет и подтвердила, что гость здесь.

Войдя в гостиную вместе с Кириллом, Элизабет, обращаясь к побледневшему Лобкову, сказала:

— Рома, извини, мой шеф хотел бы с тобой познакомиться и поговорить. Я оставлю вас.

Она повернулась и вышла из квартиры.

— Добрый вечер, Роман Ефимович, давайте знакомиться, — сказал Кирилл по-русски, подходя к столу и протягивая огромную ручищу оторопевшему от неожиданности Лобкову.

Все это произошло так быстро, что Роман автоматически, словно загипнотизированный этим ворвавшимся с улицы верзилкой, протянул руку, пытаясь и не сумев приподняться с кресла.

— Меня звать Кирилл Борисович, — начал Людерсдорф, — я начальник русского отдела ЦРУ, специально прилетел в Мадрид, чтобы познакомиться с вами, хотя, Роман Ефимович, как вы, наверное, догадались, заочно я вас знаю очень, очень давно.

Лобкову словно подвесили пудовые гири к ногам и вдавили его в мягкое кожаное кресло, он еще продолжал испуганно таращить глаза на незнакомца, не зная, что предпринять, что ответить. Как бы предугадывая ход мыслей Лобкова и его состояние, нежданный визитер продолжал:

— Прошу, Роман Ефимович, правильно понять происходящее и цель моего визита. Вас никто не собирается ни вербовать, ни применять к вам силу, упаси Бог, в «вы цивилизованные люди. Да и смешно к вам применять насилие, вы дипломат, гражданин великой державы, защищены иммунитетом неприкосновенности. Я уверен, что мы с вами обо всем мирно договоримся, учитывая сложившиеся для вас обстоятельства. Просто я хотел бы попросить об одном маленьком одолжении. Вы ведь, я слышал,

собираетесь в отпуск?

— Да-а... — наконец выдавил из себя Лобков и испугался, не узнав свой голос.

— Не могли вы, — перебил его Людерсдорф, — оказать мне любезность передать Федору Ивановичу вот это.

Тут он вынул из внутреннего кармана небольшой пакет и положил его на стол.

— Простите, я вас не понял, какому Федору Ивановичу и что это? — проговорил Роман, хотя мысль опередила его слова и молнией обожгла мозг: «Неужели этот тип имеет в виду Быкова?»

— Сейчас я все объясню, но сначала давайте по русскому обычаю выпьем за знакомство по рюмочке. Вы что предпочитаете? Да что я спрашиваю-то, вы же пьете ваше любимое виски «Джонни Уокер. Черная метка». А я, извините, пью только «Столичную».

Сказав так, Кирилл по-хозяйски подошел к холодильнику, в котором, как у Хоттабыча, оказалась заветная бутылка водки, налил себе большую рюмку и со словами: «За встречу!» выпил залпом по-русски до дна, крикнул, взял со стола кусочек хлеба, понюхал и отправил в рот. Лобков как бы по инерции последовал за ним, пригубив стакан с недопитым виски.

— Вы спрашиваете, кто такой Федор Иванович? — продолжал Людерсдорф. — Ваш хороший знакомый, генерал Быков. А в пакете деньги, десять тысяч американских долларов. Ну, насчет передачи ему пакета с деньгами я, конечно, выразился фигурально, Роман Ефимович. Дело вот в чем. Мы хотим, чтобы вы заняли со временем место Федора Ивановича. Не удивляйтесь, пожалуйста, это не бред, не фантазия. Вы молоды, энергичны, талантливы, а Быков, так сказать, плюсквамперфект, давно прошедшее время, ему пора на печку. Надо уступать место молодым. Мы не собираемся вас вербовать, мы хотим помочь вам сделать карьеру и занять достойное вашим способностям место. Я больше скажу, мы вам уже помогаем. Вы спросите — как? Мы с вами профессиональные разведчики и все понимаем с полслова. Смотрите, Роман Ефимович, вы во второй заграничной командировке, два года уже пролетели, а у вас результат-то не ахти, кот наплакал. В первой командировке вы были молоды, перед вами и не стояли вербовочные задачи. А сейчас пора выдавать на гора, «сделать палку», как у вас в ГРУ выражаются, то есть вербовку. Ох, уж наш великий могучий русский язык! Вы можете возразить насчет результатов. Скажите, а Спарелли разве не кандидат на вербовку? Еще какой кандидат с главного объекта разведки. Вы же в Центр, надеюсь, о нем все сообщили? Да и материалы уже пошли в Центр, за которые вы получаете положительные оценки. Разве не так? То-то, все верно, вам и сказать нечего!

Тут Людерсдорф налил вторую рюмку, быстро опрокинул ее и, не давая Лобкову сказать ни слова, продолжил:

— Да, мы вам помогаем. Да, это правда. Спарелли наш кадр, Роман Ефимович, и работает под нашим руководством. И если вы постараетесь, то он будет давать вам и секретные документы. Короче, мы сделаем все, чтобы в Союз после командировки вы вернулись на коне, со щитом, а не на щите, как иногда бывает с разведчиками.

Оцепеневший поначалу Лобков стал приходить в себя от атаки Мефистофеля из Лэнгли. Помват зашевелился и вышел из столбнячного состояния. Людерсдорф заметил это и удвоил усилия.

— Это деньги ваши, — веско сказал он, показывая на конверт с пачкой долларов. — Они и нужны для решения задач, которые мы поставим перед вами. Не жалейте их на подарки. Не забудьте, у Марии Ивановны, жены Быкова, скоро юбилей, круглая дата, присмотрите ей подарочек. Не вздумайте экономить, дарить ей это барахло, которое вы скупаете по дешевке на толкучках. Мария Ивановна тонкая женщина, со вкусом, сумеет по достоинству оценить подарок. Уверен, вы будете среди приглашенных на юбилей. Наверное, поедете в какой-нибудь санаторий, перед этим зайдите к Рюрикову, к начальнику медслужбы, надеюсь, помните, какие сигареты он курит и какое виски пьет?

Лобков сидел, сраженный наповал монологом Кирилла Борисовича, не переставая удивляться его осведомленностью о ГРУ и о нем самом. А тот продолжал:

— Не забудьте Порфирия Ивановича Изуитова, но осторожно, не переборщите. Да и куратора в ЦК, в административном отделе, как его, запамätовал, на «С»...

— Сидоренко, — подсказал Роман.

— Да, да, Сидоренко, — подхватил энергично американец. — Вы же его лично знаете. Нанесите ему визит вежливости, он любит принимать приезжающих, особенно из-за кордона. Кстати, его должность в ЦК КПСС тоже для вас подходит, она может стать вакантной через несколько лет. Сидоренко засиделся на ней, пора его двигать на другое место. Наверное, ему тоже хочется размяться где-нибудь за рубежом в теплом местечке. По тайникам-то лазить у него не получилось, зато в начальстве он преуспел. Да, вот что я еще хотел вам сказать. Бросьте вы крутить любовь с этой Валюшей, как вы ее иногда называете в постели. Она может принести только неприятности, лишнюю головную боль. Вы же разведчик, должны понимать, что ваши шашни с ней могут стать известными в советской колонии, а значит, и офицеру КГБ по безопасности майору Дроздову. Тогда пиши пропало,

конец вашей карьере, а Быков вам уже не сможет, да и не захочет помочь вылезть из этого дерьма. Неужели вам не надоели ее постоянные вымогательства, истерики, угрозы? Сколько вы ей платите? Тридцать долларов. Уж если вам так невтерпёж, в Мадриде есть прекрасные публичные дома и не дорого, но зато безопасно и гигиенично, не то, что с этой шлюхой.

Лобков слушал эти наставления, краснея и бледнея, и думал, что здорово влип, что нет пути к отступлению. «Этот толстяк не оставил мне никаких шансов, все мосты сожжены. Они все обо мне знают, да не только обо мне, — размышлял Роман. — Я тоже хорошо, связался с этими бабами».

А искуситель из ЦРУ, судя по всему, уже закруглялся, посчитав, что дело сделано. Он снова подошел к стойке бара, взял бутылку «Столичной», налил третью рюмку и, обращаясь к Лобкову, сказал:

— Ну ладно, давайте, земляк, на посошок. А почему, земляк, расскажу вам на следующей встрече. Надеюсь, мы поняли друг друга и станем со временем друзьями. У вас еще отпуск-то не сорок пять суток, выслуги не хватает, молоды. Значит, будете обратно где-то в двадцатых числах сентября. Правильно я подсчитал, Роман Ефимович?

— Правильно, — угрюмо буркнул в ответ Лобков.

— Тогда я вам предлагаю вот что, — продолжал Людерсдорф. — Обмозгуйте все как следует, не спешите, перед отъездом в Москву обязательно встретьтесь с итальянцем, у него кое-что есть очень интересное для вас, в Центре пройдет на «ура». Приедете из отпуска, оставьте записку под дверью, напишите только дату и время, больше ничего. Я буду вас ждать здесь. Тогда спокойно все и обсудим, выработаем надежные условия связи. Вы человек умный и рассудительный, уверен, все будет о'кей! — Кирилл поднял свою рюмку, протянул ее Роману, они чокнулись и выпили. — Возьмите деньги и не жалейте их, — сказал Людерсдорф, отпуская Лобкова. — Черкните вот здесь для бухгалтерии, — пододвинул он небольшой листок, на котором было напечатано несколько строчек.

Лобков мельком пробежал глазами текст и расписался.

— Ну, а теперь, — пряча в карман расписку, продолжал американец, — желаю вам хорошо отдохнуть. Кланяйтесь от меня России-матушке и до встречи в сентябре.

Они молча пожали руки, и Лобков быстро вышел из квартиры.

Проводив гостя, Людерсдорф налил себе еще водки, выпил и тяжело опустился в кресло. Он почувствовал какое-то внутреннее опустошение вместо радости от очередной одержанной победы. У

человека так бывает: после достижения поставленной цели вместо радости вдруг наступает депрессия и апатия. Кирилл вышел на улицу, остановил такси, сел на заднее сиденье, коротко бросив шоферу: «Шератон». Приняв душ в гостинице, Людерсдорф позвонил в Вашингтон и условной фразой в разговоре сообщил:

— Доложите директору, операция проведена успешно.

Телефонный звонок застал Лобковых в постели. Было уже десять утра, но супруги еще спали, потому что вчера поздно прилетели самолетом из санатория и добрались до дома за полночь. Как всегда, отправка из сухумского аэропорта превратилась в настоящий штурм самолета, который пассажиры брали на бордаж. Долго дожидались рейса на Москву, который постоянно откладывался по непонятным причинам. Наконец с опозданием на несколько часов объявили посадку. Измученные от ожидания и жары, пассажиры, не соблюдая никакие правила, ринулись толпой к трапу с сумками и баулами с фруктами. Был сезон сбора мандаринов, и шустрые торгаши стремились в Москву на рынки. Уговоры администрации соблюдать порядок не действовали, южный темпераментный народ лез по трапу в самолет, рискуя сломать себе шею. Трап качался под тяжестью и мог в любое мгновение рухнуть, но это людей не останавливало. Лобовым, отвыкшим за границей от таких диких порядков, удалось каким-то образом оказаться на борту самолета. Они даже не поняли, как это случилось, их просто туда внесли. Когда машина поднялась в воздух, оказалось, что еще были свободные места.

Во Внуково действовали свои московские порядки. Около двух часов пришлось ожидать багаж, поймать такси было невозможно, рейсовые автобусы почему-то не ходили. Лобкову удалось с трудом найти частника, шофер обрадовался и сразу согласился, когда Виктор дал ему какую-то иностранную безделушку. За несколько пачек сигарет «Мальборо» довез до дома и/ как показалось Роману, был страшно рад, благодарил и помог донести багаж до подъезда дома.

По долетавшим до слуха Романа из прихожей отдельным словам Лобков понял, что жена разговаривала по телефону с кем-то из категории VIP^[16], как он имел обыкновение выражаться. Сонный, недовольный вначале голос супруги мгновенно переменил свой тон и зазвучал радостным колокольчиком. То и дело в ее речи повторялись слова: большое спасибо, с удовольствием, конечно, обязательно.

Через несколько минут жена с шумом ворвалась в спальню с

довольной улыбкой и объявила:

— Вставай, соня, Мария Ивановна в субботу приглашает нас на юбилей в Апрелевку. Давай думать, что подарим. На таких людей нельзя скупиться.

«Надо же, — мелькнуло в голове у Лобкова, — толстяк-то как в воду глядел».

Сон уже как рукой сняло, и он, загадочно улыбаясь, проговорил:

— Знаешь, дорогая, я предвидел, что мы будем среди приглашенных, и припас кое-что загодя перед отъездом в отпуск.

— Ты шутишь или серьезно? Ты меня удивляешь, никак не ожидала от тебя такой прыти, что переплунешь меня в бабьих делах, — удивленно, с недоверием, широко открывая свои миндалевидные черные глаза проговорила Раиса. — Давай показывай, если не шутишь, что ты там припас?

Роман не спеша, поддразнивая жену, сгоравшую от нетерпения и любопытства, сел на кровать, пошарил голыми волосатыми ногами по полу, отыскивая шлепанцы, встал и вышел из спальни. В гостиной он взял свой модный дипломат фирмы «Самсонайт», набрал шифр и, открыв его, вынул небольшую коробочку, завернутую в золотистую бумагу, перевязанную красной ленточкой с бантиком. Войдя в спальню, Лобков протянул коробочку жене и сказал:

— На, открывай, только осторожно, чтобы упаковку не нарушить, и оцени наш с тобой подарок Марии Ивановне.

Раиса Михайловна недоверчиво, косясь на мужа, явно не ожидавшая такого поступка, взяла коробочку, потянула осторожно за конец шелковой ленточки, развернула золотистую шуршащую бумагу и отложила ее аккуратно в сторону на кровать. На ладони лежала небольшая плоская белая коробочка из твердого картона. Рая двумя пальцами потянула вверх тугую крышку. На синем бархате лежала золотая брошь, похожая на музыкальный скрипичный ключ, с семью маленькими бриллиантами.

Кто-кто, но Раиса Михайловна знала толк в драгоценностях. От неожиданности, чуть не выронив коробку из рук, она опустилась на кровать, потом медленно подняла свои красивые глаза на мужа, с трудом отрывая их от броши, и проговорила:

— Откуда она у тебя, на какие шиши ты ее приобрел? Ведь ей цены нет.

Действительно, Раиса Михайловна знала цену таким вещам. У ней был богатый опыт хождения по ювелирным магазинам. Этому занятию она посвящала много времени, находясь за границей.

— Вижу, эта брошь из дорогого магазина, — продолжала допрос жена. — Просто у меня в голове не укладывается, как ты сумел с твоим вкусом купить эту брошь? Посмотри, случайно у тебя получилось или ты это специально подобрал? Ведь брошь удивительно напоминает музыкальный скрипичный ключ. Представляешь, что будет значить это для Марии Ивановны, профессионального музыканта?

Роман слушал, улыбаясь, эмоциональное выступление жены и медлил с ответом. Потом сказал, не отвечая прямо на поставленный вопрос:

— Ну, я вижу, тебе понравился подарок, ты по достоинству его оценила и правильно рассуждаешь, что на таких людей, как Мария Ивановна, скупиться не стоит. Ведь от нее во многом зависит моя карьера, наша с тобой жизнь после возвращения из командировки. Давай договоримся, после юбилея я тебе все расскажу. Идет?

— Идет, — с неохотой ответила Раиса.

В глазах жены мелькнула какая-то тень, словно в них погас свет. Роману показалось, что она ошарашена таким подарком Марии Ивановне и в то же время огорчена, потому что ей в глубине души было жалко дарить такую дорогую вещь чужому человеку. Почувствовав эту неловкость, Лобков подошел к жене, нежно обнял ее за плечи и сказал:

— Не сожалею и не грусти, моя дорогая, я ведь не забыл и о тебе.

С этими словами Роман Ефимович снова взял свой кейс и извлек из него другую коробочку, но уже без подарочной обертки.

— Это тебе, радость моя, — протягивая жене, улыбаясь, проговорил Роман.

Глаза жены вновь вспыхнули огнем, радостным ожиданием, она быстро схватила коробочку и открыла ее. На мгновение зажмурилась как от яркого света и бросилась в объятия к мужу, обхватив его крепко руками за шею. В коробке было золотое кольцо с бриллиантом, именно то самое кольцо, которое она несколько раз показывала мужу во время их вечерних прогулок на витрине дорогого ювелирного магазина. Некоторое время Раиса Михайловна сидела молча, оцепенев, потом надела кольцо на палец, повертела ладонью, примеряясь, и, словно проснувшись, спросила:

— Но откуда у тебя такие шикарные штучки? Ведь они стоят безумные деньги.

— Я нашел клад, — отшутился муж. — Потерпи, все расскажу после юбилея, как обещал.

— Ну хорошо, хорошо, не буду к тебе приставать, потерплю.

Спасибо большое. Мне надо подумать, что одеть на юбилей, там наверняка соберутся важные гости, да и прическу надо сделать, — проговорила жена и, напевая что-то веселое себе под нос, отправилась в ванну.

«Как мало надо женщинам, чтобы быть счастливыми», — подумал Лобков.

В субботу супруги с Киевского вокзала на электричке отправились в Апрелевку. Они чуть было не опоздали и сели почти на ходу в последний вагон.

Начало торжества было назначено на три часа дня. Супруги не раз были на даче у Быковых. Когда они несколько лет тому назад впервые приехали к ним на дачу, то сначала чуть не заблудились, хотя довольно легко нашли калитку с номером указанного им участка. Она была не заперта, они вошли, но не увидели никакого жилья, кругом был лес: вековые сосны и ели с заросшим густым кустарником и тропинка, ведущая вглубь леса. Стояла тишина, и было как-то жутковато. Они осторожно двинулись вглубь. Через некоторое время среди деревьев показались контуры какого-то большого строения. Подойдя ближе, супруги увидели большой рубленый дом на высоком мощном фундаменте. Оказалось, что они подошли к дому с другой стороны и не увидели широкую асфальтированную дорогу, которая вела к фасаду.

Потом они много раз бывали здесь, и этот великолепный добротный дом им был хорошо знаком. Огромный лесной массив был передан после Великой Отечественной войны по указанию Сталина под дачи заслуженным генералам в вечное пользование. В то время дачи еще не были так распространены среди населения, до войны люди предпочитали снимать избы в деревнях на летний период, поэтому некоторые генералы, которым была положена такая привилегия, от нее отказывались.

Отец Марии Ивановны был заслуженный генерал, и Быковым досталась эта дача по наследству. Под генеральские дачи выделялись участки в девственном лесу площадью до одного гектара. Дачи строили солдаты-стройбатовцы из хорошего добротного лесоматериала, привозимого откуда-то из Сибири. Дом Быковых получился просто великолепный: большой, просторный, двухэтажный, с прекрасной террасой, перестроенной позже Марией Ивановной под западный стиль с большими, почти до земли витражами, обращенными на лужайку.

Ровно в три супруги Лобковы подошли к дому Быковых. На лужайке перед дачей на длинном деревянном столе стояли в графинах соки, бутылки виски, джина, водки. Гости, празднично

одетые, группками по три-четыре человека с бокалами в руках негромко беседовали в тени деревьев. Мария Ивановна, нарядная, раскрасневшаяся от хлопот и комплиментов гостей, суетилась, то и дело убегая на кухню и давая какие-то указания прислуге. Супруга Быкова была еще женщина, как говорят, в соку, она отмечала свой пятидесятилетний юбилей, ее еще не тронула полнота, которая часто бывает спутницей многих русских женщин в этом возрасте, любителей хорошо и сытно поесть и на десерт полакомиться сладостями. Ее нельзя было назвать красавицей, но в ней был какой-то шарм, что-то неуловимо привлекательное, особенно в осанке и задумчивых серых мечтательных глазах. Она выросла в семье военнослужащего и с юных лет привыкла к окружению и вниманию офицеров. И по всей видимости, не одному когда-то вскружила голову. Ее муж Федор Иванович был почти на десять лет старше ее. Это был широкогрудый, крепко скроенный мужик, небольшого роста, такой тип часто встречался в предвоенные годы в русских деревнях. Он прошел всю войну от звонка до звонка, начав ее политруком, потом попал в штаб армии инструктором политотдела, где начальником был отец Марии Ивановны. С этого времени судьба связала их надолго. Мария Ивановна вышла замуж за Федора Ивановича очень молодой — ей едва исполнилось восемнадцать. Не без помощи тестя Федор Иванович после окончания Военно-политической академии имени Ленина попал в ГЛАВПУР^[17], затем в ГРУ. Он не плохо показал себя на оперативной работе за рубежом и после заграникомандировки сначала служил в административном отделе ЦК КПСС на Старой площади, а потом был переведен на руководящую работу в разведывательный главк. Федор Иванович пользовался авторитетом, его уважали в управлении за простоту в общении с подчиненными. Но постепенно его засосала номенклатурно-бюрократическая среда. Он привык к подхалимажу подчиненных, полюбил подарки и подношения и сам научился давать, хотя в глубине своей души оставался простым мужиком, которому претила атмосфера, царившая в стране.

Мария Ивановна в нарядном платье из иранского шелка встречала прибывающих гостей у входа на террасу. Раиса бросилась в объятия к юбилярше, целуя ее, протягивая ей цветы с подарком и щебеча какие-то стандартные в таких случаях поздравительные слова. Роман Ефимович скромно стоял рядом и улыбался, дожидаясь сказать пару слов. Недалеко на лужайке под деревьями прибывшие гости наблюдали, на минуту притихнув, за этой сценой.

Юбилярша отложила цветы в сторону и громким голосом

сказала:

— Ну что же, как говорят, положено подарок посмотреть.

Она дернула за ленточку, сняла оберточную бумагу и открыла крышку коробки. Ее глаза одновременно выразили и восторг и удивление. Мария Ивановна на мгновение зажмурилась и сразу захлопнула крышку.

— Ох, — только и вырвалось у нее из груди, — вы с ума сошли, — тихим голосом произнесла она.

Она обняла обоих, прижав их к своей полной еще упругой груди и тихо прошептала:

— Спасибо, мои дорогие.

Раиса Михайловна поспешила к женщинам, сбившимся у клумбы с цветами и сгоравшими от любопытства узнать, что за подарок вручили Лобковы. Среди женщин Раиса сразу заметила несколько знакомых: дочь Быковых Татьяну, жену заместителя министра внешней торговли Ларису Иосифовну Журавскую, давнишнюю знакомую родителей. Роман подошел к мужчинам, которые у столика под сосной потягивали аперитив. Все были ему хорошо знакомы. Хозяин, Федор Иванович, гладко выбритый, в штатском костюме, который делал его значительно моложе, по-спортивному складный, круглолицый, с лысеющей головой, улыбаясь, крепко пожал Роману руку, приглашая что-нибудь выпить. Сидоренко, высокий, худощавый, протягивая руку, спросил:

— Давно приехал?

— Два дня тому назад вернулся из санатория, через десять дней улетаю обратно в страну, — ответил Лобков.

— Что же ты к нам не заглянешь? — продолжал расспрашивать Сидоренко. — Когда собираешься совсем на родину возвращаться?

— Обязательно зайду. А на родину — как прикажет начальство. Командировка кончается через год, — отвечал Роман.

— Вы, Федор Иванович, планируете, наверное, его у себя использовать после возвращения? — обратился Сидоренко к Быкову.

— Понимаете, Виктор Федорович, — отвечал генерал, — здесь свои, можно сказать. На участке о Романе Ефимовиче очень хорошо отзываются, поэтому я бы его взял с удовольствием к себе в аппарат, но, по всей видимости, придется побороться с оперативниками.

— Ну что ж, молодец, — вновь вступил в разговор Сидоренко, обращаясь больше к Лобкову. — В принципе для тебя найдется место и у нас. Твои успехи только увеличивают твои шансы. Нам нужны хорошие оперативники с опытом зарубежной работы, тем

более положительным опытом.

— Большое спасибо, — отвечал Роман, — я буду стараться оправдать ваше доверие. Может быть, еще рано думать об этом?

— Ничего, ничего, — вмешался до этого молчавший работник политотдела Круглов. — Не заметишь, как год пролетит и надо будет паковать коробки.

Круглов служил в политотделе уже несколько лет и занимался оперативными вопросами. До этого дважды работал за рубежом, но без особых успехов, оперативники в шутку его называли Леня-гармонист. В войсках до ГРУ он был начальником клуба, руководил самодеятельностью и очень любил играть на гармошке. Редко без него обходились на свадьбах, гулянках, праздниках. Короткое время проработал после возвращения из заграникомандировки в оперативном управлении. Его непосредственный начальник Катков, человек грубоватый и бесцеремонный, расставаясь с ним, не скрывая радости, — говорил:

— Да, Леонид Николаевич, хотел я из тебя сделать разведчика, но у меня ничего из этого не вышло, извини. Иди в капелланы, там ты будешь чувствовать себя как рыба в воде.

Круглов очень изменился, его фигура приобрела солидность, он раздался в плечах, в лице появились важность и значимость. Он стал членом парткома главного управления, и его права значительно увеличились. Через несколько лет представился случай отомстить Каткову за обиду. На парткоме разбирались Катков за плохое руководство резидентурой. Леонид Николаевич выступил с гневной обвинительной речью. Он был мастер жонглировать коммунистической фразеологией. Каткову вlepили строгача по партийной линии. Леонид Николаевич и днем и ночью видел себя на Старой площади, место гарантировало красные лампасы и дальнейшее продвижение по службе. Но по всей видимости, были какие-то неизвестные для него препятствия.

Гости между тем все прибывали, асфальтированная площадка перед домом заполнялась автомашинами. Наконец всех пригласили к столу, накрытому на террасе. Мужчины и женщины рассаживались, позвякивали ножами и вилками, наполняя тарелки закусками, раздавалось хлопанье пробок шампанского. Наконец все уселись, смолкли голоса, смех, наступила минута ожидания. Взоры гостей обратились к виновнице торжества, сидевшей во главе стола.

Федор Иванович с бокалом шампанского поднялся и, как опытный оратор, выдержав небольшую паузу, произнес тост в честь своей супруги.

Гости, а их было человек сорок, с криком «ура!» шумно поднялись из-за столов и стали чокаться с Марией Ивановной.

Осушив бокалы, гости сели, и на некоторое время наступила тишина, нарушаемая изредка характерным позвякиванием ножей и вилок о тарелки, да редкими просьбами друг к другу передать салат или какую-нибудь закуску. Постепенно разговор возобновился, последовали новые тосты, гости старались вовсю перещеголять друг друга в преданности и любви к Марии Ивановне, произнося свои здравицы.

Веселье еще долго продолжалось. Поздно вечером гости стали разъезжаться. Лобковы, несмотря на предложения некоторых гостей подбросить их до Москвы на машинах, отказались и отправились пешком до станции.

Роман изрядно выпил и был в хорошем настроении, ведь удалось познакомиться с важными людьми, переговорить с Быковым и Сидоренко, заручиться их поддержкой.

Стояло начало сентября, но погода была по-летнему теплая. Звезды ярко горели в небе, луна освещала дорогу, ведущую к станций. Лобковы не спешили, до электрички еще было достаточно времени.

— Знаешь, что я тебе скажу, — начала разговор Раиса Михайловна, — наш подарок сразил Марию Ивановну наповал, да не только ее, все женщины были от подарка в восторге, только и разговоры были о нем. Уверена, подарок был самый лучший и дорогой.

— Еще бы, — вставил Роман, — я за него отвалил две тысячи долларов.

— Рассказывай, где нашел клад? — потребовала жена.

Лобков давно продумал свою версию и начал:

— Помнишь, мы в магазине у Родригеса покупали мебель?

— Конечно, помню. Ну и что? — ответила Рая.

— Так вот, слушай, ты еще тогда предложила выписать нам два счета, настоящий и фиктивный для отчета в посольстве. Мы ему тогда отвалили за это несколько банок икры и водки. За счет разницы мы с тобой имели около тысячи долларов.

— Помню, но не понимаю, к чему ты клонишь. Мы так неоднократно делали с кремплином, бензином. Думаю, в этом мы с тобой были не одиноки, — подтвердила жена.

— Перед отъездом в Москву, — продолжал Лобков, — я заглянул к Родригесу. Он пригласил меня к себе в кабинет. Сидели, пили кофе, беседовали о том о сем. Вдруг вошел в кабинет здоровенный мужик, лет пятидесяти, и обратился ко мне по-русски, называя меня по имени и отчеству, как будто мы с ним были знакомы. Я обалдел от неожиданности. Родригеса как

ветром сдуло. Короче, этот верзила представился начальником из ЦРУ, выложил на стол копии наших счетов, фотографии, как мы с тобой давали водку, икру, расплачивались с Родригесом. Предложил не давать делу ход в обмен сама знаешь на что. Что мне оставалось делать? Он поразил меня своими знаниями ГРУ. Никаких особых условий не ставил, сказал, что хочет помочь мне в продвижении по службе у Быкова или на Старой площади, дал десять тысяч долларов на подарки. И что совсем меня поразило, сказал: „Мария Ивановна наверняка пригласит вас на свой юбилей, надо преподнести ей хороший подарок, не скупитесь”. Он знал, что у нас хорошие отношения с Быковыми и с Сидоренко. Наверное, у них кто-то сидит в ГРУ и стучит. Вот, собственно, все, сама понимаешь, мне некуда было деваться в такой ситуации. Никаких бумаг я не подписывал, — соврал Лобков.

Раиса Михайловна молчала и не перебивала мужа. Она довольно спокойно выслушала исповедь. По всей видимости, приведенные аргументы супруга и доля ее личного участия во всем этом взяли верх над всеми возможными негативными последствиями случившегося.

— Отступать нам с тобой теперь некуда, снявши голову по волосам не плачут, — тихо произнесла жена. — Нам надо теперь быть вдвойне осторожными и полностью использовать нашу выгоду. Десять тысяч долларов, которые ты потратил на подарки, — это ничто. Что нам осталось? Копейки, жалкие крохи. Раз согласился им помогать, надо поставить наши условия. Ты с этим типом из ЦРУ будешь встречаться в Мадриде?

— Да, в конце сентября, — ответил Лобков.

— Так вот, — решительно сказала жена, — надо потребовать от них сто пятьдесят тысяч долларов. Время быстро пролетит, и надо будет собираться домой, а там ищи нас свищи.

— Может быть, — неуверенно произнес безучастным голосом Лобков, и почему-то ему на ум пришла сказка Пушкина о золотой рыбке.

Супруги еще долго обсуждали детали и линию своего поведения в дальнейшем. Теперь они были крепко связаны одной веревочкой. Домой добрались поздно на последней ночной электричке.

Оставшиеся десять дней до отъезда в страну Лобкову пришлось изрядно потрудиться. Особенно много хлопот доставило Управление информации. Многие сообщения, полученные от итальянца Спарелли по Юго-Западному ТВД, требовали уточнений, конкретизации, документальных подтверждений. Один дотошный информатор даже нашел какие-то противоречия в сообщениях источника. По его мнению, они не

совсем согласовывались с агентурными данными, полученными от других агентов.

На участке с Лобковым носились как с писаной торбой: оперативники знали, кто его протеже, да и сам Роман не скрывал этого и щедро направо и налево раздавал подарки, привезенные из-за границы, укрепляя свой авторитет. Направленец сообщил Лобкову перед отъездом под большим секретом, как он выразился, что во время его отпуска военный атташе прислал из страны на него аттестацию, которую еще не показывали начальству. У Лобкова были с начальником натянутые отношения, которые иногда выливались в небольшие стычки и словесные перепалки. В немалой степени этому способствовало вызывающее поведение самого Романа. Непростые у него были отношения и с работниками резидентуры. Многие относились к нему внешне доброжелательно, зная о его связях, но за глаза недолюбливали, причисляя к разряду «блатных». В аттестации, которая в общем была положительная, были некоторые неприятные для Лобкова замечания. В частности, военный атташе писал, что помощник не отличается трудолюбием и выполняет работу без должной тщательности, малоинициативен и склонен к подхалимству. Много времени проводит в ненужных разговорах с сотрудниками посольства, решая свои личные дела. Роман, прочитав аттестацию, не стал ее визировать, назвав ее вымыслом человека, которому пора на пенсию. Военный атташе действительно был человек преклонного возраста и отличался прямолинейным бескомпромиссным характером. Он не стеснялся высказывать свои критические замечания в адрес высокого начальства, что далеко не всем нравилось.

Пятнадцатого сентября Лобковы прибыли в Мадрид из отпуска.

Военный атташе встретил его вопросом:

— Нажаловался на меня в Центре?

— Никому я ни на кого не жаловался, — ответил Лобков.

Он не знал, что по указанию начальства аттестация была возвращена в страну с рекомендацией ее исправить.

Как договорились, Роман оставил на квартире Элизабет короткую записку под дверь: «25.09, 20.00».

Лобков ехал на встречу с Людерсдорфом не без боязни и волнения. Он, как разведчик, понимал, какой опасности подвергал себя и свою семью. Став двойным агентом, Роман тщательно проверялся, страх заставлял его теперь опасаться и американцев и своих. А тут еще Валентина. Он избегал встреч с ней и как огня боялся, когда она бросала на него взгляд своих

черных пронзительных глаз во время демонстрации фильмов в клубе.

Людерсдорф встретил его на квартире один. Широко улыбаясь, Кирилл протягивал Лобкову, как старому знакомому, свою огромную руку, приглашая к столу. Роман заметил, что стол был накрыт на двоих. Его ждали.

— Милости просим, — басил Кирилл, здороваясь. — Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Вижу по вашему загару, земляк, что не плохо отдохнули в России-матушке. Ох, когда же я туда выберусь, поклониться родной земле, не знаю, и выберусь ли когда. Ну, рассказывайте, как там, что нового? Где-нибудь на юге были, наверное, в санатории?

— Да, угадали, — отвечал Лобков. — Был на юге. Отдохнул не плохо. Почему вы меня называете земляк? Вы обещали рассказать.

— Верно, охотно расскажу, — начал Людерсдорф, бросив свое грузное тело в кресло так, что жалобно запищали пружины. — Дело в том, что вы, насколько мне известно, из Саратовской области, а мой покойный батюшка имел до революции в Саратовской губернии родовое имение. Так что мы с вами, получается, земляки, хотя я там никогда не был.

Постепенно разговор перешел к серьезным темам. Лобков подробно доложил о своих встречах с Быковым и Сидоренко, о юбилее у Марии Ивановны, подарках нужным людям, о перспективах дальнейшей работы после возвращения из-за рубежа. Людерсдорф внимательно слушал, изредка задавал уточняющие вопросы. Его особенно интересовала возможность устройства Лобкова после возвращения в Союз на Старой площади. Затем разговор зашел и о Спарелли. Роман сообщил Людерсдорфу, что возникли некоторые сомнения в достоверности переданной им информации и требовалась конкретизация отдельных моментов. Кирилл обещал уладить эти вопросы и сделать так, чтобы на следующей встрече Спарелли передал бы дополнительную уточняющую информацию.

В конце встречи Лобков поставил перед Людерсдорфом свои условия дальнейшего сотрудничества. В качестве основного фигурировало требование единовременно выплатить сто пятьдесят тысяч «зеленых». Опытный цэрэушник, по всей видимости, не ожидал такой прыти. Он долго задумчиво молчал, потом сказал, что ему нужно время на принятие такого серьезного решения.

Договорились встретиться через неделю. Людерсдорф предложил в качестве компенсации за испрашиваемую сумму подготовить ответы на несколько вопросов по резидентурам КГБ и

ГРУ в Испании.

На следующей встрече Кирилл передал Роману под расписку сто пятьдесят тысяч американских долларов и получил от него информацию по резидентурам.

В дальнейшем Людерсдорф встречался с агентом регулярно один раз в два-три месяца, ставил ему конкретные задачи, получал информацию, обучал тайнописи и шифрпереписке, отрабатывал условия конспиративной связи.

Людерсдорф был доволен агентом, перед которым открывались широкие перспективы.

Глава 5

КОНТРАРАЗВЕДКА ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Майор Дроздов Сергей Николаевич, заместитель резидента КГБ по безопасности, никак не мог отделаться от вчерашнего разговора с Андреевым, шофером торгпредства. Он постоянно в своих мыслях возвращался к этому разговору, пытаясь его осмыслить и проанализировать.

Вчера, в субботу, в клубе посольства, как обычно, демонстрировался кинофильм. Показывали новую картину «Белый снег России». Клуб два раза в неделю, по вторникам и субботам, собирал всю советскую колонию. Люди приезжали посмотреть фильм, послушать выступление заезжих артистов, ученых или политиков, просто пообщаться друг с другом. Здесь можно было поиграть в шахматы, шашки, в настольный теннис, в бильярд, просто поболтать с коллегами, знакомыми и друзьями. Сергей Николаевич уже три года работал в Испании и хорошо знал людей советской колонии не только по долгу службы, но и в силу своего общительного характера. Ни одно мероприятие в колонии не проходило без его участия. Он был прекрасный спортсмен, хорошо играл в волейбол, чему не в малой степени позволял его высокий рост и худощавая фигура, участвовал в соревнованиях в настольный и большой теннис.

В праздники Дроздов выступал в самодеятельности и не плохо пел под аккордеон. Люди тянулись к нему и искали с ним общения. Он не похож был на неразговорчивых молчаливых контрразведчиков.

В субботу после фильма Дроздов и Андреев, как они часто делали, сыграли несколько партий в шашки. Оба были заядлыми шашкистами и играли примерно одинаково. Поэтому их партии превращались часто в бескомпромиссные интересные сражения и собирали много зрителей. После шашек приятели сыграли партию в бильярд. Во время игры всегда можно было поговорить, узнать друг от друга какую-нибудь свежую новость. Валентин Петрович Андреев был опытный шофер, до заграникомандировки работал на рейсовом автобусе в Москве, у него был зоркий глаз и острый язык. Дроздову было интересно послушать иногда его оригинальные суждения. И на этот раз не обошлось без наблюдений и острот водителя.

— Знаете, Сергей Николаевич, тут я на днях забавную сцену наблюдал в супермаркете, — начал Андреев.

— Какую сцену? — поинтересовался Дроздов, натирая мелом

кий перед ударом.

— Сижу в машине на парковке у супермаркета, — продолжал Валентин, — ожидаю жену. И вдруг вижу, наш холостяк Лобков из военного атташата...

Андреев на несколько секунд умолк, прицеливаясь, и, заказав туза два борта дуплетом к себе в среднюю, пробил. Шар, мягко ударившись о бархатный борт, отскочил и покатился медленно в противоположную лузу, на мгновение застыл у края, как бы раздумывая, падать или нет, качнулся и скатился в сетчатый мешок.

— Так вот, вижу, Лобков помогает англичанке грузить ее пакеты в свою машину. Ну, думаю, силен наш военный, настоящий кавалер. Погрузил покупки, заодно прихватил с собой англичанку и укатил. Я потом сообразил, что у мадам, по всей видимости, не завелась ее машина или еще что. Короче, так поступают настоящие джентльмены. Собирался ему сказать, выразить свое восхищение, но никак его не увижу. Обязательно скажу при встрече.

— Обожди, обожди, — запротестовал энергично Дроздов. — Какой Лобков холостяк, что ты мелешь, какая англичанка, ты что-то путаешь.

— Ничего я не путаю, отвечал водитель. — Ведь у него жена в Союзе, значит, он холостяк. Можно у него спросить...

— А откуда ты взял, что он подвозил англичанку? — допытывался Сергей Николаевич, притворившись, что не знал, что жена Лобкова в Москве.

— Как откуда, она же по пятницам всегда бывает в супермаркете, где и наши все отовариваются, я ее там много раз видел, — продолжал Андреев. — Слышал, она говорила по-английски, да и машина у нее с английским дипномером.

— Послушай, Валентин, — насторожился Дроздов, — ты обо всем этом кому-нибудь говорил?

— Нет, никому, даже жене не сказал, — ответил Андреев.

— Знаешь, не надо на эту тему ни с кем разговаривать. Слухи, сплетни в колонии распространяются с космической скоростью. Можно только навредить, люди из мухи сделают слона, а у Лобкова жена, может быть, ревнивая, — попросил Сергей Николаевич Валентина.

— Ну что вы, могила, никому не говорил и не скажу, — с готовностью согласился Валентин.

Он знал, что Дроздов товарищ серьезный и слов на ветер не бросает.

Рассказ Андреева не только толкал Сергея Николаевича к серьезным размышлениям, но и подвигал к конкретным

действиям. Прежде всего ему захотелось выяснить, что за иностранка, с которой помват вступал в контакт. Одна из его забот-обязанностей была оградить советских людей от подходов иностранных спецслужб, которые активно работали в стране, пытаясь склонить к сотрудничеству. О Лобковых у него была противоречивая информация, которая в основном базировалась на сплетнях и домыслах. Как-то ему пришлось быть свидетелем разговора библиотекарши посольства с одной женщиной. Речь шла о Валентине Мироновой. Женщина не видела Сергея Николаевича, который стоял между стеллажами и выбирал книги. Они вовсю перемывали косточки шустрой Валентины, обвиняя ее в том, что она, стараясь как можно больше заработать, бралась за любую грязную работу, убирала на виллах сотрудников военного атташата. Трудно было сказать, что больше было в этих словах — искреннего осуждения или зависти. Особенно Дроздова тогда насторожила брошенная библиотекаршей фраза: «Знаю я, она не только там на вилле Лобковых полы трет, но и еще кое-что...»

Тогда Сергей Николаевич не обратил на эти слова внимания, посчитав их за бабьи сплетни и зависть, хотя у него была кое-какая негативная информация на жену шифровальщика Миронова. Дроздов решил посоветоваться с резидентом, его особенно беспокоил вопрос о Валентине, так как муж был офицером резидентуры КГБ. Сергей и резидент долго обсуждали этот деликатный вопрос и в конце концов решили пока не вмешиваться, боясь навредить. Миронов был отличным офицером и к нему никаких претензий не было. Мужа не стали ставить в известность, но ситуацию решили держать под контролем. В Центр также ничего не сообщили, учитывая, что срок командировки Мироновых подходил к концу. Дружба Валентины с разбитной Светланой Бойко наводила Дроздова на определенные мысли.

В конце концов после глубоких размышлений и сомнений контрразведчик решил еще раз переговорить с Андреевым: незнакомая иностранка не давала ему покоя.

Они снова встретились в клубе за партией в шашки. Улучшив момент, Сергей Николаевич спросил:

— Валентин, не сможешь мне взглянуть на эту англичанку, о которой ты рассказывал прошлый раз и которую неоднократно встречал в супермаркете?

— Почему бы нет, — ответил Андреев, — с удовольствием. Я ее хорошо знаю в лицо, броская симпатичная блондинка. Она по пятницам всегда там.

— Хорошо, — продолжал Дроздов, — давай договоримся: в следующую пятницу вместе поедим за покупками в супермаркет.

Только к тебе одна просьба. Об этом никому.

— Ну что вы, Сергей Николаевич, вы же мне уже говорили, — обиделся Валентин.

Когда Дроздов и Андреев приехали в супермаркет, блондинка не появилась. Пришлось убираться не солоно хлебавши. Только на третий раз загадочная незнакомка оказалась в супермаркете. Удалось не только ее разглядеть, но и сфотографировать и проследить за ней до ее дома. Для этой цели Дроздов привлек двух оперативников из резидентуры с опертехником, которые все аккуратно выполнили так, что даже Андреев ничего не заметил.

Получив фотографии и адрес местожительства иностранки, Дроздов легко установил ее личность и место работы. В справочнике дипкорпуса в Испании она проходила как сотрудник посольства Великобритании Элизабет Грин.

Собственно, на этом все и закончилось бы, если бы не одно обстоятельство, которое заставило по-иному взглянуть на всю эту проблему.

Дроздов регулярно встречался с одним из своих агентов, который работал автомехаником в небольшой мастерской по ремонту автомобилей. Сергей познакомился с ним два года назад, попав в небольшую аварию. Гомес, как звали агента, блестяще восстановил его автомобиль. С тех пор у них завязалось знакомство, которое переросло в доверительные отношения. Испанец восхищался Советским Союзом и выражал готовность бескорыстно нам помогать, хотя какими-то конкретными агентурными возможностями не обладал. Некоторые начальники отрицательно относились к этому знакомству, упрекая Дроздова, что он возится с Гомесом, напрасно теряя время.

— Ведь от него толку, как от козла молока, — упрекали его в Центре.

Но у Сергея была своя точка зрения на такую категорию людей в разведке. Его опыт убедительно свидетельствовал, что такие маленькие, но преданные люди иногда делают великие дела. Дроздов продолжал поддерживать и укреплять доверительные отношения с Гомесом, получал наводки на интересных людей, ставил ему различные посильные для него задачи по изучению оперативной обстановки в стране.

На одной из встреч Гомес рассказал Дроздову, что один его хороший знакомый электрик, обслуживавший периодически здание местной контрразведки, был свидетелем, как испанские контрразведчики демонстрировали в кинозале двум приехавшим американским дипломатам видеозаписи каких-то любовных сцен. Знакомый утверждал, что это были, по его мнению, русские мужчина и женщина, потому что он слышал русские слова. Он

работал в соседнем помещении, из которого было небольшое окно в кинозал, и стал случайно свидетелем демонстрации. Один из американцев был лысый, небольшого роста.

Информация Гомеса насторожила Дроздова. Судя по описанию, испанскую контрразведку посещал резидент американской разведки в Испании Эндрюс. Возможно, рассуждал Дроздов, испанская контрразведка получила какие-то компрометирующие записи на советских граждан и поделилась ими с американцами, которые могут воспользоваться этим материалом для шантажа при вербовке. Перед Сергеем вставал вопрос. Если это так, то кто из советской колонии мог быть этими мужчиной и женщиной? Он пытался анализировать, сопоставляя время событий с людьми из совколонии, которые в это время находились в стране. Фактов явно было недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы. Можно было строить только догадки, предположения, гипотезы. Но не хотелось излишне рисковать, чтобы попросить Гомеса побеседовать еще раз с его знакомым и выяснить дополнительные детали: обстановку, как выглядели мужчина и женщина, которых тот видел. На очередной встрече с агентом Дроздов все же решил посоветоваться с ним и завел разговор о его знакомом электрике и о демонстрации видеозаписи в здании контрразведки. Дроздов спросил Гомеса, мог бы он при встрече со своим приятелем вновь завести разговор о демонстрации фильма в здании контрразведки? Может быть, тот вспомнит какие-нибудь детали, подробности, обстановку. Гомес ответил, что может вполне поговорить с другом на эту тему, поскольку речь там шла о сексе, а такие разговоры не могут вызвать какие-либо подозрения.

Электрик не смог вспомнить особых деталей, которые могли бы прояснить ситуацию, так как разглядывал эту сцену всего несколько секунд, опасаясь, как бы его не заметили. Единственно, что он помнил: женщина была блондинка, а речь — русской. Бездоказательно напрашивался вывод, что мужчиной мог быть Лобков, женщиной — Валентина Миронова.

Проанализировав имевшуюся информацию, Дроздов коротко доложил ее в Центр и просил проверить англичанку.

Москва долго молчала. Наконец пришел лаконичный и не очень понятный ответ: Грин, настоящая фамилия Элизабет Суальски, является кадровым сотрудником английской контрразведки МИ-5. Центр благодарил Дроздова за важную информацию и приказывал впредь до получения дополнительных указаний никаких мероприятий контрразведывательного характера по англичанке, Лобкову и Мироновой не проводить.

Дроздов был ошарашен ответом. «Центру виднее», — подумал

дисциплинированный офицер и прекратил работу по этой проблеме.

Между тем события вокруг Лобкова развивались с головокружительной быстротой и по не предвиденным ни ЦРУ, ни КГБ, ни ГРУ сценариям.

Незадолго до сообщения Дроздова Центр получил информацию, которая заставила принять экстренные меры. А произошло следующее.

В одной маленькой стране в резидентуре КГБ под надежной «крышей» работал опытный разведчик Крылов Родион Николаевич. Он был предпенсионного возраста. Эта — третья долгосрочная зарубежная командировка. Родион Николаевич был очень надежный, честный, преданный родине человек.

Крылову на командировку не ставили вербовочных задач, так как у него на связи был ценный агент. Требовалось другое: стопроцентная надежность, поскольку другие каналы связи с агентом были затруднительны. Учитывая личные качества Крылова, Центр поставил перед ним такую сложную локальную задачу по руководству ценным источником, освободив его от других разведывательных и вербовочных задач. Разведчик встречался с агентом три-четыре раза в год, но должен был быть готов в любой момент выйти по его сигналу на встречу. Родион Николаевич один или с женой регулярно совершал вечерние моционы, прогуливаясь практически по одному и тому же маршруту, на котором в условном месте мог стоять сигнал от агента. Система связи работала надежно и безотказно. Центр был доволен работой Крылова.

Однажды, совершая свою обычную вечернюю прогулку, разведчик проходил парком мимо скамейки, на которой сидел мужчина. Было темно, несколько тусклых фонарей плохо освещали дорожку. Поравнявшись с мужчиной, Крылов услышал:

— Добрый день, Родион Николаевич.

— Здравствуйте, — машинально ответил на приветствие Крылов, повернув голову в сторону мужчины и стараясь разглядеть незнакомца. — Простите, но не имею чести с вами быть знакомым.

И хотел уже продолжить путь, но вдруг снова услышал, как незнакомец продолжал на русском языке с довольно сильным акцентом:

— Родион Николаевич, будьте любезны, я задержу ваше внимание всего на минутку, но эта минутка, уверяю вас, принесет вам много пользы.

Крылов остановился, подошел ближе к мужчине и,

разглядывая его, сказал:

— Хорошо, я вас внимательно слушаю. Что вы хотите?

В голове у Родиона мелькнула мысль, наверное, какой-нибудь русский эмигрант, сейчас начнет изливать свою душу или еще что-нибудь в этом роде. Правда, внешний вид и русская речь незнакомца подсказывали, что перед ним, по всей вероятности, не русский.

— Родион Николаевич, — начал между тем вновь незнакомый мужчина. — Я сотрудник ЦРУ, офицер безопасности в посольстве США, Майкл Зингер. Хочу предложить вашей стране сверхсекретную информацию.

Сначала у Крылова мелькнула мысль, что перед ним провокатор или шизофреник, с которыми ему уже приходилось встречаться раньше, в предыдущих заграничных командировках. В Голландии был случай, когда к нему в офис пришел один шизик, который предлагал ему перпетуум-мобиле, и Крылов не знал, как выпроводить его. Он хотел уже отмахнуться от навязчивого незнакомца дежурной фразой: я такими делами не занимаюсь, но что-то задержало разведчика.

— А почему вы, господин Зингер, собственно, обратились ко мне? И откуда вы знаете мое имя и отчество? — невольно резко спросил Родион Николаевич.

— Очень просто, — спокойно отвечал цэрэушник. — По долгу своей службы я о вас знаю много. Вы кадровый работник КГБ, дважды работали за рубежом: в Штатах и Голландии. В Нидерландах засветились из-за своей активности. Мы вам сели на хвост и не давали работать, вам пришлось уехать из страны досрочно. Кстати, ваше начальство умно поступило: спецслужбы готовили устроить провокацию и с шумом выдворить вас из страны. К вам я обратился, конечно, не случайно. Вы по нашей шкале вербуемости имеете индекс «О», то есть к вам, по нашим понятиям, бесполезно подходить с вербовочными предложениями, вы абсолютно надежный человек. А мне как раз и нужен такой человек, абсолютно неподкупный. Вы мне подходите лучше всех, учитывая еще то обстоятельство, что вы офицер КГБ.

— Ну хорошо, что же это за суперсекретная информация, которой вы располагаете и хотите, конечно, продать?

— У меня есть список «кротов», которые сидят у вас в КГБ, ГРУ, МИД и в некоторых других ведомствах. Конечно, за такую бесценную информацию для вас надеюсь получить хорошие деньги. Я, как и вы, тоже собираюсь скоро на пенсию и хочу обеспечить себе спокойную безбедную старость.

— И как вы это мыслите? — поинтересовался Крылов. —

Попросите задаток вперед, начнете торговаться, ставить условия? Или как?

— Конечно, кое-какие условия поставлю. Прежде всего гарантии моей личной безопасности с вашей стороны, — отвечал Зингер. — Мы с вами разведчики и понимаем серьезность такой сделки. Основной риск я беру на себя. Ваш риск минимален. Мне не надо никакого задатка. Как я себе все мыслю? Довольно просто: называю вам двух «кротов», которые сидят у вас и которых можно брать. По ним меня нельзя будет вычислить. От вас требуется самая малость: сообщить вашему руководству о моем предложении. Деньги, естественно, после того, как вы убедитесь, что моя информация соответствует действительности.

Только теперь Крылов понял всю серьезность предлагаемого. Надо было действовать.

— Хорошо, господин Зингер, — заговорил Родион Николаевич, — я готов сообщить о вашем предложении руководству. Назовите этих двух «кротов» и сумму за услуги.

— Вот эти «кроты», — сказал американец: — Лобков был полгода тому назад завербован в Испании высокопоставленным работником ЦРУ, ему подсунули женщину, и он клюнул. Другой — Михеев, служащий в МИД. Он на связи у резидентуры в Москве. Вам все это легко проверить и убедиться в достоверности моей информации. За нее я хочу получить наличными сто тысяч американских долларов.

— Вы сказали, что у вас есть список «кротов», которые сидят в советских учреждениях? — задал вопрос Крылов.

— Совершенно верно, — отвечал американец. — У меня есть еще десять «кротов». Но о них я могу с вами говорить только после того, когда ваше руководство решит дело с этими двумя и рассчитается со мной. Уверен, ваши шефы примут предложенные мною условия. Именно мне было очень важно выбрать среди ваших разведчиков надежного человека, который бы поверил мне и не испугался.

Через некоторое время они распрощались, договорившись встретиться через две недели.

Крылов еще долго ходил по парку, размышляя над предложением американца. Как опытный разведчик он понимал, что подобное в разведке случается крайне редко. Конечно, ему были известны случаи инициативных контактов иностранцев с советской разведкой, но этот случай ему казался уникальным. И он был прав. Необычность заключалась не только в чрезвычайной важности предлагаемой информации, но и в том, каким образом сохранить строгую секретность, до минимума ограничить круг лиц, владеющих этой информацией.

Родион Николаевич размышлял, каким образом довести все это до резидента и как сообщить в Центр.

На следующий день Крылов, прибыв в резидентуру, на клочке бумаги написал шефу, что хотел бы переговорить с ним по чрезвычайно важному делу где-нибудь на воздухе, не в помещении, так как не доверяет полностью защите от возможного прослушивания.

Резидент был очень удивлен, но пошел Крылову навстречу. Они сели в машину и отправились на прогулку за город. На природе разведчик рассказал о вчерашней встрече с американцем. Они долго обсуждали различные варианты, как довести ценнейшую информацию до сведения Центра. Наконец решили направить следующую шифровку начальнику внешней разведки:

«Сов. секретно. Срочно.

Только лично Павлову.

Ввиду чрезвычайно секретной информации, полученной резидентурой, прошу вашего разрешения доложить ее вам лично. С этой целью прошу командировать в Москву сроком на трое суток оперативного офицера Карла для личного доклада.

Сидор».

Ответ пришел через несколько часов с пометкой «срочно». Центр разрешал Крылову вылететь в Москву ближайшим рейсом самолета «Аэрофлота».

На следующий день разведчик был в Москве. На аэродроме его встречал представитель Центра, а еще через несколько часов Родион Николаевич был уже в кабинете своего непосредственного начальника.

— Ну что вы там за фокусы выкидываете? — начал раздраженно генерал, едва успев поздороваться. — В чем там дело? Почему не доложили шифром? Выкладывайте!

— Мы с резидентом посчитали, что этот вопрос в компетенции самого высокого руководства, — парировал Крылов.

— Вы с резидентом посчитали. А вы посчитали, что отрываете руководство от важных государственных дел и можете получить за это по шее? — продолжал расходиться генерал. — Докладывайте, в чем там дело?

— Я могу доложить только начальнику разведки, — сухо отрезал Крылов.

Генерал побагровел от гнева, но сдержался. Через некоторое время снял трубку прямого телефона и доложил о прибытии

полковника Крылова. Затем коротко бросил, не глядя на Крылова:

— Идите в канцелярию начальника главка и доложите о своем прибытии. После доклада зайдите ко мне.

Родион Николаевич вышел из кабинета и направился в канцелярию. Грозный тон непосредственного начальника его не напугал. После более чем двадцати лет службы в разведке его уже ничто не могло напугать, хотя он понимал, что они с резидентом нарушили субординацию, обратившись через голову к самому высокому руководству. В армии подобное недопустимо, но к разведке нельзя подходить с армейскими мерками, на то она и разведка, что не терпит шаблона.

Вслушав доклад Родиона Николаевича, начальник задал несколько вопросов, затем сказал, что резидентура поступила правильно, обратившись непосредственно к нему. Поблагодарил за важную информацию и попросил Крылова изложить все письменно.

Через полтора часа доклад был готов, отпечатан на двух листах в единственном экземпляре и передан начальнику внешней разведки.

На следующий день Крылова снова вызвали к начальнику главка. Ему сообщили, что согласны с предложением американца, готовы выплатить ему запрашиваемую сумму. Вся дальнейшая работа с Зингером должна вестись с соблюдением строжайших мер конспирации и безопасности.

Так началась работа с источником информации чрезвычайной государственной важности. Об этой работе знал очень ограниченный круг лиц.

Через четыре недели, как было договорено, Крылов встретился с Зингером у той самой скамейке в парке, где состоялась их первая встреча и знакомство. Родион Николаевич выплатил американцу сто тысяч «зеленых» под расписку. Они быстро нашли общий язык. Отчужденность и осторожность первой встречи прошли. Это быстро происходит между разведчиком и агентом, когда сотрудничество подкрепляется конкретными делами.

Примерно через год было принято решение нанести одновременный удар по пяти «кротам». Акцию согласовали с Зингером и приняли меры, чтобы ни в коей мере не повредить его безопасности. Операция тщательно готовилась с соблюдением строжайшей секретности.

Перед Новым годом Лобкова по указанию Центра вызвали в Москву. Генерал Быков с радостью сообщил своему воспитаннику, что его ждут на Старой площади побеседовать относительно, как

ему дали понять, возможного назначения на работу в аппарат ЦК.

Лобкова встретил Сидоренко, который в дружеской беседе намекнул, что с его подачи рассматривается кандидатура на вакантную должность в административном отделе.

— Знаешь, Роман, по секрету тебе скажу, — начал, понизив голос до шепота и убирая поспешно в стол красивую бутылку виски «Балантайз», Сидоренко. — Тебя сватают на мою должность, будешь курировать ГРУ. Сам понимаешь, что это значит.

— А как же вы, Виктор Федорович, если не секрет, с повышением? — полюбопытствовал Лобков.

— Да, я засиделся здесь, — отвечал Сидоренко, — пора поработать за рубежом, руководителем аппарата. Только пока об этом не распространяйся. Приезжай скорей, введу тебя в курс дела и сам начну собираться.

Через некоторое время Сидоренко представил Лобкова руководству административного отдела.

В беседе начальник отдела сказал, что они давно приглядывались к нему и приняли решение пригласить его в свой аппарат. Согласие при назначении на Старую площадь от кандидата на должность никогда не спрашивали, так как даже не мыслилось, что кто-то мог отказаться от предложения работать в ЦК КПСС. Человек попадал в совершенно другую категорию людей, в так называемую номенклатуру, и как бы переходил от развитого социализма к коммунизму.

Лобков поблагодарил и заверил, что оправдает доверие руководства. Ему сообщили, что он должен приступить к работе в июне-июле месяце, поэтому руководству ГРУ даны указания о его досрочной замене в мае месяце.

Прибыв в Мадрид, Лобков сообщил Людерсдорфу о беседе в ЦК КПСС и предстоящем назначении. Цэрэушник был очень доволен: сбывалась его давнишняя мечта внедрить «крота» в главный руководящий советский орган.

К отъезду Лобкова в Союз ему были переданы условия связи. Людерсдорф чувствовал себя на седьмом небе, он свое сделал. Роман тоже был доволен: перед отъездом он потребовал от американцев сто тысяч долларов и получил их в качестве аванса. Лобковы радовались, что уезжают, им казалось, что опасность миновала, и будущее представлялось счастливым и безоблачным.

Лобковых арестовали в аэропорту «Шереметьево-2» при прохождении таможенного досмотра, пригласив зайти в отдельное помещение, где якобы надо было уладить какие-то формальности. Им было предъявлено обвинение в шпионаже.

В течение недели были арестованы еще четыре «крота».

Никаких сообщений в печати об этом не появилось.

Только через несколько месяцев американцы узнали, что состоялся суд и Лобков за шпионаж был приговорен к высшей мере наказания — к расстрелу, его жена за соучастие получила пять лет тюрьмы.

Так закончилась операция «Стриж» на самом подлете к Старой площади.

Глава 6

РАСПЛАТА

Рабочий день приближался к концу. Была пятница. Алексеев Василий Николаевич, сотрудник отдела военной контрразведки, курировавший ГРУ, сидел в своем тесном рабочем кабинете на Лубянке и просматривал анкеты офицеров, присланные на проверку перед отъездом в заграникомандировки. Эта была рутинная нудная работа, но ее надо было делать: таков был принятый порядок, сколько бы раз офицер ни выезжал в короткую или длительную заграникомандировку, он должен был обязательно заполнять анкету и пройти выездную комиссию в своем ведомстве и в ЦК КПСС. Дело это было довольно формальным, некоторых эта процедура раздражала: писать одно и то же при каждом выезде. Алексеев автоматически просматривал анкеты, то и дело поглядывая на часы. Он собирался вечером сразу после работы поехать на дачу, где вместе с шурином затеял строить баню. Дело было для него новое, и приходилось осваивать профессию строителя, хотя с топором был дружен с детства.

Алексеев работал в отделе недавно, всего несколько месяцев. До этого шесть лет после окончания разведшколы был оперативным офицером в Управлении особых отделов Центральной группы войск в ГДР.

Василий Николаевич был ниже среднего роста, коренаст, с неброской внешностью, круглолиц, с внимательными светлыми глазами.

Контрразведчики все чем-то похожи друг на друга, в них несомненно просматривается какой-то общий стереотип. Если внимательно присмотреться, то можно заметить, что их подбирают по каким-то определенным строгим критериям. В их поведении, манерах, разговоре присутствует некий стандарт. Этого, вероятно, не избежать: каждая профессия оставляет на человеке свой отпечаток. Некоторые контрразведчики как бы чувствуют себя неловко в этой профессии среди окружающих, словно стыдятся ее, вероятно от того, что им приходится иногда заниматься чем-то недостойным, неприличным с точки зрения общечеловеческой морали, «копаться в грязном белье людей», чтобы добраться до истины, уличить и разоблачить преступника или защитить честного порядочного человека от ложных наветов. Они, как правило, не говорливы, не стараются выделиться в обществе, больше слушают, чем участвуют в дискуссиях,

помалкивают. Некоторые избегают прямо смотреть людям в глаза, словно стесняются и чувствуют в чем-то свою вину, не вступают в споры и, как правило, не высказывают свою точку зрения. Под незаметной, а то и простоватой внешностью нередко скрывается острый аналитический ум, высокая эрудиция и тонкая наблюдательность, основанные на солидных знаниях и жизненным опытом.

Разные пути приводят людей в разведку и контрразведку. Иногда в это дело вмешивается и «господин случай» или какие-либо обстоятельства, независимые от человека.

Алексеев учился на третьем курсе четвертого факультета Военного института иностранных языков, готовился стать военным юристом со знанием иностранных языков, когда в его жизнь вмешался случай, круто изменивший всю его дальнейшую жизнь. К власти в стране пришел великий реформатор и волюнтарист Никита Сергеевич Хрущев. Он стал резать на металлолом военные корабли и боевые самолеты, сокращать личный состав армии. С его легкой руки в 1956 году попал в эту мясорубку и институт, который был ликвидирован. Сотни слушателей и преподавателей высочайшей квалификации были выброшены на улицу. Большинство офицеров попали под сокращение армии и были уволены без права получать пенсию.

Алексееву в какой-то степени повезло. Месяца за три до расформирования института во время перерыва после занятий начальник курса подполковник Жданов зашел в лекционный зал и, подзвав к себе Василия, сказал, что его приглашает на беседу начальник факультета. Приглашение было совершенно неожиданным. Начальника слушатели практически не знали и очень редко его видели. Эта должность была введена, чтобы куда-то деть стареющих заслуженных офицеров пенсионного возраста, которые все еще служили и не хотели расставаться с армией.

Начальник четвертого факультета, генерал-майор, герой Советского Союза Панов занимал небольшой уютный кабинет на втором этаже, где коротал время, не зная, куда себя деть от безделья, за чтением художественной литературы или иногда, особенно после обеда, дремал за столом, дабы никто не нарушал его покой. Практически у него никаких функциональных обязанностей по службе не было, так как всю работу со слушателями выполняли начальники курсов.

Получив приказ, Алексеев быстро направился к кабинету начальника, прикидывая по дороге в уме возможные причины столь неожиданного вызова. Одернув обмундирование, постучал в дверь. Из-за стола неспешно поднялся незнакомый полковник в

общевоисковой форме с двумя «поплавками» на кителе и довольно большой колодкой орденских планок. Поздоровавшись, но не называя себя, он жестом руки указал на свободный стул, приглашая садиться, и вдруг проговорил скороговоркой по-немецки:

— Пожалуйста, садитесь, товарищ Алексеев и расскажите по-немецки вашу биографию.

Василий Николаевич сначала несколько растерялся от неожиданного вопроса на немецком, но уловив своим натренированным ухом шероховатости в произношении полковника, взял себя в руки и начал довольно быстро и уверенно рассказывать о себе.

Полковник слушал, не перебивал, а Алексеев между тем потихоньку разглядывал незнакомца. По орденским планкам на его груди понял, что он воевал, его седая шевелюра и морщины на загорелом лице свидетельствовали о солидном возрасте. Красивое открытое лицо с прищуром несколько выцветших, чуть слезящихся глаз очень гармонировало с его стройной фигурой. Не дав Алексееву закончить, полковник прервал его, перейдя на русский:

— Хорошо, спасибо, достаточно. Не плохо вас, вижу, учат здесь, в институте. Я представляю Генштаб, занимаюсь отбором офицеров в специальные учебные заведения. Вы, наверное, уже знаете о решении правительства закрыть этот институт?

— Да, — ответил Алексеев, — официально нам еще не объявили, но все уже только об этом и говорят.

— Что вы намерены делать после ликвидации института? — продолжал задавать вопросы полковник. — Пойдете в гражданку или останетесь служить в армии?

— Даже не знаю, что буду делать, — отвечал Василий, — без армии как-то не мыслю себя, да и язык не хотелось бы бросать. Все-таки три года отучился, столько отдал этому сил, и иностранные языки идут хорошо.

— А какой у вас второй иностранный язык? — спросил полковник.

— Датский, — ответил Алексеев.

— А как бы вы отнеслись к предложению продолжить учебу, но с некоторым специфическим уклоном? — допытывался гость.

— Учеба будет связана с дальнейшим изучением иностранных языков? — полюбопытствовал Алексеев.

— Совершенно верно, иностранные языки будут профилирующими предметами, наряду со специальными, — подтвердил полковник.

— Об этом можно только мечтать, — не задумываясь выпалил

Василий.

Алексеев не стал просить время на обдумывание и дал свое согласие.

После заполнения анкет и подписки о неразглашении разговора с представителем Генштаба Алексеев вскоре сдал экзамены за три курса института, отгулял отпуск и переехал в другой город на учебу в школу контрразведки. По ее окончании Василия направили в Центральную группу войск. Вот так круто повернулась жизнь молодого человека. Судьба сделала из несостоявшегося юриста профессионального контрразведчика.

Василий Николаевич собирался уже заканчивать. Оставалось проверить несколько анкет, когда его взгляд вдруг остановился на словах: «...никогда не привлекался». В анкете ставился вопрос: привлекались ли вы к судебной ответственности? Обычно все коротко отвечали: не привлекался или повторяли вопрос и писали: к судебной ответственности не привлекался. Так, собственно, рекомендовалось отвечать. И вдруг это словечко «никогда». Василий впервые встретился с таким нестандартным, как ему показалось, странным ответом. Анкета принадлежала полковнику Дронову, который планировался к выезду в краткосрочную командировку в Индию сроком на семь дней. «Странно, — подумал Алексеев, — надо в понедельник поднять все его анкеты и посмотреть, как он отвечал на этот вопрос раньше».

Когда вечером Алексеев возвращался домой, ему вновь на ум пришло это словечко «никогда». «Что бы это могло значить? — думал он, — случайность, автоматическая запись, чудачество? Десятки раз человек заполняет одни и те же анкеты, торопится, пишет одно и то же, не вдумываясь в смысл своих слов. Конечно, такое может случиться», — продолжал размышлять про себя Василий.

В понедельник Алексеев снова вернулся к этой анкете. Он затребовал спецдело на Дронова и внимательно просмотрел все заполненные им за многие годы службы в Советской армии анкеты. Во всех анкетах слово никогда отсутствовало. В кадровом личном деле Василий ничего подозрительного не обнаружил. В характеристиках и аттестациях Дронов отмечался с положительной стороны, только в аттестации по окончании военного училища отмечались мелкие недостатки: обидчивость, замкнутость и некоторое высокомерие к товарищам.

Может быть, действительно за этим «никогда» скрывался своеобразный вызов: просто осточертело человеку писать многократно одно и то же, вот и написал по-другому? «А если это

не случайно, — стучало настырно в голову у Алексеева, — тогда что? Боязнь, что обнаружат, когда-то действительно привлекался и скрыл этот факт? Нет, такое быть не может, это ерунда, чушь. Дронов весь как на ладони, с семнадцати лет в армии. Нет, нет, это противоречит здравому смыслу, физически он не мог быть привлечен, разве только мальчишкой?» Как ни пытался Василий оправдать Дронова, в голове контрразведчика вертелась мысль, которую он тщетно пытался отогнать прочь, но она настойчиво возвращалась и не давала покоя. Ему вспомнился случай, когда он работал в ГДР. Тоже вроде вначале казалось — пустячок, а ведь привел к серьезному делу. В разговоре агент, характеризую одного своего знакомого собутыльника, заметил, шутя, что парень хороший, только пьет, дескать, как-то не по-нашему, не по-немецки. Василий любопытствовал, что это значит? «Слишком, — пояснил агент, — много, а выпив, начинает каяться в чем-то, плакать». Алексей не прошел мимо этого, казалось бы, пустякового замечания, стал копать глубже. Попросил агента обратить внимание следующий раз на это, не скупиться на угощение, попытаться разговорить своего знакомого. В конце концов знакомый выболтал, что он не немец, а украинец, бывший полицей, проживал по фальшивым документам, скрывался от советских властей. Таким образом удалось разоблачить и обезвредить военного преступника и передать его в руки правосудия.

И сейчас Алексееву не давала покоя мысль, что Дронов не просто так написал в анкете по-другому.

Разведчик и контрразведчик... У них так много общего в многотрудной работе. Но есть и существенные различия в подходах к объектам своего изучения. Первый надеется найти в человеке своего потенциального помощника, и, если эта надежда оправдывается, агент превращается для него в родного брата. Второй в этом отношении совершенный антипод первому, он консерватор, ни во что не верит, все подвергает сомнению и тщательной проверке.

«А что, если Дронов, — размышлял Василий, — проявляет сверхосторожность и это «никогда» вырвалось как мера защиты совершенно автоматически, как защитная реакция, как безусловный рефлекс, как дополнительная страховка? По этой логике Дронов должен был на кого-то работать, то есть, другими словами, быть чьим-то агентом, «кротом». Ну уж ты хватил лишнего, — остудил мысленно себя Василий. — Ничего из этого пока не следует, просто тебе хотелось бы, чтобы так было. Нельзя без надежных фактов выдавать желаемое за действительное». Алексей пытался думать за Дронова, ставил себя на его место.

Но все время возвращался к тому, что разведчик из ГРУ этим «никогда» хотел кого-то убедить в своей лояльности, невинности, как будто чувствовал, что некто может сомневаться в нем, в его честности и порядочности.

В конце концов Алексеев решил, что, может быть, не стоит тратить время на эти пустяки, потому что проверить все появившиеся у него версии было просто невозможно.

Как-то докладывая начальнику отдела полковнику Котову Борису Ивановичу о своих делах, Алексеев рассказал ему о странном ответе полковника Дронова на вопрос анкеты и в связи с этим свои версии. Котов уже много лет руководил отделом военной контрразведки, прошел хорошую школу от простого опера до начальника отдела. Он ненадолго задумался, а потом, хлопнув себя по лбу ладонью, спросил:

— Как, ты говоришь, фамилия этого чудака?

— Дронов, — ответил Алексеев.

— Постой, постой, — снова начал Котов, — кажется, эта фамилия уже встречалась мне лет пять тому назад, по какому поводу — не могу припомнить.

Полковник порывисто встал, подошел к сейфу, извлек из него объемистое дело.

— Дронов, говоришь, ну-ка, ну-ка, посмотрим по регистрационному листу, — сказал начальник отдела и начал быстро вести пальцем сверху вниз. Где-то в середине листа палец остановился. — Есть такой, страница 425. Посмотрим, что там, — проговорил оживленно полковник, раскрывая дело. Он пробежал глазами документ, захлопнул дело и сказал:

— Знаешь, это дело лежит у меня без движения четыре года. Твой предшественник Лунев пытался им заняться, но ничего у него не вышло. Я уже хотел дело закрыть и сдать в архив. На, забирай, посмотри, в нем проходит твой Дронов, может быть, ты по-новому посмотришь на все это, другими глазами, и найдешь какое-нибудь продолжение. Когда разберешься, приходи, потолкуем, обсудим все обстоятельно. Не хочу высказывать свою позицию. Это может только увести в сторону от решения проблемы. Давай, потрудись, желаю успеха, — напутствовал Василия начальник.

Алексеев переписал дело на себя и, сгорая от любопытства, поскорее раскрыл его.

Собственно, все, что касалось Дронова, состояло из нескольких скупых пятилетней давности сообщений нью-йоркской резидентуры КГБ. В Центр докладывалось, что офицер резидентуры А., находясь в служебной командировке в городе N.

в четырехстах километрах от Нью-Йорка, смотрел в своем гостиничном номере матч по бейсболу между местными командами. В какой-то момент ему показалось, что он увидел на экране телевизора среди зрителей офицера резидентуры ГРУ Дронова. А. подумал, что ошибся, но прибыв в Нью-Йорк, доложил об этом своему резиденту и офицеру по безопасности. Проверка на месте показала, что Дронов в этот период должен был находиться в Нью-Йорке, где принимал участие в международной выставке по линии Минвнешторга. Об этом имела запись в книге регистрации командировок в торгпредстве. В городе N. никто из советских граждан кроме А. разрешение от госдепартамента США на поездку не запрашивал. Учитывая, что дело может принять щекотливый характер, резидент КГБ не стал информировать резидента ГРУ о Дронове, посчитав, что А. мог обознаться, хотя не исключал: офицера ГРУ направили в город N. нелегально по заданию своего руководства. Резидент КГБ информировал Центр о случившемся, и больше никаких мероприятий по Дронову не проводилось.

Ознакомившись с материалами нью-йоркской резидентуры, Алексеев задумался, пытаясь сопоставить факты, построить приемлемую логическую схему, найти взаимосвязь с пресловутой анкетой. Напрашивалось несколько вариантов. Первый: офицер А. обознался, приняв похожего человека за Дронова. Тогда все сводилось к эпизоду с загадочным словом «никогда» и, по всей видимости, дальнейшая работа по Дронову теряла смысл, ибо игра не стоила свеч. Зачем тратить драгоценное время на пустяки. Второй вариант: офицер А. не ошибся, Дронов действительно был в городе: а) выполняя спецзадание ГРУ и б) был в N. самостоятельно, никому об этом не докладывая, с какой целью — неизвестно. Вот к каким выводам приводила Василия формальная логика. Чтобы снять окончательно вопрос по Дронову, надо было найти ответы на пункты а) и б). Но как это сделать практически? «По пункту а), — размышлял Алексеев, — можно было бы легко найти ответы у руководства ГРУ. Но здесь в этом, казалось бы, простом вопросе было много «но» на межведомственном уровне, слишком тонкая это была материя. Пожалуй, здесь можно было поискать другие обходные пути, — продолжал рассуждать сам с собой Василий. — Если бы решался пункт а), то пункт б) отпадал, или создавались бы условия для дальнейшего поиска». Проанализировав всю имевшуюся информацию, Василий пришел к выводу, что прежде всего надо попытаться решить ключевой вопрос: был Дронов в городе N. или нет? Другими словами, насколько информация, полученная от офицера А., корректна и объективна, ибо от ее правильности

зависело направление дальнейшей работы. «Хорошо бы, — думал Алексеев, — заполучить видеозапись того бейсбольного матча пятилетней давности, и тогда все могло бы встать на свои места. Пленка должна быть в архиве местной телекомпании города N., — продолжал свои рассуждения Василий, — как ее получить? Попросить нью-йоркскую резидентуру, может быть, они что-нибудь придумают, им там на месте виднее, как это сделать. Придумать какой-то предлог, может быть, обратиться официально в местную телекомпанию. Не вызовет ли такое обращение подозрение, для чего вдруг русским потребовалась пленка бейсбольного матча да еще пятилетней давности и в городе, куда русским требовалось запрашивать разрешение на посещение?»

Алексееву припоминалась где-то слышанная им история, как в одной натовской стране наш военный атташе попросил кинофильм, показанный по государственному телевидению о военных маневрах. Местные СМИ подняли по этому поводу шумную кампанию шпиономании и потребовали выдворить из страны военного дипломата. «В конце концов, — заключил свои рассуждения Алексеев, — резидентуре виднее, как поступить, нам надо поставить перед ними этот вопрос, а там посмотрим. Без этого нельзя двигаться дальше».

Начальник отдела согласился с доводами Алексева и попросил его подготовить телеграмму в Нью-Йорк с просьбой добыть пленку, если в резидентуре имелась такая возможность. Он предложил также направить в Индию заместителю резидента по безопасности короткую ориентировку по предстоящему визиту Дронова в страну.

Василий исполнил указания начальника. Оставалось терпеливо ждать.

Месяца через три из Нью-Йорка пришла шифровка, в которой сообщалось, что видеозапись бейсбольного матча получена и направлена диппочтой адресату в Центр. А еще через несколько дней Котов и Алексеев сидели в небольшом кинозале и внимательно следили за матчем в бейсбол между двумя американскими командами города N., то и дело останавливая пленку, когда камера на мгновение выхватывала на трибунах бушующую публику. В конце концов они нашли тот кадр, на который обратил внимание офицер А. После нескольких просмотров контрразведчики пришли к единому мнению, что А. не ошибся: в кадре действительно был Дронов. Для того, чтобы установить окончательную истину, пленку передали в фотолабораторию на экспертизу и для изготовления фотографий. Сравнивая полученные отпечатки с фотографиями Дронова из его личного дела, эксперты подтвердили их идентичность.

Теперь становилось совершенно очевидно, что А. не ошибся, однако вопросы, поставленные в пунктах а) и б), оставались. Главный из них: с какой целью Дронов посещал город N.? Алексеев за долгие месяцы ожидания пленки время даром не терял, и кое-что ему удалось раскопать и выяснить. В частности, Василий поднял финансовый отчет торгпредства пятилетней давности по выставке в Нью-Йорке. В нем не указывались какие-либо расходы на поездку из Нью-Йорка в город N. участников выставки. Отсюда следовало, что расходы на поездку Дронова оплачивал кто-то другой или сам Дронов. По всей вероятности, в город N. Дронов летал челночным рейсом из Нью-Йорка без ночевки и возвращался в этот же день обратно, так как в финансовом отчете торгпредства по выставке были оплачены за гостиницу все дни пребывания Дронова на выставке. Продвинуться Алексееву в выяснении вопроса, выполнял Дронов в N. какое-либо задание Центра или нет, пока не удавалось. Котов склонялся к мнению, что очень мало шансов было считать, что руководство ГРУ санкционировало бы такую нелегальную поездку Дронова без уведомления официальных властей США, так как в случае провала это грозило бы большими неприятностями, даже международным скандалом. Начальник отдела, правда, допускал, что Дронов мог со знакомыми фирмачами слетать в город на бейсбольный матч, и все формальности с властями могли за него взять на себя американские бизнесмены. Котов посоветовал Василию выяснить, что за люди сидели на матче рядом с Дроновым: мужчина слева и женщина справа. Алексеев сделал отпечатки снимков этих людей и направил их в отдел, который занимался личным составом американских спецслужб. Из финансового отчета торгпредства по выставке в Нью-Йорке он установил, что на выставке работала молодая женщина из Минвнешторга в качестве инокорреспондентки, которая приезжала в США с делегацией работников электронной промышленности из московского Зеленограда. Василий нашел в кадрах МВТ фотографию этой женщины, она была совершенно не похожа на женщину с зонтиком. Таким образом, возможная любовная версия отпадала. Алексеев разыскал эту женщину, она работала в одном из объединений Внешторга, встретился с ней, показал фотографию мужчины, сидящего слева от Дронова, и попросил ее вспомнить, не было ли этого мужчины среди фирмачей, которые работали с советской делегацией на выставке в Нью-Йорке. Женщина уверенно ответила, что первый раз видела этого мужчину.

За это время Дронов слетал в служебную командировку в Индию на семь дней и вернулся в Саюз. Было отмечено, что

возвратившись из командировки, он несколько раз посещал Изуитова.

Вскоре пришло сообщение из резидентуры КГБ в Дели. Офицер по безопасности докладывал в Центр, что в поведении Дронова во время его пребывания в стране не было отмечено каких-либо отклонений и настораживающих моментов. Он встречался с иностранцами, но его всегда сопровождал кто-нибудь из советских граждан. Сообщалось, что на один день он с одним из работников торгпредства вылетал по приглашению индийских бизнесменов в качестве гостя присутствовать на охоте за слонами. Сведения об участниках охоты и о ее программе резидентура доложит дополнительно.

Котов по телефону попросил Василия срочно к нему зайти. По голосу Василий понял, что начальник чем-то очень встревожен. Когда Алексеев вошел в кабинет, начальник протянул ему лист бумаги и отрывисто бросил:

— Читай!

Василий пробежал глазами текст, и сердце его радостно забилося.

— Ну что? — спросил полковник.

— Да, — протянул Василий, улыбаясь, — по-моему, мы выходим на «крота».

— То-то и оно, Василий Николаевич, — продолжал Котов. — Похоже, большая рыба заглотила крючок, важно не дать ей с него сорваться. Завтра буду докладывать начальнику управления.

В полученной из отдела, занимавшегося личным составом спецслужб США, бумаге сообщалось, что на присланной для экспертизы фотографии мужчины был идентифицирован начальник русского отдела ЦРУ Людерсдорф, женщина по учетам отдела не проходила.

Выходя из кабинета начальника, Василий испытывал настоящую радость успеха. Вот теперь он был совершенно уверен, что правильно поступил, обратив внимание на это словечко «никогда». Ему вспомнилось, как еще в разведшколе преподаватель практической психологии однажды предложил слушателям задачку из романа Достоевского «Преступление и наказание». Предлагалось определить, каким образом следователь Порфирий Петрович, допрашивая Раскольникова, не имея прямых улик, пришел к выводу, что он — убийца? Никто из учебной группы не сумел решить эту задачу. Василий несколько раз перечитал сцену допроса, и, когда нашел ответ и сообщил об этом преподавателю, тот предложил ему выступить на семинаре с обоснованием своего решения. А решение было простое, но

требовало серьезных логических рассуждений, глубокого проникновения в человеческую психику, что и позволило следователю заставить преступника признаться в совершении убийства. Алексеев, как и следователь, заметил, что Раскольников смеялся там, где совершенно было не смешно, стараясь скрыть смехом свои волнения и страх быть разоблаченным. Преподаватель похвалил Василия и пожелал ему успехов в практической работе. Сейчас Василий видел нечто общее между смехом Раскольникова и «никогда» Дронова. Он был по-настоящему счастлив.

После доклада руководству майорский уровень, как шутил Котов, перешел в генеральский, потому что в невод попала крупная рыба. На совещании у начальника управления было принято решение установить плотное наружное наблюдение за Дроновым. Обращалось особое внимание на то, что Дронов опытный профессиональный разведчик. Поэтому наружное наблюдение должно вестись очень квалифицированно, чтобы объект ни в коем случае не обнаружил за собой слежку.

Наружное наблюдение показало, что, по предварительным данным, Дронов никаких личных контактов с иностранцами не имел, вел себя спокойно, довольно часто общался по службе с Изуитовым. После поездки в Индию он сделал ему какие-то подарки. Дронов вел довольно замкнутый образ жизни, близких друзей не имел, интересовался военными мемуарами, посещал магазин «Военная книга» на Садовой-Спасской, «Дом книги» на Арбате, букинистические магазины. Находясь в городе, не проверялся, по выходным гулял с внуком по набережной Москвы-реки, летом выезжал на дачу. По линии ГРУ планировалось отправить его через год в длительную командировку резидентам в Мексику.

Из Индии пришла шифровка, в которой сообщалось о составе гостей, принимавших участие в охоте на слонов. Среди гостей обращала на себя внимание прибывшая из Соединенных Штатов супружеская пара Браун. По словесному портрету мистер Браун очень походил на начальника советского отдела ЦРУ Кирилла Людерсдорфа.

Котов и Алексеев пришли к выводу, что между Дроновым и Людерсдорфом, вероятно, была налажена безличная связь. Американец под другой фамилией приезжал в Индию на встречу с Дроновым, который каким-то образом заблаговременно сообщил ему о своей предстоящей поездке в Дели.

— Что-то мы не дорабатываем, — обращаясь к Василию, сказал Котов. — Что-то не видим. Ведь должна быть какая-то связь, возможно, у них есть двухсторонняя радиосвязь или связь

через тайники.

— Думаю, — вступил в разговор Алексеев, — Дронов не проводит тайниковые операции, слишком осторожен и прекрасно понимает, что тайник — это уязвимое место в разведке. Кроме того, американцы имеют горький опыт с тайниками, они наверняка не забыли историю с Пеньковским. По всей вероятности, Дронов не первый год работает с янки, он уже пять лет в Центре после своего возвращения из Штатов. Бейсбольный матч подтверждает, что уже там он сотрудничал с ними. Дронов не просто агент, он очень ценный источник. Мне кажется, что если бы он проводил тайниковые операции, мы бы заметили.

— Я с тобой совершенно согласен, — снова заговорил Котов, — не подключить ли нам к наружке Михалыча, не верю в безупречное поведение Дронова, раз он допустил прокол с этим словечком «никогда», должен себя где-то показать еще. Пусть Михалыч предварительно посмотрит все материалы по ведению наружного наблюдения за Дроновым и выскажет свои соображения.

— Хорошо, Борис Николаевич, — ответил Алексеев.

Когда Василий собирался уже покинуть кабинет начальника, тот вдруг с горькой иронией добавил:

— Ты говоришь, что Дронов давно роет норы в нашем огороде? Ты прав, и роет очень успешно: на днях за его заслуги перед Отечеством по ходатайству Изуитова ему присвоено очередное воинское звание генерал-майора. Вот так...

Михалыч, так уважительно называли полковника Зыкова Михаила Михайловича, старейшего работника органов безопасности, аса наружного наблюдения, был уже пенсионного возраста, подлежал увольнению по возрасту, но начальство шло на различные ухищрения, чтобы продлить срок его службы. Михалыч был профессионал высочайшего класса, обладал каким-то особым чутьем, к нему обращались за различными консультациями по сложным спорным вопросам. Работая оперативником в службе наружного наблюдения, он в некоторых ситуациях был просто незаменим, мог перевоплощаться, когда требовала оперативная обстановка. Ему ничего не стоило сойти за простого работягу, нахлобучив на лоб кепку и надев потрепанную спецовку. Встретив его в таком виде в продовольственном магазине в винном отделе, его могли признать за своего и обратиться к нему с вопросом: «Башашкиным будешь?» На каком-нибудь научном симпозиуме в накрахмаленной белой сорочке и в строгом костюме он сходил за профессора физики.

Посмотрев отснятый скрытой камерой фильм на различных маршрутах движения Дронова и ознакомившись с отчетами бригад наружного наблюдения, Михалыч обратил внимание на один рапорт. Острый глаз контрразведчика привлек необычный маршрут движения объекта, по которому он следовал в один из выходных дней по улицам Москвы. Выйдя из дома, тот направился по староарбатским букинистическим магазинам, затем посетил «Дом книги» на Новом Арбате, вел на маршруте себя естественно и спокойно. От «Дома книги» пошел по Калашному переулку, у эстонского постпредства неожиданно перешел на противоположную сторону улицы и скрылся в подъезде жилого дома. Как потом установили, Дронов через проходной этаж вышел на Суворовский бульвар, сел на троллейбус № 39 и доехал до улицы Горького. Здесь он нырнул в книжный магазин № 100, затем на троллейбусе «Б» доехал до Садовой-Спасской, где посетил магазин «Военная книга», купил мемуары маршала Василевского и на «букашке» поехал по Садовому кольцу до остановки «Смоленская площадь», затем пешком направился домой.

Михалыч пришел к выводу, что Дронов шел по хорошо отработанному, заранее выбранному проверочному маршруту, который давал возможность выявить наружное наблюдение, если оно велось. По мнению контрразведчика, основной точкой проверки был проходной этаж дома. Михалыч отмечал некоторую нелогичность маршрута Дронова, а именно проход через дом на Калашном переулке с выходом на Суворовский бульвар, потому что Дронов мог выйти на Суворовский бульвар с Нового Арбата сразу, не делая крюк. Следовательно, приходил к выводу контрразведчик, Дронов использовал этот маневр специально для проверки.

Михалыч решил сам взглянуть на объект. С этой целью несколько раз проследовал с ним на троллейбусе после посещения Дроновым магазина «Военная книга». Оперативник обратил внимание на то, что он никогда не садился в полный троллейбус, каждый раз занимал место у окна справа по ходу движения. В поведении Дронова опытный контрразведчик заметил определенную настороженность и напряженность. Проезжая мимо американского посольства, он опускал левую руку на несколько секунд во внутренний карман пиджака. Михалыч предположил, что объект приводил в действие быстросрабатывающий передатчик и выстреливал коротким импульсом информацию в сторону здания, где размещалась резиденция ЦРУ.

Чтобы убедиться в правильности предположений Михалыча,

руководство приняло решение использовать новейшие приборы дистанционного действия для определения пульса у объекта, за которым велась слежка, в нескольких точках его движения на маршруте, особенно перед использованием им предполагаемого передатчика, а также для определения у него наличия спецаппаратуры.

Было установлено, что у Дронова при проведении операции пульс с 72 ударов в минуту поднимался до 120 ударов, что свидетельствовало о повышенном эмоциональном состоянии объекта наблюдения. Удалось определить и наличие у него во внутреннем кармане пиджака предмета в виде портсигара. После предполагаемого сеанса связи Дронов на следующий день в воскресенье отправился на прогулку с внуком по набережной Москвы-реки. Изучение маршрута движения Дронова на прогулке привело контрразведчиков к предположению, что он, по всей вероятности, где-то на маршруте получал подтверждение выставленным сигналом о проведенном сеансе связи.

Теперь перед контрразведкой встала задача добыть как можно больше вещественных доказательств, свидетельствовавших о сотрудничестве Дронова с американскими спецслужбами, чтобы получить санкцию прокурора на его арест. Высокое начальство торопило, поэтому решили брать агента после очередного сеанса связи с американским посольством, надеясь получить компромат на месте с проведением дальнейшего обыска на его квартире. Все службы готовились к проведению этой операции.

Дронова арестовали после того, как он провел сеанс связи из троллейбуса при выходе на остановке «Смоленская-Сенная площадь». У него был изъят быстродействующий передатчик, на квартире в тайнике были найдены шифрблокнот и накопитель для передатчика. Первыми словами арестованного агента были:

— Я вас уже семь лет жду.

На состоявшемся через шесть месяцев после ареста суде Дронов полностью признал себя виновным и был приговорен за измену Родины к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор был приведен в исполнение. Дронов не просил снисхождения и заявил в своем заключительном слове, что знал, что так и кончится его жизнь и что похоронят его без креста, как предателя, в общей могиле. Только он думал, что кончится все значительно раньше.

В ГРУ был зачитан приказ о разоблачении еще одного «крота» и его расстреле. Затем последовал целый ряд оргвыводов. Самым неожиданным для всего личного состава главка был арест начальника управления кадров генерала Изуитова. Многие

офицеры возмущались волной предательств в разведке. Но рыба гнила с головы и, по всей вероятности, пора было менять воду в «аквариуме».

И кто мог предполагать тогда, что нас ждут новые предательства на самом высоком уровне, несравнимо большие по масштабам и мерзости...

notes

Примечания

ГРУ — Главное разведывательное управление Генштаба Вооруженных Сил СССР (ныне Российской Федерации).

Сокращенное название советско-американского общества «Амторг трейдинг корпорейшн», учрежденного в 1924 году в Нью-Йорке для посреднической деятельности в области экспорта советских товаров в США и импорта американских в СССР.

СИПРИ — Международный институт стратегических исследований в Стокгольме.

СЕПО — шведская служба контрразведки.

РИВ — центральный универмаг в Стокгольме.

СИФ — стоимость, страховка, транспортировка.

КА — конспиративный адрес.

Вализа — специальный мешок для перевозки диппочты.

Оперативное управление ГРУ состояло из нескольких направлений (отделов) по географическому делению и театрам военных действий. В направлении было несколько участков (отделений), например, шведский, датский и т. д.

Сын Брежнева был торгпредом в Стокгольме. Затем стал заместителем министра внешней торговли.

Лэнгли — пригород Вашингтона в штате Вирджиния, где размещается штаб-квартира ЦРУ.

«Палка» — вербовка на жаргоне сотрудников ГРУ.

МИ-5 — английская служба контрразведки.

Помват — помощник военного атташе.

В фильме «Маньчжурский кандидат» по одноименному роману Ричарда Кондона рассказывается, что северные корейцы промыли мозги американскому военнопленному и запрограммировали его на возвращение на родину и убийство кандидата в президенты США.

VIP — очень важная персона — (*англ.*).

Главное политическое управление Советской армии.